

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 1 (Вып. 49)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 1 (Вып. 49)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издаётся на русском и английском языках

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарева** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селюткина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Лингвистика»)
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатов** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Фольклористика»)
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Лингвистика»)
К. В. Жданова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Фольклористика»)

д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН)
канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки)
д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН)
Ph.D in systematic musicology **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария)
д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН)
канд. филол. наук **Т. Р. Рыжикова** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР)
д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажибаева** (Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан)
канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ)
канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета
д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ)
д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан)
д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБТ СО РАН)
д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН)
д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа**
(Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия)
д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)
д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН)
д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция)
д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия)
канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет
по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия)
д-р филол. наук **А. Н. Чугунёкова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2712-9608

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт сетевого журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2024. No. 1 (Iss. 49)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
K. V. Zhdanova (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)
N. V. Leonova, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory)
I. A. Nevskaya, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
A. V. Nikolsky, Ph.D in systematic musicology (Frontiers Media, Switzerland)
N. R. Oinotkinova, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
T. R. Ryzhikova, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
V. N. Solovarov, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development)
S. Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Professor
(L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan)
L. N. Tybykova, Candidate of Philology (Gorno-Altaysk State University)
E. V. Tyuntseva, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
L. A. Shamina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) –
Head of the Editorial council
A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS)
M. V. Bavuu-Syuryun, Doctor of Philology (Tuvan State University)
F. Y. Veysalli, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)
L. S. Dampilova, Doctor of Philology, Docent
(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS)
N. I. Danilova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS)
Z. D. Dzhapua, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia
(D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia)
V. L. Klyaus, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS)
M. G. Kondratyev, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities Studies)
M. Olmez, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey)
E. K. Skribnik, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany)
G. B. Sychenko, Candidate of Art Studies, Docent
(International Council for Traditional Music (ICTM), Italy)
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Синтаксис

- Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б.** (Институт финноугроведения Университета им. Людвига-Максимилиана, Мюнхен; ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ,) 9–23
Подлежащее в бурятских конструкциях каузации эмоций
- Чугунекова А. Н.** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова, Абакан) 24–41
Определительные полипредикативные конструкции в хакасском языке
- Тарасевич Д. В.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск,) 42–59
Структурная и функционально-семантическая классификация корякских полипредикативных конструкций со скрепой *tute* ‘когда’

Фонетика

- Добрынина А. А.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск) 60–67
Структура алтайского диалога и средства выражения верификации

Социолингвистика

- Херел А. Х., Бавуу-Сюрюн М. В.** (Институт развития национальной школы Республики Тыва, Кызыл) 68–81
Роль писателей Тувы в языковом строительстве

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Эпосоведение

- Сатанар М. Т.** (СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск) 82–91
Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 3: Путь эволюции

Обрядовый фольклор

- Новикова О. В., Дылгырова А. С., Гымпилова С. Д.** (Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Новосибирск; ВСГИК, Улан-Удэ; ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) 92–104
Сангарил у мирян-буддистов Бурятии

- Мясникова С. А.** (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск; ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Белорусские летние обряды и песни, записанные в Омском
Прииртышье. Характеристика архивных материалов 105–116

Песенный фольклор

- Донорова У. О.** (ТИГПИ, Кызыл)
Тувинская «Песня караванщиков»: от монгольских истоков
до наших дней 117–137

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Раскладкина М. К., Бергельсон М. Б., Кибрик А. А.** (Инженерно-технологический
центр «СканЭкс», НИУ ВШЭ, ИЯз РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)
Аляскинский русский язык: история экспедиций в бывшую
заморскую колонию России 138–152

РЕЦЕНЗИИ

- Тучкова Н. А.** («Музей Природы и Человека», Ханты-Мансийск)
Рецензия на диссертацию А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция
лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале
самодийских языков)», представленную на соискание ученой
степени доктора филологических наук 153–160

ХРОНИКА

- Уртегешев Н. С.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Памяти Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой
(01.01.1950 – 02.10.2023) 161–165

CONTENTS

LINGUISTICS

Syntax

- Skribnik E. K., Darzhaeva N. B.** (Institute for Uralic studies, Ludwig Maximilian University of Munich; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude)
Subjects in emotion causation constructions in Buryat 9–23
- Chugunekova A. N.** (Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University, Abakan)
Determinative polypredicative constructions in the Khakass language 24–41
- Tarasevich D. V.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Structural and functional-semantic classification of Koryak polypredicative constructions with the clause linkage marker *tite* ‘when’ 42–59

Phonetics

- Dobrynina A. A.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
The structure of the Altai dialogue and means of expressing verification 60–67

Sociolinguistics

- Kherel A. Kh., Bavuu-Syuryun M. V.** (Institute for the Development of the National School of the Republic of Tyva, Kyzyl)
The role of Tuvan writers in language construction 68–81

FOLKLORISTICS

Epic Studies

- Satanar M. T.** (North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk)
The image of earth spirit in the olonkho epic. Part 3: The path of evolution 82–91

Ritual Folklore

- Novikova O. V., Dylgyrova A. S., Gympilova S. D.** (M. I. Glinka Novosibirsk Conservatory; East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude; Institute of Mongolian, Buddhism and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude)
Sangaril of lay Buddhists of Buryatia 92–104
- Myasnikova S. A.** (Omsk State University of F. M. Dostoevsky, Omsk)
Belarusian summer rituals and songs recorded in the Omsk Priirtyshye. Characterization of archival materials 105–116

Song Folklore

- Donorova U. O.** (Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kysyl)
Tuvan “Song of the Caravan Leaders”: from Mongolian origins to the present day 117–137

FIELD RESEARCH

- Raskladkina M. K., Bergelson M. B., Kibrik A. A.** (ScanEx ltd, National Research University Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow)
Alaskan Russian: the history of field trips to the former overseas colony of Russia 138–152

REVIEW

- N. A. Tuchkova** (Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk)
Review of the dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (a case study of the Samoyedic languages),” submitted by A. Y. Urmanchieva for the degree of Doctor of Philology 153–160

CHRONICLE

- Urtegeshev N. S.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
To the memory of Firdaus Gil'mitdinovna Khisamitdinova (January 1, 1950 – October 2, 2023) 161–165

ЛИНГВИСТИКА

СИНТАКСИС

УДК 811.512.31'367

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-9-23

Подлежащее в бурятских конструкциях каузации эмоций

Е. К. Скрибник ¹, Н. Б. Даржаева ²

¹ Институт финноугроведения Университета им. Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Бурятские конструкции каузации эмоций представляют собой систему, позволяющую говорящему поставить в фокус внимания разные компоненты Стимула. Информационно наиболее значимый компонент оформляется как подлежащее; это может быть сам Стимул в целом (представленный придаточным или именной группой) либо его главное действующее лицо (Каузатор). Имена предметного значения в этой позиции редки. Стимулы бывают двух типов: непосредственно воспринятые события либо информация о них, причем Стимулы информационного характера несколько частотнее Стимулов-событий, что показывает значимость коммуникативного фактора в языковом сообществе.

Ключевые слова

бурятский язык, синтаксис, каузативные эмотивные глаголы, конструкции каузации эмоций, подлежащее, стимул, каузатор

Благодарности

Авторы выражают благодарность коллегам Б. Д. Цыренову, Л. Б. Бадмаевой, Л. Б. Будожаровой за ценные консультации. Статья подготовлена в рамках госзадания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Подлежащее в бурятских конструкциях каузации эмоций // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 9–23. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-9-23

© Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Subjects in emotion causation constructions in Buryat

E. K. Skribnik¹, N. B. Darzhaeva²

¹*Institute for Finno-Ugric / Uralic studies, Ludwig Maximilian University, München, Germany*

²*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

This article examines the emotion causation constructions (ECC) in Buryat as a systemic means for the speaker to direct attention toward various components of the Stimulus. The most informatively significant component functions as the subject of ECC: it can be the Stimulus, represented by a clause or a noun phrase (NP), or its Agent, referred to as the Causer. Concrete nouns are extremely rarely used as subjects. There are two types of Stimuli: the events perceived directly or the information about these events, with the latter being even somewhat more frequent than the former, indicating the importance of a communicative factor in a language community. The analysis confirms the assumption that all subject types relate to the Stimulus, but the attention focus can vary. It can be directed to the event itself, its presentation forms ranging from a clause to a noun, the source of information about it, the Agent, and rarely the Theme. The prevalence of antroponymic names as subjects in ECCs can be explained by the psychology of communication, with interlocutors usually focusing on other individuals involved in emotion-causing events. Verbalization of emotions caused by inanimate objects is atypical for the Buryat language system. In unconventional scenarios, basic emotive verbs can be employed with inanimate subjects, provided that the speaker's attention is redirected away from the Agent.

Key words

Buryat language, syntax, emotive verbs, causative constructions, subjects, Causer and Stimulus

Acknowledgements

Our sincere gratitude for help with language data goes to B. D. Tsyrenov, L. B. Badmaeva, L. B. Budozhapova. The research was carried out within the project "Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth" (No. 121031000258-9).

For citation

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Subjects in emotion causation constructions in Buryat. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 9–23 (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-9-23

Введение

Синтаксис глаголов, называющих эмоции, в монгольском языкознании до сих пор недостаточно изучен; мы рассмотрим бурятские конструкции с эмотивными глаголами в каузативном залоге. По семантике эмотивные конструкции примыкают к причинным (Причина – Следствие), но имеют и существенные отличия. Обязательным компонентом в них является эмотивный предикат: эмоция понимается как определенное изменение в человеческой психике вследствие некоторых внешних факторов (Стимул – Эмоция). С этой точки зрения эмотивные конструкции примыкают к некоторым изъяснительным (например, к конструкциям оперирования информацией): и те, и другие вербализуют взаимодействие внешнего мира и человеческого сознания (так называемые модус-диктумные конструкции, в противопоставлении диктум-диктумным, например, временным или причинным [Черемисина, Колосова, 1987, с. 66 (со ссылкой на [Балли, 1955])]).

Каузативные конструкции также отражают причинно-следственные связи, но по-другому кодируют ситуации причины и следствия. Каузативность понимается как морфологическая категория глагола, благодаря которой причина и следствие представлены в одном предикатном выражении [Храковский, 2020, с. 69] – в сложном сказуемом со вспомогательным каузативным глаголом либо в простом сказуемом с суффиксом каузативного залога на глаголе, обозначающем следствие, как в бурятском [ГБЯ 1962, с. 206; Дадужева, 2022, с. 14]. Оформление эмотивного глагола показателем каузативного залога существенно меняет его модель управления;

особую значимость в результирующей конструкции приобретает позиция подлежащего. В данной статье мы сосредоточимся на вариантах ее заполнения.

Материалом исследования послужили современные словари, тексты бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты опроса носителей языка¹.

1. Глаголы эмоции и эмотивные конструкции

1.1. Общие сведения

В исследованиях по семантике и синтаксису глаголов эмоций в языках мира (например, [Арутюнова, 1976; Wierzbicka, 1992, 1999; Падучева, 2004; Verhoeven, 2007; Kutscher, 2009; Murgmann, 2019] и мн. др.) особое внимание обращается на соотношение семантических ролей (Экспериенцер и Стимул эмоции, например, [Падучева, 2004, с. 278]) и морфосинтаксических характеристик (подлежащее и дополнения в разных падежных формах). По этому параметру выделяется от двух до трех основных типов эмотивных глаголов и конструкций [Belletti-Rizzi, 1988; Croft, 1993]:

- 1) *fear / temere* (Экспериенцер – подлежащее, Exp/NOM: ‘Я боюсь этого’);
- 2) *frighten / preoccupare* (Экспериенцер – прямое дополнение, Exp/ACC: ‘Это меня пугает’);
- 3) *appeal / piacere* (Экспериенцер – косвенное дополнение, Exp/DAT: ‘Это мне нравится’).

Сходные типы конструкций обнаруживаются и в бурятском языке: конструкции эмоциональной реакции (1а, 2а), каузации эмоций (1в, 2в) и эмоционального состояния (1б, 2б) [Скрибник, 1982]²; примеры группы (1) представляют собой простые предложения, в группе (2) Стимул представлен отдельной предикативной единицей (примеры из [Скрибник, 2015, с. 38]). Обратим внимание, что для бурятского характерно их разведение не за счет разных лексем, а за счет разных производных от одного и того же корня:

- (1а) *Бэлэг-тэ-ш* *ехээр* *баярла-ба-б* (инф.).
подарок-DAT-POSS.2SG очень радоваться-PST-1SG
‘Я сильно обрадовался твоему подарку.’
- (1б) *Би* *бэлэг-тэ-ш* *ехэ* *баяр-тай-б* (инф.).
я подарок-DAT-POSS.2SG очень радость-PROPR-1SG
‘Я очень рад твоему подарку.’
- (1в) *Энэ* *һонин* *намайе* *баярл-уул-ба* (инф.).
этот новость я.ACC радоваться-CAUS-PST[3SG/PL]
‘Эта новость меня обрадовала.’
- (2а) *Би* *Бат-ын* *город* *ерэ-һэн-дэ-нь* *ехэ*
я Бата-GEN город ехать-PC.PAST-DAT-3SG очень
гайха-ба-б.
удивляться-PAST-1SG
‘Я сильно удивился тому, что Бата переехал в город.’

¹ Примеры, полученные от информантов, имеют помету (инф.); все примеры без этой пометы взяты из Бурятского корпуса.

² Наше описание ориентировано на синтаксис конструкций; отметим, что в работах по семантике глаголов эмоций используется другая терминология. Так, Е. В. Падучева различает глаголы (временного) эмоционального состояния типа *радоваться* и (устойчивого) эмоционального отношения типа *любить*, при этом ядро глаголов эмоционального состояния составляют «каузативы, которые обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие» [Падучева, 2004, с. 275–276]; ср. также [Апресян, 2015, с. 30–31]. Тем самым наше употребление термина «эмоциональное состояние» существенно отличается от определения Е. В. Падучевой и относится к семантике конструкции, а не глагола.

- (2б) *Намда* *Бат-ын* *город* *ерэ-хэн-Ø-иинь* *ехэл.*
 я:DAT Бата-GEN город ехать-PC.PAST-NOM-POSS.3 очень
гайхал-тай
 удивление-PROPR
 ‘Для меня (букв.: мне) очень удивительно, что Бата переехал в город.’
- (2в) *Бат-ын* *город* *ерэ-хэн-Ø-иинь* *намайе* *ехэ*
 Бата-GEN город ехать-PC.PAST-NOM-POSS.3 я.ACC очень
гайх-уул-ба.
 удивляться-CAUS-PAST[3SG/PL]
 ‘Меня сильно удивило, что Бата переехал в город.’

Бурятские эмотивные глаголы существенно отличаются от русских по двум параметрам: по падежной форме Стимула и по отношению к залогам. В русском языке, как известно, «дополнения при глаголах этого типа не имеют стабильной формы» [Арутюнова, 1976, с. 160] – *раздражаться на кого, волноваться за кого, радоваться чему* и т. п. В бурятском они стандартно управляют дательным-местным падежом (1а, 2а), за исключением глаголов страха, управляющих исходным (3), т. е. налицо устойчивая форма, мотивированная семантически. В русском исходная основа глагола обозначает, как правило, каузацию эмоций (*что-то радует / пугает кого-то*); для декаузации необходим страдательный залог (*кто-то радуется / пугается чему-то/чего-то*)³, а для выражения эмоционального состояния в нашем понимании используются предикативные прилагательные (*кто-то рад / кому-то стыдно*). В бурятском же предикативные прилагательные эмоционального состояния образуются от названий эмоций суффиксами наличия / отсутствия признака (*-тай / -гүй*, см. 1б, 2б), исходная основа глагола передает эмоциональную реакцию (*баярла-* ‘радоваться’, *ай-* ‘бояться, пугаться’), для выражения каузативного значения необходим показатель каузативного залога (*баярл-уул-* ‘радовать’, *ай-лга-* ‘пугать’):

- (3) *Ши-мни* *Бадма-хаа* *ай-гаа-гүй,* *харин* *Бадм-ые*
 ты-POSS.1SG Бадма-ABL бояться-PC.PRS-NEG но Бадма-ACC
ай-лга-жа *шада-ба-ш.*
 бояться-CAUS-CVB мочь-PAST-2SG
 ‘Ты-мой не испугался Бадмы, однако смог напугать Бадму.’

1.2. Структура конструкций с эмотивным глаголом в каузативном залоге

Непроизводные эмотивные глаголы, образующие конструкции эмоциональной реакции, обычно двухместны: Экспериментер является подлежащим, а Стимул принимает форму одного из косвенных падежей. Производные эмотивные глаголы с суффиксом каузативного залога ведут себя иначе.

Оформление суффиксом каузативного залога обычно приводит к появлению у глагола дополнительного актанта – Каузатора, занимающего позицию подлежащего, а реальный исполнитель действия, исходное подлежащее, становится дополнением, как правило, прямым, как в (1в, 2в, 3), гораздо реже косвенным. Большинство эмотивных глаголов свободно принимает суффикс каузатива, хотя частотность их употребления может различаться (например, *ай-лга-* ‘пугать’ – 126 примеров в корпусе, а *хоролх-уул-* ‘вызывать гнев’ – всего один). Лишь отдельные глаголы таких форм не образуют (*гэмшэ-* ‘раскаиваться’). Глаголы в каузативном залоге, в том числе и эмотивные, в одной словоформе представляют две ситуации: названную основой эмоциональную реакцию и представленную залоговым суффиксом ситуацию каузации (‘заставить’, ‘вызвать’). Соответственно, в таких конструкциях Экспериментер эмоции одновременно

³ «В русском языке от многих каузативных глаголов эмоции образуется инверсный декаузатив на *-ся*» [Падучева, 2004, с. 279].

является Пациенсом каузации, так что оформляется как прямое дополнение, т. е. винительным падежом. Поскольку эмоциональные переживания возможны только у человека (метафорически – у других живых существ), Экспериенцер стандартно представлен антропонимической лексикой (см. примеры 1в, 2в, 3), гораздо реже встречаются названия животных и т. п. и крайне редко, метафорически, персонифицированных предметов и явлений (см. 6).

Если функция прямого дополнения в эмотивной каузативной конструкции (ЭКК) однозначно связана с ролью Экспериенцера, то с функцией подлежащего такой однозначности нет. У большинства каузативных (не эмотивных) глаголов в функции подлежащего представлен Каузатор; у эмотивных глаголов здесь возможны варианты. Помимо Каузатора (см. пример 3, 9, 13) здесь возможен Стимул, особенно если он выражен не развернуто, клаузой (см. 2в, 8, 14б, 15б.), а именной группой (1в, 4, 5, 16, 17) ⁴:

- (4) *Конференции-мнай ябаса бидэ-ниие ехэ баярл-уул-аа.*
 Конференция-POSS.1PL ход мы-ACC очень радоваться-CAUS-PC.PRS[3SG/PL]
 ‘Ход нашей конференции очень обрадовал нас.’
- (5) *Сада ах-айн үгэ намайе гайх-уул-ба.*
 Сада брат-GEN слово я.ACC удивиться-CAUS-PAST[3SG/PL]
 ‘Слова брата Сады меня удивили.’

Обратим внимание, что Стимулом в (4) является событие, а в (5) – информация (см. подробнее 3.2.2.2).

Далее, конструкции каузации эмоций имеют не только двухместные, но и трехместные варианты с косвенным дополнением в орудном падеже. В трехместных ЭКК отношения синтаксических и семантических ролей более жесткие: подлежащее – только Каузатор, прямое дополнение в винительном падеже – Экспериенцер, косвенное дополнение – средство воздействия, Инструмент или Прием (ср. [Падучева, 2004, с. 384, 387]); см. пример (6), где представлен редчайший случай метафоры с неодушевленным Экспериенцером:

- (6) *...аажам_намдуу зун-ай үдэш-ые залуушуул ирагуу*
 тихий лето-GEN вечер-ACC молодежь мелодичный
хайхан дуу-гаар-аа сош-оо-бо.
 хороший песня-INST-REFL испугать-CAUS-PAST[3SG/PL]
 ‘Молодежь своей звучной красивой песней нарушила тишину тихого летнего вечера (букв.: испугала тихий летний вечер).’

Таким образом, если функция прямого дополнения в ЭКК жестко связана с ролью Экспериенцера, то в функции подлежащего ЭКК возможны семантические роли Каузатора и разного типа Стимулов, причем при наличии инструментального дополнения реализуется только роль Каузатора.

2. Подлежащее в эмотивных каузативных конструкциях по данным Бурятского корпуса

Рассмотрим подробнее формальные средства выражения подлежащего и семантические группы имен в этой функции, а также соотношение параметров одушевленность / неодушевленность и Каузатор / Стимул.

Следует оговорить, что терминология описания ЭКК у разных авторов расходится, в первую очередь, в зависимости от общего подхода – от семантики к синтаксису либо от синтаксиса к семантике. Так, Стимул трактуется одновременно как Причина и Содержание эмоции [Ар-

⁴ Ср. о «глаголах психического воздействия» типа *раздражать*: «позицию субъекта при них замещают то имена лиц, то пропозиции и их эквиваленты» [Арутюнова, 1976, с. 153].

утюнова, 1976, с. 177]; последнее связано с ментальным компонентом в толковании семантики эмотивного глагола [Падучева, 2004, с. 278] (ср. [Wierzbicka, 1992, с. 178]):

У обрадовался X-у (X – событие)
 произошло X
 У узнал / увидел / услышал, что X
 У подумал: X (или то, что X имеет место) хорошо
 это вызвало:
 У почувствовал нечто хорошее

«...X – это содержание полученной информации (может быть, воспоминания); предмет оценки – в той или иной степени интеллектуальной – со стороны субъекта; и только вследствие всего этого – причина возникновения эмоции» [Падучева, 2004, с. 278].

Ставится также вопрос «о семантической обоснованности единой роли стимула для всех эмотивных глаголов и о семантических сдвигах, которые она претерпевает при разном синтаксическом выражении» [Апресян, 2015, с. 32–33]. Разнообразие синтаксического выражения Стимула объясняется тем, что эта роль семантически не холистична: вызывать эмоцию могут «одушевленные существа, неживые объекты, знание фактов, мнения и предположения» и пр. Однако если для русского языка «неживые объекты» в этом ряду представляются вполне естественными (ср. также [Сюткина, 2018]), то материал Бурятского корпуса и опрос информантов дает несколько иную картину (см. 3.2.2.3).

В целом исследования в рамках семантического подхода объясняют разнообразие синтаксических реализаций многозначностью эмотивных глаголов: разные их значения (например, межсобытийные и интерперсональные) реализуются в разных конструкциях (с «альтернативой в одной синтаксической позиции антропонимов и пропозитивных номинаций» [Арутюнова, 1976, с. 166]). Однако более продуктивным представляется предложение Е. В. Падучевой включить дополнительно в анализ эмотивных конструкций коммуникативный уровень: различие синтаксических функций участников с одними и теми же семантическими ролями объясняется их разной коммуникативной значимостью («коммуникативные ранги» [Падучева, 2004, с. 281]).

Бурятский язык, в отличие от русского, характеризуется жестким порядком слов SOV, подлежащее занимает начальную позицию в предложении и достаточно жестко связано с коммуникативной ролью темы / топика, т. е. является коммуникативно выделенным; поэтому мы отслеживали для пятнадцати самых частотных в Бурятском корпусе эмотивных глаголов с суффиксами каузативного залога именно характеристики подлежащего: его структурный тип (предикативная единица или именная группа), семантику имен в составе именных групп (одушевленность / неодушевленность, лицо / не-лицо, в случае неодушевленности – более узкие семантические группы); см. табл. 1. Местоимения отдельно не учитывались, они отнесены в зависимости от референта к группе одушевленных либо неодушевленных имен.

Как видно из таблицы, актанты в ЭКК часто эллиптированы; например, с глаголом *айлга-* ‘пугать’ в корпусе имеется 126 примеров, из них только 90 с выраженным подлежащим (семантическая роль Каузатора либо Стимула), возможен также эллипсис прямого дополнения – Экспериенцера. Факторы, обуславливающие эллипсис, могут носить коммуникативный и конструктивный характер. Во-первых, именная группа регулярно эллиптируется, если референт Каузатора активирован в дискурсе. Во-вторых, опускаются коммуникативно незначимые актанты (ср. традиционные термины «обобщенно-личное» и «неопределенно-личное предложение»); в таком случае фокус внимания лежит на самом факте каузации эмоций, а не на ее конкретных участниках (см. 3.2.1). Наконец, возможны различные конструктивные ограничения; так, в (7) в определительной конструкции с глаголом *айлга-* в причастной форме Каузатор назван определяемым именем и, соответственно, не дублируется.

Таблица 1

Типы подлежащего ЭКК в Бурятском корпусе

Table 1

The types of subject in ECCs in the Buryat corpus

Каузативный глагол (+ статистика)	Подлежащее					
	ПЕ	Именная группа				
		Одушевл. (Каузатор)		Неодушевл. (Стимул)		
		Лицо	Не лицо	Имя события	Инфор- мация	Прочее
<i>айлга</i> - ‘пугать’ (126)	–	77 (Ø ⁵ 36)	4	–	6	3
<i>сошоо</i> - ‘припугнуть’ (52)	–	22 (Ø 15)	2	7	6	–
<i>баярлуул</i> - ‘радовать’ (61)	–	29 (Ø 22)	1	5	3	1
<i>баясуул</i> - ‘радовать’ (67)	–	22 (Ø 35)	–	1	8	1
<i>сухалдуул</i> - ‘сердить’ (13)	–	4 (Ø 7)	–	2	–	–
<i>дурлуул</i> - ‘заставить полюбить’ (7)	–	2 (Ø 5)	–	–	–	–
<i>гомдохоо</i> - ‘обижать’ (40)	–	22 (Ø 17)	–	1	–	–
<i>эиээ</i> - ‘стыдить’ (2)	–	1 (Ø 1)	–	–	–	–
<i>хайрлуул</i> - ‘заставить пожалеть’ (5)	–	2 (Ø 3)	–	–	–	–
<i>урмашуул</i> - ‘вдохновлять’ (30)	–	22 (Ø 8)	–	–	–	–
<i>хүхээ</i> - ‘веселить’ (30)	–	19 (Ø 11)	–	–	–	–
<i>бархируул</i> - ‘заставить плакать’ (6)	–	5 (Ø 1)	–	–	–	–
<i>энеэлгэ</i> - ‘смешить’ (20)	1	13 (Ø 6)	–	–	–	–
<i>гайхуул</i> - ‘удивлять’ (65)	1	30 (Ø 20)	–	4	6	4
<i>һонирхуул</i> - ‘заинтересовать’ (51)	2	22 (Ø 12)	–	5	8	2

(7) *Зай, тэрэн-иие ай-лга-һан хүн хадаа*
 хорошо он-ACC бояться-CAUS-PC.PST человек PCL
ошо-хо-л бол-оо бээ-б.
 идти-PC.FUT-PCL AUX-PC.PRS PCL-1SG
 ‘Ну, раз это я (букв.: тот человек, что) его испугал, я, пожалуй, пойду.’

⁵ Ø – эллиптированное подлежащее в определенно-личных и обобщенно-личных предложениях.

3. Структурные типы и семантика подлежащего в ЭКК

В функции подлежащего в ЭКК встречаются придаточные предложения (см. 3.1) и именные группы (как существительные, так и местоимения, см. 3.2). Семантически в этой функции представлены Каузаторы (выраженные антропонимами, шире – одушевленными именами) и разного рода Стимулы (выраженные либо придаточными, либо именами событийного либо информационного значения). Предметная лексика встречается крайне редко (см. 3.2.2.3).

3.1. Придаточные подлежащие

Развернутое представление события-Стимула придаточным регулярно встречается в материалах опроса информантов, однако в корпусе таких примеров немного (см. табл. 1, примеры 2в и 8, ср. также 156, 166).

- (8) ...*гэнтэ* *эрэ_тахья* *шэнгээр* *хорхой-хо-нь*
 вдруг петух словно нахотиться-PC.FUT-POSS.3
хүн-үүд-ые *энеэ-лгэ-нэ.*
 человек-PL-ACC смеяться-CAUS-PRS[3SG/PL]
 ‘То, что он почему-то (букв.: вдруг, неожиданно) так петушится, смешит людей.’

Стимул может быть выражен клаузой в предыдущем контексте, а в ЭКК представлен подлежащим-местоимением. Хотя в бурятском имеется два глагольных местоимения, проксимальное *ии(гэ)*- ‘делать / поступать вот так’ и дистальное *тии(гэ)*- ‘делать / поступать вон тем образом’, но в ЭКК может использоваться только проксимальное местоимение-существительное *энэ* ‘этот; это’ (см. 9); его дистальная пара *тэрэ* ‘тот; то; он’ в таких конструкциях может относиться только к одушевленному референту (см. ниже 10).

- (9) ...*тэрэ-нь* *илдам* *харас-аар* *энеэбхилэ-н,* *урдааһаа-нь*
 он-POSS.3 ласковый взгляд-INS улыбаться-CVB навстречу-POSS.3
дохи-бо. *Энэ-нь* *Майдар-ые* *ехэ*
 кивать-PST[3SG/PL] это-POSS.3 Майдар-ACC сильно
гайх-уул-ба-гүй.
 удивляться-CAUS-PST-NEG[3SG/PL]
 ‘...он, с ласковым взглядом улыбнувшись, кивнул в ответ. Это не сильно удивило Майдара.’

3.2. Именные группы

В подавляющем большинстве корпусных примеров в роли подлежащего используются имена одушевленные (см. табл. 1) с семантикой Каузатора (см. 3.2.1). Неодушевленные существительные преимущественно относятся к двум семантическим группам, называя либо саму ситуацию действительности (например, событие ‘взрыв’), либо информацию о ней (‘новость’), т. е. представляют Стимул в максимально свернутом виде (см. 3.2.2.).

3.2.1. Одушевленность подлежащего в нашем корпусном материале жестко связана с ролью Каузатора; однако тип его оформления зависит от степени активированности соответствующего референта: существительные (Каузатор вводится впервые либо возможен референциальный конфликт), местоимения, эллипсис. Местоименная референция осуществляется дистальным *тэрэ* (10), а не проксимальным *энэ*, как для ситуации-Стимула (9).

- (10) *Алексей,* *юу-гээр* *тэрэ-ини* *шамайе* *гомдох-оо-гоо-б?*
 Алексей что-INST он-POSS.2SG ты.ACC обидеться-CAUS-PST-PCL[3SG/PL]
 ‘Алексей, чем он тебя обидел?’

При эллипсисе подлежащего-Каузатора предложение прочитывается как определенно-личное, реже как неопределенно- и обобщенно-личное. Как правило, опускается имя Каузатора, уже хорошо известного из контекста (топикальность / актуализированность Каузатора), т. е. он легко восстанавливается, особенно в случаях 1-го и 2-го л., где сказуемое оформляется ненулевыми личными показателями (см. 11). Неопределенно-личное и обобщенно-личное прочтение связано с опущением имени Каузатора, информативно в данном контексте незначимого либо генерализованного (12).

- (11) *Эдэ хоёр-ые-ш* *хайса-л* *ай-лга-хан* *бай-ха-б.*
 эти двое-ACC-POSS.2SG хорошо-PCL бояться-CAUS-PC.PST AUX-PC.FUT-1SG
 ‘Этих твоих двоих [я] хорошенько напугал.’

- (12) *Хун-ише* *иигэ-жэ* *ай-лга-жа* *боло-хо* *юм* *аал?*
 человек-ACC PROX-CVB бояться-CAUS-CVB AUX-PC.FUT PCL PCL
 ‘Разве можно [кому бы то ни было] так пугать людей?’

В роли подлежащего-Каузатора встречаются помимо антропонимов и другие одушевленные существительные – названия животных, птиц и т. д.:

- (13) *Нээрээ-ише,* *тэнүүл* *баабгай-нууд* *малша-д-ые* *ехээр*
 вправду-PCL бродячий медведь-PL скотник-PL-ACC много
айлга-жа *бай-на.*
 пугать-CVB AUX-PRS[3SG/PL]
 ‘И вправду, бродячие медведи сейчас сильно пугают скотников.’

3.2.2. Неодушевленные существительные в роли подлежащего, по данным корпуса, – это способ представления Стимула, гораздо более частотный по сравнению с придаточными подлежащими, возможно, в силу своей компактности. Здесь представлены в первую очередь две семантические группы: названия событий (см. 3.2.2.1) и названия коммуникативных и когнитивных актов (см. 3.2.2.2). Имеется также небольшая группа примеров с именами конкретного предметного значения (см. 3.2.2.3).

3.2.2.1. Имена событийного значения (‘случай’, ‘крик’, ‘возвращение’, названия природных явлений, например, ‘гроза’) представляют собой как бы максимальную свертку ситуации-Стимула. Они занимают промежуточное место на шкале, отражающей степень актуализации этой ситуации в контексте и коммуникативные потребности говорящего: придаточное подлежащее – событийное имя – местоимение *энэ*, ср.:

- (14а) *Аймшагтай* *ехэ* *шаихаан* *орион* *тойрон-ише*
 страшный большой крик окрестность вокруг-ACC
сош-оо-бо.
 испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘Всех окружающих (букв.: всю окрестность) напугал громкий крик.’

- (14б) *Тэрэн-эй* *шангаар* *шаиха-хан-иинь* *орион* *тойрон-ише*
 он-GEN громко кричать-PC.PST-POSS.3 окрестность вокруг-ACC
сош-оо-бо (инф.).
 испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘То, что он громко закричал, всех окружающих напугало.’

- (14в) *Энэ-нь* *орион* *тойрон-ише* *сош-оо-бо (инф.).*
 это-POSS.3 окрестность вокруг-ACC испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 [Вдруг раздался громкий крик.] ‘Это всех окружающих напугало.’

Эллипсис существительного-Стимула в корпусе не представлен, т. е. эллиптируются только имена, представляющие Каузатора.

Как показывает корпусный материал, Стимулом может быть не только событие (когда имя можно развернуть в глагольное придаточное предложение), но и положение вещей, статическая характеристика (когда имя можно преобразовать в придаточное предложение с именным сказуемым; при этом появляется глагол-связка *бай-*, не использующийся в независимом простом предложении с таким сказуемым).

- (15a) *Тэрэн-эй ухаан_бодол гайх-уул-даг.*
 он-GEN ум удивляться-CAUS-PC.HAB[3SG/PL]
 ‘Его ум удивляет.’
- (15b) *Тэрэн-эй ухаа-тай бай-хан-инь гайх-уул-даг (инф.).*
 он-GEN ум-PROPR AUX-PC.PST-POSS.3 удивляться-CAUS-PC.HAB[3SG/PL]
 ‘Удивительно (букв.: удивляет), что он [такой] умный.’

3.2.2.2. Самой частотной семантической группой неодушевленных существительных в роли подлежащего ЭКК оказались названия коммуникативных и когнитивных актов, а также их форм / результатов (*асуудал* ‘вопрос’, *ханал*, *бодол* ‘мысль’, ‘знание’, *үгэ* ‘слово’). Таким образом, информация (ее получение, обработка и т. д.) как Стимул играет значительную роль в порождении человеческих эмоций. Такой тип Стимула подтверждает, что эмоция Экспериенцера обусловлена не непосредственным восприятием ситуации действительности, но опосредованно, сообщением или размышлением о ней (ср.: [Падучева, 2004, с. 274]).

- (16) *Энэ мэдээсэл булта-ниие сош-оо-бо.*
 этот известие все-ACC испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘Это известие напугало всех.’
- (17) *Зүгөөр Дылык Доржиевич-ые нэгэ асуудал*
 однако Дылык Доржиевич-ACC один вопрос
ай-лга-на.
 бояться-CAUS-PRS[3SG/PL]
 ‘Однако Дылык Доржиевича пугает один вопрос.’

Содержание речевого или когнитивного акта, т. е. собственно описание ситуации-Стимула, может быть дополнительно представлено в контексте. Для этого обычно используются конструкции со вспомогательным глаголом речи *гэ-*, стандартным средством передачи прямой и косвенной речи в монгольских языках, ряд форм которого грамматикализован в качестве объяснительных союзов [Санжеев, 1940; Рорре, 1951; Baranova, 2015; Скрибник, 1987, 2015]. При существительных «информационной семантики» этот глагол принимает форму причастия прошедшего времени *гэ-хэн*, как в (18).

- (18) *...дахин өөрынгөө түрэг-хэн нютаг яба-ша-на*
 снова свой родиться-PC.PST родина идти-INTENS-PRS
гү гэ-хэн ханал тэрэг-ниие ай-лга-даг бай-ба.
 Q AUX-PC.PST мысль он-ACC бояться-CAUS-PC.HAB AUX-PST[3]
 ‘Его пугала мысль, как бы тот не уехал снова на свою родину (букв.: мысль, говорящая о том, не уедет ли он...).’

3.2.2.3. Неодушевленные существительные, не входящие в названные выше семантические группы, т. е. имена предметного значения, в качестве подлежащих ЭКК встречаются крайне редко. В корпусе представлены примеры с названиями объектов, центральных для некоторых

(неожиданных, не вписывающихся в норму, потенциально опасных и т. п.) ситуаций и символически представляющих эти ситуации в целом; ср.: «Выступая в функции субъекта, конкретная лексика служит окказиональным субституту пропозиции» [Арутюнова, 1976, с. 160]. Это могут быть как природные явления (туча < гроза), так и артефакты (бомба < взрыв и т. п.), их семантическую роль в ситуации-Стимуле можно определить как Тема (в ЭКК такие имена перенимают роль Стимула). Примеры:

- (19) Энэ үдэшин тэмдэг ажалиша хүн-үүд-ые
 этот вечерний знак трудящийся человек-PL-ACC
 ай-лга-на-гүй, тэдэ-ниие баруун хада-нууд-ай
 бояться-CAUS-PRS-NEG они-ACC западный гора-PL-GEN
 араата-жа хүна-хан орой дээрэ-хи няалданги
 торчать-CVB растягиваться-PC.PST вершина PSTP-ADJ прилипший
 боро үүлэн ай-лга-на.
 серый туча бояться-CAUS-PRS[3SG/PL]
 ‘Это вечернее знамение не пугает работающих людей, а пугает их серая туча, застряв-
 шая на растянувшихся острых вершинах западных гор.’

В примере (20а) ситуация-Стимул дополнительно представлена как определение к подобному конкретному существительному:

- (20а) Шала дээрэ хэбтэ-хэн саархан инспектор-ые бүри
 пол PSTP лежать-PC.PST бумага инспектор-ACC PSTP
 ехээр сухалд-уул-ба.
 сильно сердиться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘Еще сильнее рассердило инспектора, что бумага лежит на полу (букв.: Лежащая на по-
 лу бумага еще сильнее рассердила).’

В обоих примерах стимулом эмоции является не просто объект, а стоящее за ним положение вещей (туча как предвестник грозы, разбросанная бумага как показатель беспорядка). Тем не менее в фокусе внимания говорящего находится именно неодушевленный участник ситуации: в контексте примера (20а) инспектор обнаруживает рядом с актовым залом университета кем-то разбросанную бумагу, собирает ее и выбрасывает в урну, т. е. в данном отрезке текста речь идет о бумаге. Кто ее разбросал, неизвестно, тем самым неодушевленный участник ситуации-Стимула оказывается единственным кандидатом на позицию подлежащего, сравним (20а) и (20б), где Агенса известен (по контексту инспектор наблюдает происходящее). Разумеется, это наблюдение касается ситуаций-Стимулов с несколькими участниками, один из которых Агенса, а другой – Пациенс или Тема, но не явлений природы, как в (19).

- (20б) Оюута-д саарха хая-жа, инспектор-ые ехээр
 студент-PL бумага бросать-CVB инспектор-ACC много
 сухалд-уул-аа (инф.).
 сердиться-CAUS-PC.PRS[3SG/PL]
 ‘Побросав бумагу на пол, студенты очень рассердили инспектора.’

Крайняя редкость таких примеров и подавляющая частотность примеров с Каузаторами (< Агенсами) может объясняться психологией межличностного общения: эмоции чаще всего вызывают поступки других людей, и именно люди чаще всего стоят в центре внимания в нарративах, следовательно, именно антропонимы чаще всего оказываются в ЭКК в топиальной позиции подлежащего с семантической ролью Каузатора. Неодушевленные имена в этой позиции чаще всего сигнализируют о необычности ситуации-Стимула, ее расхождении с системой ожиданий.

Интересно, что для русского языка описываются ЭКК с неодушевленным подлежащим, относящимся к целому ряду семантических групп, не представленных в Бурятском корпусе, – это названия произведений искусства, предметов интерьера, природно-ландшафтных объектов, описания внешнего вида и т. п. [Сюткина, 2018]. Корпусные данные и опрос информантов показали, что с такими подлежащими используются не базовые эмотивные глаголы, а сложные идиоматические сочетания типа «радовать душу / глаз» и «трогать сердце»:

- (21) ...одо_мүшэ-д-тэй энэ ковёр ямар-шье хүн-эй нюдэ
 звезда-PL-COM этот ковер какой-PCL человек-GEN глаз
 баяс-уул-маар бай-гаа.
 радовать-CAUS-CVB aux-PC.PRS[3SG/PL]
 'Этот ковер с рисунком звезд (букв.: со звездами) способен кому угодно радовать глаз.'

Прямые переводы предложений типа *Надеюсь, новая мебель ее обрадует* носители языка отвергают.

Из этих данных можно сделать предварительный вывод, что для бурятской языковой системы нетипична вербализация эмоций, вызванных неодушевленными объектами; базовые эмотивные глаголы допускают реализацию с неодушевленным подлежащим, только когда фокус внимания говорящего смещен с Агенса в ситуациях необычных, отклоняющихся от нормы. В примерах типа (21), где Агенса не подразумевается, используются вторичные (более поздние?) конструкты с несколько размытым значением – Экспериментер при них не назван напрямую, а представлен опосредованно, например, через органы чувств. Не исключено также, что их распространение может обуславливаться контактным влиянием русского языка. Таким образом, можно предположить, что в бурятском языке названия базовых эмоций довольно жестко ориентированы на поведение других людей в качестве стимула.

Заключение

Итак, по данным Бурятского корпуса функцию подлежащего в ЭКК предпочтительно выполняют антропонимы (подлежащее-Каузатор), краткие названия информации-Стимула и ситуаций-Стимулов (подлежащее-Стимул); реже используются придаточные подлежащие (ситуации-Стимулы в развернутом виде), крайне редко подлежащее-Стимул представлено предметной лексикой (являющейся, тем не менее, «эквивалентом пропозиции» [Арутюнова, 1976, с. 146]). Так, в 126 корпусных примерах с глаголом *айлга-* 'пугать' Стимулы, представленные придаточным подлежащим, отсутствуют; среди подлежащих, выраженных именными группами, имеются шесть случаев информации-Стимула, три случая ситуаций-Стимулов, все остальные примеры – с именами Каузаторов (антропонимы, только четыре случая – названия животных). Кроме того, контекстуально обусловленные формы Каузаторов и Стимулов различаются. Каузаторы могут быть представлены именными группами (в том числе и придаточными подлежащими типа 'тот, кто'), дистальным указательным местоимением *тэрэ* и эллипсисом. Стимулы могут быть представлены придаточными подлежащими событийного значения ('тот факт, что'), именными группами (названия событий, информация о событиях) и проксимальным указательным местоимением *энэ* (эллипсис невозможен). Самой крупной семантической группой неодушевленных существительных в роли подлежащего-Стимула оказались имена информационного ('новость'), а не событийного значения ('встреча'), ср. [Падучева, 2004, с. 274]; это показывает значимость коммуникативного фактора в языковом сообществе. Содержание этой информации, т. е. собственно ситуация-Стимул, может остаться неназванным либо выражаться дополнительными конструктивными средствами. В целом же анализ корпусных данных приводит к заключению, что все элементы в роли подлежащего при глаголах каузации эмоций, будь то придаточные или имена, как одушевленные, так и неодушевленные, представляют в конечном счете ситуацию-Стимул: придаточные и событийные имена – напрямую, с разной степенью развернутости, имена информационного значения, соответственно, через информацию о ней, имена одушевленные – через ее Агенса, ее активного участника, редкие

имена предметного значения – через ее Тему. Тем самым подтверждается точка зрения, что «каузирует всегда ситуация, а не каузатор» [Недялков, Сильницкий, 1969]. Выбор же способа вербализации зависит от фокуса внимания говорящего («коммуникативных рангов» компонентов [Падучева, 2004, с. 281]). Тот факт, что наиболее частотным в ЭКК является подлежащее-Каузатор, показывает, что фокус внимания говорящего лежит, как правило, на лицах, активно действующих в событиях, вызывающих эмоцию.

Список литературы

- Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 28–66.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 399 с.
- Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 336 с.
- Дадуева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 46 с.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. 311 с.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004. 608 с.
- Санжеев Г. Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ: БурГиз, 1940. 130 с.
- Скрибник Е. К. Бурятские полипредикативные конструкции с показателем *гэжэ* // Показатели связи в сложном предложении. Новосибирск, 1987. С. 35–41.
- Скрибник Е. К. Крепа *гэжэ* в бурятских эмотивных конструкциях // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 36–43.
- Сюткина Н. П. Эмотивные каузативы русского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №11. С. 141–144.
- Храковский В. С. О соотношении причинных и каузативных конструкций // Уч. зап. Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 64–70.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 197 с.
- Baranova V. Grammaticalization paths of the verb *gi-* ‘say’ in Kalmyk // Mongolica Pragensia 15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture. Vol. 8, No. 2 (2015). P. 57–76.
- Belletti A., Rizzi L. Psych-Verbs and Theta-Theory // Natural Language and Linguistic Theory 6. 1988. P. 291–352.
- Croft W. Case marking and the semantics of mental verbs // Semantics and the Lexicon / Ed. by J. Pustejovsky. Dordrecht [u. a.]: Kluwer Acad. Publ., 1993. P. 55–72.
- Kutscher S. Kausalität und Argumentrealisierung: zur Konstruktionsvarianz bei Psychverben am Beispiel europäischer Sprachen. Tübingen: Niemeyer, 2009. 280 pp.
- Murmann M. Inchoative Emotion Verbs in Finnish: Argument Structures and Collexemes // Korpuslinguistik und interdisziplinäre Perspektiven auf Sprache. Bd. 9. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2019. 221 pp.
- Poppe N. Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1951. 187 pp.
- Verhoeven E. Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language. Amsterdam [u. a.]: Benjamins, 2007. 380 pp.
- Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 pp.
- Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 pp.

Список условных сокращений

Ø – нулевая морфема; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADJ** – прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузатив; **COM** – комитатив; **CVB** – деепричастие; **DAT** – датив; **Exp** – Экспериментер; **GEN** – генитив; **INST** – инструменталис; **INTENS** – интенсивное действие; **NEG** – отрицание; **NOM** – номинатив; **PC.FUT** – причастие будущего времени; **PC.HAB** – причастие многократное; **PC.PAST** – причастие прошедшего времени; **PC.PRS** – причастие настоящего времени; **PCL** – частица; **PL** – множественное число; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **PROPR** – проприатив; **PROX** – близкое указание; **CVB** – конверб; **PRS** – настоящее время; **PST** – прошедшее время; **PSTP** – послелог; **REFL** – притяжание; **SG** – единственное число.

References

- Apresyan V. Yu. *Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniem emotsiy: svyaz' semantiki i sintaksisa* [Stimulus valence in Russian verbs with the meaning of emotions: connection between semantics and syntax]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2015, no. 1 (29), pp. 28–66. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, Nauka, 1976, 383 p. (In Russ.)
- Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, 1955, 399 p. (In Russ.)
- Baranova V. Grammaticalization paths of the verb *gi* ‘say’ in Kalmyk. *Mongolica Pragensia 15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture*. 2015, vol. 8, no. 2, pp. 57–76.
- Belletti A., Rizzi L. Psych-Verbs and Theta-Theory. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1988, vol. 6, pp. 291–352.
- Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk, 1987. (In Russ.)
- Croft W. Case marking and the semantics of mental verbs. In *Semantics and the Lexicon*. J. Pustejovsky (Ed.). Dordrecht [u. a.], Kluwer Acad. Publ., 1993, pp. 55–72.
- Dadueva E. A. *Kauzativnye konstruksii v buryatskom yazyke: funktsional'no-semanticheskiy i lingvokognitivnyy aspekty* [Causative constructions in the Buryat language: functional-semantic and linguistic-cognitive aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2022. (In Russ.)
- Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Buryat Grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1962, 336 p.
- Khrakovskiy V. S. *O sootnoshenii prichinnykh i kauzativnykh konstruksiy* [On the relationship between causal and causative constructions]. *Proceedings of Petrozavodsk state university*. 2020, vol. 42, no. 3, pp. 64–70. DOI 10.15393/uchz.art.2020.466 (In Russ.)
- Kutscher S. *Kausalität und Argumenrealisierung: zur Konstruktionsvarianz bei Psychverben am Beispiel europäischer Sprachen*. Tübingen, Niemeyer, 2009.
- Murmann M. Inchoative Emotion Verbs in Finnish: Argument Structures and Collexemes. In: *Korpuslinguistik und interdisziplinäre Perspektiven auf Sprache*. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2019, Bd. 9.
- Nedyalkov V. P., Sil'nitskiy G. G. *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskoy kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad, Nauka, 1969, 311 p. (In Russ.)
- Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 608 p. (Studia philologica). (In Russ.)
- Poppe N. *Khalkha-Mongolische Grammatik*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag GmbH, 1951.
- Sanzheev G. D. *Sintaksis buryat-mongol'skogo yazyka* [Syntax of the Buryat-Mongol language]. Ulan-Ude, BurGiz, 1940, 130 p. (In Russ.)

Skribnik E. K. *Buryatskie polipredikativnye konstruksii s pokazatelem gezhe* [Buryat polipredicative constructions with mark gezhe]. In *Pokazateli svyazi v slozhnom predlozhenii* [Marks of connection in complex sentence]. Novosibirsk, 1987, pp. 35–41. (In Russ.)

Skribnik E. K. *Skrepa gezhe v buryatskikh emotivnykh konstruksiyakh* [Conjunction gezhe in Buryat emotive constructions]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 36–43. (In Russ.)

Syutkina N. P. *Emotivnye kauzativy russkogo yazyka* [Emotive causatives of Russian language]. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of "HUMANITIES"*. 2018, no. 11, pp. 141–144. (In Russ.)

Verhoeven E. *Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language*. Amsterdam [u.a.], Benjamins, 2007.

Wierzbicka A. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1992.

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

12.10.2023

Сведения об авторах

Скрибник Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор Института финноугроведения Университета им. Людвига-Максимилиана (Мюнхен, Германия)

E-mail: skribnik@lmu.de

ORCID 0000-0002-9673-2163

Даржаева Надежда Баировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: dnadezhda@mail.ru

ORCID 0000-0002-1701-2329

Information about the authors

Elena K. Skribnik – Doctor of Philology, Emeritus Professor, Institute for Uralic Studies, Ludwig Maximilian University of Munich (Germany)

E-mail: skribnik@lmu.de

ORCID 0000-0002-9673-2163

Nadezhda B. Darzhaeva – Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: dnadezhda@mail.ru

ORCID 0000-0002-1701-2329

УДК 811.512.153 + 81'367.335.2
DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-24-41

Определительные полипредикативные конструкции в хакасском языке

А. Н. Чугунекова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

В хакасском языке в роли зависимого сказуемого в определительных полипредикативных конструкциях используются причастия, примыкающие к определяемому имени и не принимающие лично-числовых показателей. Зависимая определительная конструкция занимает положение перед главной частью. Прототипические определительные конструкции представлены моделями с релятивизацией субъекта, объекта, локализатора и посессора. В модели с релятивизацией субъекта позиция субъекта в зависимой предикативной единице отсутствует. В моделях с релятивизацией объекта, локализатора и посессора позиция зависимого субъекта обязательна. По семантике выделяются собственно-определительные и несобственно-определительные (изъяснительно-определительные, ограничительно-определительные и обстоятельственно-определительные) конструкции.

Ключевые слова

хакасский язык, определительные отношения, полипредикативные причастные определительные конструкции, аналитические бифинитные полипредикативные конструкции, собственно-определительные конструкции, несобственно-определительные конструкции

Для цитирования

Чугунекова А. Н. Определительные полипредикативные конструкции в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 24–41. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-24-41

Determinative polypredicative constructions in the Khakass language

A. N. Chugunekova

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

Abstract

In the Khakass language, modifying constructions tend to incorporate nonfinite forms as dependent predicates. The dependent modifier precedes the main part of the whole phrase. Prototypical modifying constructions are represented by models with relativization of the core units of the modifying system: subject, object, localizer, and possessor. The subject relativization models are characterized by the absence of the subject position in the dependent predicative unit (DPU). The object, localizer, or possessor relativization models feature the presence of the subject position of the DPU. The dependent predicate is represented by nonfinite forms of the present (on = *chatkhan*), present-future (on = *han*), past (on = *gan*), and future (on = *ar*). Khakass modifying constructions are formed from analytical bifinite constructions where conjunctive words connect the main and dependent parts. Such sentences, commonly found in translated, poetic, and paremic texts, are rarely used in the spoken language. In terms of semantics, the structures under study can be divided into ex-

© А. Н. Чугунекова, 2024

ISSN 2712-9608
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

planatory-modifying, restrictive-modifying, and circumstantial-modifying phrases. The explanatory-modifying phrases follow three models, with the connection between the noun being modified and the modifying DPU performed by the adverbial participle of the verb *tip* combined with the words being modified, by the causative, and by the conjunctionless connection. In the restrictive-modifying phrases, the nature of semantic relations between the DPU and the main predicative unit (MPU) is strongly connected with the noun being defined. The circumstantial-modifying phrases are based mainly on the models of Russian compound sentences with a modifying clause, with MPU structurally occupying always a prepositive position.

Keywords

Khakass language, modifying relations, polypredicative modifying constructions, participle, analytical bifinite polypredicative constructions, proper- modifying constructions

For citation

Chugunekova A. N. Opredelitel'nye polipredikativnye konstruksii v khakasskom yazyke [Modifying polypredicative constructions in the Khakass language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 24–41. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-24-41

Введение

Определительные полипредикативные конструкции (ОПК) достаточно хорошо изучены на материале многих сибирских языков: тувинского [Оюн (Бавуу-Сюрюн), 1988; Шамина¹ 2004; 2008], шорского [Есипова, 1993], бурятского [Скрибник, 1986; Скрибник, Даржаева, 2016], эвенкийского [Бродская, 1986], нанайского и ульчского [Герасимова 2003, 2004, 2006], хантыйского [Ковган, 1991, 2002; Кошкарева, 2001, 2004, 2018], мансийского [Скрибник, Ковган 1986, 1991], ненецкого [Ерченко, 2005, 2007], энецкого [Сорокина, 1986], нганасанского [Коваленко, 1981, 1986] и др. Однако хакасские ОПК до сих пор специально не исследовались. В грамматике хакасского языка им посвящен небольшой параграф в блоке обстоятельственных придаточных предложений [ГХЯ, 1975, с. 400].

Определительные полипредикативные конструкции выражают атрибутивные (определятельные) отношения между двумя событиями. Атрибутивные отношения заключаются в том, что атрибут, т. е. определяющий компонент, включает в себе вторую, дополнительную информацию о предметном участнике ситуации, описываемой основной частью предложения. Атрибутивный компонент может представлять собою отдельное слово, словосочетание или предикативную единицу [Черемисина, 2004, с. 790].

Целью данной статьи является выявление и описание структуры и семантики определительных полипредикативных конструкций в хакасском языке.

Ядро системы ОПК в хакасском языке составляют причастные конструкции. Средством связи является примыкание причастной формы к определяемому имени. Обычно употребляются причастия настоящего времени на =*чатхан* / =*четкен*, настояще-будущего на =*чаң* / =*чең*, прошедшего на =*ган* / =*ген* и будущего времени на =*ар* / =*ер*. Сказуемое главной части выражается глаголами разных лексико-семантических групп. Периферию составляют аналитические бифинитные конструкции.

Фактическим материалом исследования послужили примеры из произведений художественной литературы хакасских писателей, а также фольклорные материалы.

1. Структурные типы определительных конструкций в хакасском языке

Структуру определительной конструкции (ОК) в любом языке составляют четыре компонента: 1) главная предикативная единица (ГПЕ); 2) зависимая предикативная единица (ЗПЕ); 3) определяемое имя (ОИ), которое находится в ГПЕ; 4) экспонент (выразитель) ОИ в ЗПЕ [Ерченко, 2005, с. 141]. Эту структуру можно представить следующим образом:

$$(\alpha^{\text{ОИ}} \dots)^{\text{ЗПЕ}} [\text{N}^{\text{ОИ}} \dots]^{\text{ГПЕ}},$$

¹ В исследованиях Л. А. Шаминой при описании ОПК тувинского языка привлекались материалы и других тюркских языков Южной Сибири, в том числе и хакасского языка.

где α^{OI} – это экспонент ОИ в ЗПЕ, N^{OI} – определяемое имя в ГПЕ. Например, ОК *Турпан, которого застрелили, теперь лежит возле треножника* состоит из двух предикативных единиц: ГПЕ [*турпан лежит возле треножника*] и ЗПЕ (*которого застрелили*). В качестве ОИ выступает слово *турпан*, кореферентное ему имя в ЗПЕ выражается в русском языке посредством относительного местоимения *которого* (α^{OI}), т. е. *турпана*.

Порядок расположения компонентов ОК, способы их выражения и связи между ними в разных языках могут существенно различаться. В соответствии с этим разрабатываются классификации ОК, учитывающие следующие параметры их структуры:

- порядок следования компонентов в ОК;
- способы выражения экспонента в составе ЗПЕ (α^{OI});
- применение того или иного способа выражения экспонента к разным ролям в ЗПЕ;
- предикативные категории, которые могут быть выражены в ЗПЕ, и их морфологическое воплощение.

В зависимости от способа выражения определительных отношений различаются синтетические и аналитические ОК. В синтетических ОК позицию сказуемого ЗПЕ занимает инфинитная форма глагола, в аналитических показателем отношения является отдельное слово – скрепа, а сказуемые обеих частей выражаются финитными формами глагола.

1.1. Синтетические причастные полипредикативные конструкции

Основным и самым частотным способом выражения определительных отношений в хакасском языке служат синтетические полипредикативные конструкции, в которых сказуемое ЗПЕ выражается одной из причастных форм.

Хакасские синтетические ОПК обладают следующими структурными признаками:

- ОК находится непосредственно перед ОИ (этот признак является общим для всех языков урало-алтайской семьи). Редкие исключения составляют поэтические и переводные тексты, где ГПЕ может предшествовать ЗПЕ;
- в роли сказуемого ЗПЕ выступают причастия, которые не принимают лично-числовых показателей и примыкают к ОИ;
- основной принцип построения ОК – лакунарный: кореферентное имя (α^{OI}) в ЗПЕ отсутствует, его позиция остается незаполненной:

$$(\emptyset^{OI} \dots V_{PART})^{ЗПЕ} [N^{OI} \dots V_f]^{ГПЕ},$$

где знак « $\emptyset$ » символизирует лакуну на месте референта определяемого имени (α^{OI}) в составе ЗПЕ, а символ « N^{OI} » в ГПЕ указывает на позицию определяемого имени, которое может выполнять разные синтаксические роли и оформляться, соответственно, разными падежными аффиксами.

1.1.1. Релятивизация ролей ОИ в хакасском языке

Потенциальная роль ОИ в ЗПЕ является структурообразующим параметром для ОК в целом [Ерченко, 2005, с. 142]. Согласно универсальной теории Э. Кинэна и Б. Комри, эти роли выстраиваются в иерархию доступности релятивизации ролей ОИ в ЗПЕ [Кинэн, Комри, 1982, с. 116]:

$$SUBJ > DO > IO > OBL > POSSR > OCOMP$$

Чаще всего встречаются ОК, в которых ОИ в ЗПЕ играет роль субъекта. По мере продвижения по иерархии (потенциальная роль ОИ в ЗПЕ – DO, IO и т. д.) вероятность образования ОК уменьшается.

Образование ОК в хакасском языке возможно не для всех ролей ОИ в ЗПЕ. Как показывает наш материал, имеются примеры ОК с лакуной на месте субъекта (SUBJ), прямого (DO) и косвенного (IO) объектов, пространственного локализатора (OBL), посессора (POSSR) в составе ЗПЕ. Релятивизация объекта сравнения (OCOMP) для хакасского языка не характерна.

1) Модель с релятивизацией субъекта характеризуется отсутствием позиции субъекта в ЗПЕ:

$$(\emptyset^{\text{SUBJ}} \mathbf{V}_{\text{PART}})^{\text{ЗПЕ}} [\mathbf{N}^{\text{ОН}} \dots]^{\text{ГПЕ}}$$

(1) *Чылыг чирзер парарга тимненчеткен тааннар ханаттарын хатырганнар* [Тиников, 1982, с. 21].

чылыг чир=зер пар=арга тимнен=четкен таан=нар=∅
 теплый земля=LAT идти=INF готовиться=PrP галка=PL=NOM
 ханат=тар=ы=н хатыр=ган=нар
 крыло=PL=POSS.3PL=ACC затвердевать=PAST=PL
 ‘Галки, [которые] готовились к перелету в теплые края, закаливали [свои] крылья.’
 ГПЕ {Галки закаливали [свои] крылья}
 ЗПЕ {[Галки] готовились к перелету в теплые края}

(2) *Узунчатхан хусхацахтар өң-пазы үннернең тапсасча* [Чарков, 1994, с. 130].

узу=п=чатхан хусхацах=тар=∅ өң-пазы үн=нер=нең
 спать=CV=PrP птичка=PL=NOM разноцветный голос=PL=INSTR
 тапса=с=ча
 издавать звук=RESIP=PRES
 ‘Спящие птички издают разные звуки.’
 ГПЕ {Птички издают разные звуки}
 ЗПЕ {[Птички] спят}

(3) *Сытасчатхан чүрее не хачанох сыданчатхан Оркон туразында пиктенібіскен* [Татарова, 1991, с. 142].

сытас=чатхан чүрее=не хачанох сыдан=чатхан
 нить=PrP сердце.POSS.3SG=DAT давно справляться=PrP
 Оркон=∅ тура=зы=нда пиктен=ібіс=кен
 Оркон=NOM дом=POSS.3SG=LOC закрываться=PFV=PAST
 ‘Оркон, [который] давно справляется с болью в сердце, закрылся в своем доме.’
 ГПЕ {Оркон закрылся в своем доме}
 ЗПЕ {[Оркон] давно справляется с болью в сердце}

2) В моделях с релятивизацией объекта, локализатора и посессора позиция субъекта ЗПЕ представлена, лакуна образуется на месте отсутствующих в ЗПЕ второстепенных членов предложения, которые соотносятся с определяемым именем в ГПЕ, принимающим форму того или иного падежа в соответствии с синтаксической ролью в предложении.

Прямой объект:

$$(\mathbf{N}^{\text{S2}}_{\text{NOM}} \emptyset^{\text{DO}} \mathbf{V}_{\text{PART}})^{\text{ЗПЕ}} [\mathbf{N}^{\text{ОН}} \dots]^{\text{ГПЕ}}$$

(4) *Піс көрген хоргыстыг чааны / Ам өскен төллер көрбезін!* [Кильчичаков, 2014, с. 35].

піс=∅ көр=ген хоргыстыг чаа=ны ам
 мы=NOM смотреть=PrP страшный война=ACC сейчас
 өс=кен төл=лер көр=бе=зін
 расти=PrP поколение=PL смотреть=IMP.NEG
 ‘Страшную войну, [которую] видели мы, пусть нынешнее поколение не видит.’
 ГПЕ {пусть нынешнее поколение не видит страшную войну}
 ЗПЕ {мы видели [войну]}

- (5) *Позым ісчең аарлыг суғны / Чахайах төзіне мин урғам* [Кильчичаков, 2014, с. 39].

поз=ым іс=**чең** аарлыг суғ=ны чахайах=Ø
сам=POSS.1 пить=**PrF** дорогой вода=ACC цветок=NOM
төзі=не мин=Ø ур=ғам
основание=DAT я=NOM наливать=PAST.1SG
‘Я вылил на цветок (букв.: к основанию цветка) воду, [которую] я сам пил.’
ГПЕ {[я] вылил к основанию цветка воду}
ЗПЕ {сам пил [воду]}

Косвенный объект:

$$(N^{S2} \emptyset^{IO} V_{PART})^{ЗПЕ} [N^{ОН} \dots]^{ГПЕ}$$

- (6) *Син сурапчатхан кізі паза мында чуртабинча* [Ах тасхыл, 1986, с. 10]

син=Ø сура=п=**чатхан** кізі=Ø паза мында
ты=NOM спрашивать=CV=**PrP** человек=NOM и здесь
чурта=бин=ча
жить=NEG=PRES
‘Человек, о котором ты спрашиваешь, здесь больше не живет.’
ГПЕ {человек здесь больше не живет}
ЗПЕ {ты [о человеке] спрашиваешь}

- (7) *Прай класс кұлчеткен Хал Петке класстаң сығара хонған* [Казачинова, 1991, с. 74]

прай класс=Ø кұл=**четкен** Хал Петке=Ø класс=таң
весь класс=NOM смеяться=**PrP** Хал Петке=NOM класс=ABL
сығар=а хон=ған
выводить=CV ночевать=PAST
‘Хал Петке, над которым смеется весь класс, выскочил из класса.’
ГПЕ {Хал Петке выскочил из класса}
ЗПЕ {[над Хал Петке] смеётся весь класс}

Локализатор:

$$(N^{S2} \emptyset^{LOC} V_{PART})^{ЗПЕ} [N^{ОН} \dots]^{ГПЕ}$$

- (8) *Прай ниме тимнел парған ибзер Хапыңнаң Аларчон кіргеннер* [Доможаков, 1975, с. 129].

прай ниме тимне=л пар=**ған** иб=**зер** Хапың=наң
все вещь готовить=PASS идти=**PP** дом=**LAT**
Хапын=INSTR
Аларчон=Ø кір=ген=нер
Аларчон=NOM входить=PAST=PL
‘Хапын с Аларчоном вошли в дом, [где] все было приготовлено.’
ГПЕ {Хапын с Аларчоном вошли в дом}
ЗПЕ {[в доме] все было приготовлено}

- (9) *Осколок түскен чирлерде / Наа хорбылар көр таапчам* [Кильчичаков, 2014, с. 35].

осколок=Ø түс=**кен** чир=лер=де наа хорбы=лар
осколок=NOM падать=**PP** место=PL=LOC новый молодые побеги=PL
көр таап=ча=м
смотреть находить=PRES=1SG
‘В местах, [где] падали осколки, вижу молодую поросль.’

ГПЕ {в местах вижу молодую поросль}
ЗПЕ {[в местах] падали осколки}

- (10) *Пістің чон азах паспаан чир чоғыл* [Чарков, 1994, с. 110].

піс=тің чон=Ø азах=Ø пас=па=ан чир=Ø чоғыл
мы=GEN народ=NOM нога=NOM идти=NEG=PP земля=NOM нет
Букв.: Земля, [по которой] не ходит нога нашего народа, отсутствует.
'Нет места, куда бы не ступала нога нашего человека.'
ГПЕ {земля отсутствует}
ЗПЕ {[по земле] не ходит нога нашего народа}

Посессор:

$(N^{S2}=\text{POSS } \emptyset^{\text{POSSR}} V_{\text{PART}})^{\text{ЗПЕ}} [N^{\text{ОН}} \dots]^{\text{ГПЕ}}$

- (11) *Састары ол пол парған хызычахтар сенексер кире чүгүргеннер* [Казачинова, 1991, с. 68].

сас=тар=ы ол пол пар=ған хызычах=тар
волос=PL=POSS.3PL мокрый быть идти=PP девочка=PL
сенек=сер кире чүгүр=ген=нер
сени=LAT внутрь бежать=PAST=PL
'Девочки, волосы [которых] промокли, вбежали в сени.'
ГПЕ {девочки вбежали в сени}
ЗПЕ {волосы [девочек] промокли}

- (12) *Табыстары ырах истілчеткен хустар хайлар аразында чуртпачалар.*

табыс=тар=ы ырах истіл=четкен хус=тар хайа=лар
голос=PL=POSS.3PL далеко слышаться=PrP птицы=PL скала=PL
аразы=нда чурта=п=ча=лар
середина=LOC жить=CV=PRES=PL
'Птицы, голоса [которых] далеко слышны, живут среди скал.'
ГПЕ {птицы живут среди скал}
ЗПЕ {голоса [птиц] далеко слышны}

- (13) *Көлеткілері суғда көрінчеткен ағастар чардаң ырах нимес өсчеткеннер*

көлеткі=лер=i суғ=да көрін=четкен ағас=тар чар=дан
тень=PL=POSS.3PL река=LOC виднеться=PrP дерево=PL берег=ABL
ырах нимес өс=четкен=нер
далеко не расти=PAST=PL
'Недалеко от берега росли деревья, тени которых видны в реке.'
ГПЕ {недалеко от берега росли деревья}
ЗПЕ {тени [деревьев] видны в реке}

1.1.2. Способы выражения субъекта и предиката ЗПЕ

В хакасском языке субъект ЗПЕ может быть выражен эксплицитно – именем существительным или местоимением в формах номинатива и генитива.

- (14) *Ырчы тастаан гранатаны / Тохтаатхан ол хатыг көксінең* [Кильчичаков, 2014, с. 34].

ырчы=Ø таста=ан граната=ны тохтат=хан ол=Ø
враг=NOM бросать=PP граната=ACC останавливать=PRES он=NOM
хатыг көксі=нең
твердый грудь=INSTR
'Гранату, брошенную врагом, остановил он [дуб] широкой грудью.'

- (15) *Мишаның тогынын алган ахчазын Степан огырлап алтыр* [Хакас чирі, 2022, с. 7].

Миш=ның	тогын=ып	ал=ған	ахча=зы=н	Степан=Ø
Миша=GEN	работать=CV	братъ=PP	деньги=POSS.3SG=ACC	Степан=NOM
огырла=п	ал=тыр			
воровать=CV	братъ=PAST			

‘Деньги, [которые] заработал Миша, оказывается, своровал Степан.’

Зависимый предикат в хакасских определительных конструкциях выражается формой причастия настоящего времени на =*чатхан* / =*четкен*, настояще-будущего времени на =*чаң* / =*чең*, прошедшего на =*ган* / =*ген* и будущего на =*ар* / =*ер*. В ОПК причастия никогда не принимают показателей лица и числа.

- (16) *Мин Капитонның чуртын узаратчатхан хорбы полчаңмын* [Тиников, 1982, с. 99].

мин=Ø	Капитон=ның	чурт=ы=н	узарат=чатхан
я=NOM	Капитон=GEN	дом=POSS.3SG=ACC	продлевать=PrP
хорбы=Ø	пол=чаң=мын		
поросль=NOM	быть=PAST=1SG		

‘Я являюсь порослью, [которая] продлевает жизнь Капитона.’

- (17) *Сагаа піс Кланча одырған тураны пирерге чарат салдыбыс* [Кильчичаков и др., 1991, с. 122].

сагаа	піс=Ø	Кланча=Ø	одыр=ған	тура=ны	пир=ерге
ты.DAT	мы=NOM	Кланча=NOM	жить=PP	дом=ACC	давать=INF
чарат	сал=ды=быс				
разрешать	класть=PAST=1PL				

‘Мы решили отдать тебе дом, [в котором] жила Кланча.’

- (18) *Магаа хада тогынар кізі пір дее табылбинча* [Кильчичаков и др., 1991, с. 5].

магаа	хада	тогын=ар	кізі=Ø	пір	дее
я.DAT	вместе	работать=PrFUT	человек=NOM	один	PCTL
табыл=бин=ча					
находить=NEG=PRES					

‘Я не могу найти человека, который будет со мной работать.’

- (19) *Мында магаа турчаң пір дее кізі табылбас* [Кильчичаков и др., 1991, с. 11].

мында	магаа	тур=чаң	пір	дее	кізі=Ø
здесь	я.DAT	стоять=PrF	один	PCTL	человек=NOM
таб=ыл=бас					
находить=PASS=FUT.NEG					

‘Здесь не найдется ни одного человека лучше меня (букв.: [который] стоит меня).’

1.2. Аналитические бифинитные полипредикативные конструкции

В бифинитных ППК связь между главной и зависимой частями осуществляется при помощи союзных слов *хайзы* ‘который’, *хайдаг* ‘какой’, *хайда* ‘где’, *хайдаң* ‘откуда’ и др. [ГХЯ, 1975, с. 400]. В речи такие предложения употребляются весьма ограниченно, в основном используются в переводных, поэтических и паремических текстах.

- (20) *Ол хоных пик, хайзы чөптіг чуртапча* [ГХЯ, 1975, с. 400].

ол=Ø	хоных=Ø	пик	хайзы	чөп=тіг	чурта=п=ча
тот=NOM	жизнь=NOM	крепкий	который	согласие=POSSV	жить=CV=PRES

‘Та жизнь крепка, в которой есть согласие (дружба).’

Союзное слово *хайзы* принимает как падежные, так и посессивные (3-е л. ед. и мн. ч.) аффиксы.

(21) *Кічіг турада ічелері халган, хайзын мин кічіг ічем тічеңмін* [Айтматов, 1992, с. 5].

кічіг	тура=да	іче=лер=i	хал=ган	хайзы=н
маленький	дом=LOC	мать=PL=POSS.3	остаться=PAST	который=ACC
мин=Ø	кічіг	іче=м	ті=чең=мін	
я=NOM	маленький	мать=POSS.1SG	говорить=PAST=1SG	

‘В маленьком доме осталась [их] мать, которую я называл младшей матерью.’

(22) *Мин пу чоохты иском паза ол кізілердеңер сағынғам, хайзылары пу вагоннарда полғаннар* [Айтматов, 1992, с. 80].

мин=Ø	пу	чоох=ты	ис=кем	паза	ол
я=NOM	это	разговор=ACC	слышать=PAST.1SG	CONJ	тот
кізі=лер=денер		сағын=ғам	хайзы=лар=ы		пу
человек=PL=DEL		думать=PAST.1SG	который=PL=POSS.3SG		этот
вагон=нар=да		пол=ған=нар			
вагон=PL=LOC		быть=PAST=PL			

‘Я слышал этот разговор и думал о тех людях, которые были в этом вагоне.’

Союзное слово *хайдаг* вносит в ЗПЕ «дополнительный оттенок уподобления» [ГХЯ, 1975, с. 401]. В составе ГПЕ обычно имеется дейктическое местоимение *андаг*:

(23) *Палыгы хайдаг, мўні андагох* [Хыйға сөс, 2021].

палыг=ы	хайдаг	мўн=i	андаг=ох
рыба=POSS.3SG	какой	бульон=POSS.3SG	такой=PCTL

‘Какая рыба, такая и уха [её].’

Союзные слова *хайда* ‘где’, *хайдар* ‘куда’, *хайдаң* ‘откуда’ вносят в ЗПЕ оттенок пространственности. ЗПЕ «с этими словами является определительным, если относится к существительному или местоимениям *андаг, ол*» [ГХЯ, 1975, с. 401].

(24) *Ол тайгада, хайдар піс таңда парарбыс, аң даа, хузух таа көп* [ГХЯ, 1975, с. 401].

ол	тайга=да	хайдар	піс=Ø	таңда	пар=ар=быс
тот	тайга=LOC	куда	мы=NOM	завтра	идти=FUT=1PL
аң=Ø	даа	хузух=Ø	таа	көп	
зверь=NOM	PCTL	орех=NOM	PCTL	много	

‘В той тайге, куда мы завтра поедem, много зверей и орехов.’

2. Семантические типы определительных конструкций в хакасском языке

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, на основании характера ОИ (его авто-семантической либо синсемантической) различаются собственно-определительные и несобственно-определительные полипредикативные конструкции [Шамина, 2004, с. 42].

2.1. Собственно-определительные конструкции

В собственно-определительных ППК дается характеристика «некоторого предмета (в широком смысле, т. е. лица, предмета, явления и т. п.) через его участие, помимо главной, еще и в другой ситуации, описанной ЗПЕ» [Структурные типы..., 1986, с. 207]. В таких конструкциях ОИ выступает автосемантическое (знаменательное) слово, не требующее для раскрытия своего значения обязательного сочетания с другими словами или предикативными единицами. Сказуемое ГПЕ выражается глаголами разных лексико-семантических групп.

(25) *Сагдай хадарчатхан чылгы ікі ыырлыг кизекке чарылча* [Доможаков, 1975, с. 84].

Сагдай=Ø	хадар=чатхан	чылгы=Ø	ікі	ыырлыг
Сагдай=NOM	пасти=PrP	табун=NOM	два	враждебный
кизек=ке	чар=ыл=ча			
кусок=DAT	делить=PASS=PRES			

‘Табун лошадей, [которых] пасет Сагдай, разделился на два враждебных лагеря.’

(26) *Чай тооза хар чатчатхан тасхыл Сахчах тіп адалча.*

чай=Ø	тооза	хар=Ø	чат=чатхан	тасхыл=Ø
лето=NOM	PCTL	снег=NOM	лежать=PrP	тасхыл=NOM
Сахчах=Ø	тіп	адал=ча		
Сахчах=NOM	CV	называться=PRES		

‘Тасхыл ², [на которой] все лето лежит снег, называется Сахчах.’

(27) *Мин чуртаан тура улуг ла полбаан.*

мин=Ø	чурта=ан	тура=Ø	улуг	ла	пол=ба=ан
я=NOM	жить=PP	дом=NOM	большой	PCTL	быть=NEG=PAST

‘Дом, [в котором] я жил, был небольшим.’

(28) *Піс чуртир орын мыннаң ырах нимес.*

піс=Ø	чуртир	орын=Ø	мыннаң	ырах	нимес
мы=NOM	жить.PrFUT	место=NOM	отсюда	далеко	PCTL: не

‘Место, [где] мы будем жить, отсюда недалеко.’

2.2. Несобственно-определятельные конструкции

В несобственно-определятельных конструкциях отношение между определяемым именем и определяющей частью включает значения, характерные для других типов синтаксических конструкций (обстоятельственных и изъяснительных) [Ковган, 1991, с. 6]. Этот подтип выделяется на основе типовой семантики существительных, занимающих позицию ОИ.

В роли ОИ выступают синсемантические слова, требующие раскрытия своего содержания в определятельной ЗПЕ. Позиция определения в этих конструкциях является обязательной, определятельную ЗПЕ нельзя устранить из предложения, не нарушив его грамматической правильности или смысловой полноты [Структурные типы..., 1986, с. 224–225].

Для хакасского языка мы выделяем три типа несобственно-определятельных конструкций: обстоятельно-определятельные, изъяснительно-определятельные и ограничительно-определятельные.

2.2.1. Обстоятельно-определятельные конструкции

В хакасском языке имеются ОК, в определяющей части которых ОИ выполняет роль обстоятельства времени. По нашим данным, такие предложения чаще встречаются в поэтических и переводных текстах. В данном случае ГПЕ предшествует ЗПЕ.

(29) *Хынчам хысхы харааларына, / Хачан чоон харлар тооланча, / Хачан чүреем ах хар соогына / Көксимде иптiг сабылча* [Тохтобин, Кичеев, 1993, с. 36].

хын=ча=м	хысхы=Ø	хараа=лар=ы=на	хачан
любить=PRES=1SG	зима=NOM	ночь=PL=POSS.3SG=DAT	когда
чоон	хар=лар	хачан	чүреем
большой	снег=PL	когда	сердце.POSS.1SG
хар=Ø	сооҕ=ы=на	көксi=м=де	иптiг
снег=NOM	холод=POSS.3SG=DAT	грудь=POSS.1SG=LOC	аккуратно

² Тасхыл – 1) высокая безлесная гора; 2) цепь высоких гор в тайге, вершины которых обычно покрыты альпийской растительностью [ХРС, 2006, с. 602].

саб=ыл=ча

бить=PASS=PRES

‘Люблю зимние ночи, / Когда падают большие снежинки, / Когда [мое] сердце от холода белого снега / Бьется спокойно в моей груди.’

- (30) *Айлан көреңер 1954 чылзар, хачан Агбандагы музейнің тогынчызы, археолог, учёнай Альберт Николаевич Липский, пістің ызых чирлернің тастарын музейзер чыган* [Хуртуях тас, 2013, с. 5].

айлан	көр=еңер	1954	чыл=зар	хачан	
возвращаться	смотреть=IMP.1PL	1954	год=LAT	когда	
Агбан=дагы	музей=нің	тогынчы=зы		археолог=Ø	
Абакан=ADJ	музей=GEN	работник=POSS.3SG		археолог=NOM	
учёнай	Альберт	Николаевич	Липский	піс=тің	ызых
ученый	Альберт	Николаевич	Липский	мы=GEN	священный
чир=лер=нің	тас=тар=ы=н		музей=зер	чыг=ан	
земля=PL=GEN	камень=PL=POSS.3SG=ACC	музей=LAT	собирать=PAST		

‘Давайте вернемся в 1954 год, когда работник Абаканского музея, археолог, ученый Альберт Николаевич Липский собирал наши священные камни для музея.’

Кроме того, в хакасском языке определительные конструкции несут в себе оттенок пространственного значения (см. подробнее [Чугунекова, 2021]).

2.2.2. Изъяснительно-определительные конструкции

В главной части изъяснительно-определительных ОПК употребляются имена существительные с семантикой оперирования информацией типа ‘новость’, ‘известие’, ‘разговоры’, ‘слухи’, ‘совет’, ‘обещание’ и др. Они обладают двойственной природой: морфологически как имена существительные они могут иметь при себе определения, а по семантике сочетаются с деликативными единицами.

Изъяснительно-определительные конструкции представлены тремя моделями предложений.

1) Структурная схема ($N_{\text{NOM}} \text{Tv}=\text{PART } V_{\text{тин}} [N_{\text{NOM}}^{\text{DEL}} V_{\text{т}}]$): в таких конструкциях связь между определяемым именем и определяющей ЗПЕ осуществляется с помощью деепричастной формы *тин* от глагола со значением ‘говорить’, которая употребляется в роли скрепы. Определяемыми словами являются лексемы со значением оперирования информацией типа *хабар* ‘новость, известие’, *сөс* ‘слово’, *чоох* ‘слух, разговор’ и др.

- (31) *Пір дее пырозы чох кізіні бригадир Топас харибге сугыбысхан тіп хабар чөрçeң* [Тиников, 1982, с. 104].

пір	дее	пыро=зы	чох	кізі=ні	бригадир=Ø	Топас=Ø
один	PCTL	вина=POSS.3	нет	человек=ACC	бригадир=NOM	Топас=NOM
хариб=ге		суг=ыбыс= хан	тіп	хабар=Ø	чөр=çeң	
тюрьма=DAT		упрятать=PFV= PP	CV	слух=NOM	ходить=PAST	

‘Ходили слухи, что бригадир Топас упрятал в тюрьму совершенно безвинного человека.’

- (32) *От тузында чахсы тогынган кізілерні районның кінізсер хыгырт парыбыстырлар тіп хабар читкен* [Тиников, 1982, с. 60].

от=Ø	туз=ы=нда	цахсы	тогын=ған	кізі=лер=ні
сено=NOM	время=POSS.3=LOC	хорошо	работать=PP	человек=PL=ACC
район=ның	кін=i=нзер	хыгыр=т	пар=ыбыс= тыр =лар	тіп
район=GEN	центр=POSS.3=LAT	звать=CAUS	идти=PFV= PP =PL	CV
хабар=Ø	чит=кен			
новость=NOM	доходить=PAST			

‘Дошло известие, что людей, кто хорошо работал во время сенокоса, увезли (чествовать) в районный центр.’

(33) *Сісерні огырнаң на чуртааннар тіп чоох чөрчең* [Кильчичаков и др., 1991, с. 54].

сісер=ні	огыр=наң	на	чурта=ан=нар	тіп
вы=ACC	воровство=INSTR	PCTL	жить=PP=PL	CV
чоох=Ø	чөр=чең			
разговор=NOM	ходить=PAST			

‘Ходили слухи, что вы жили только за счет воровства.’

2) Структурная схема ($N_{\text{NOM}} T_V = \text{PART} = \text{CASE}$) [$N_{\text{NOM}}^{\text{DEL}} V_f$]: в предложениях данной структуры в роли посредника между определяемой и определяющей ПЕ может выступать аффикс причинно-следственного падежа =даңар / =деңер, =наңар / =неңер.

(34) *Күн тооза Аларчон хамнирдаңар сыбыхтастар чөргеннер* [Доможаков, 1975, с. 128].

күн=Ø	тооза	Аларчон=Ø	хамнир=даңар	сыбыхтас=тар
день=NOM	весь	Аларчон=NOM	шаманить=DEL	шепот=PL
чөр=ген=нер				
ходить=PAST=PL				

‘Целый день в деревне ходили разговоры, что Аларчон будет шаманить.’

3) Структурная схема [$N_{\text{NOM}}^{\text{DEL}} V_f$]: ($N_{\text{NOM}} V_f$). Самый простой способ выражения определительных отношений в хакасском языке – «бессоюзные сложные предложения» [Субракова, 1980, с. 38], в которых ГПЕ предшествует ЗПЕ.

(35) *Парлар чииттер: кізі көзіне угаа чахсылар* [Чарков, 1994, с. 25].

пар=лар	чииттер=Ø	кізі=Ø	көзі=не
есть=PL	молодежь=NOM	человек=NOM	POST: присутствие=DAT
угаа	чахсы=лар		
очень	хороший=PL		

‘Есть молодые, [которые] при людях очень хорошие.’

(36) *Чонда кибір пар: пастагы иреетті улуғлар пастыра апарарға кирек* [Чарков, 1994, с. 29].

чон=да	кибір=Ø	пар	пастагы иреет=ті
народ=LOC	обычай=NOM	есть	первый тост=ACC
улуғлар	пастыра	апар=арға	кирек
старшие	POST: через	вести=INF	надо

‘В народе есть обычай: первый тост должен говорить старший.’

(37) *Имнепчеткен имчі, хызын хыгыртып алып, чөп пирген: өрекенні аалзар апар килерге, үр нимеске дее* [Ах тасхыл, 1989, с. 45].

имне=п=четкен	имчі=Ø	хыз=ы=н	хыгыр=т=ып
лечить=CV=PrP	врач=NOM	дочь=POSS.3=ACC	звать=CAUS=CV
ал=ып	чөп=Ø	пир=ген	өрекен=ні
брат=CV	совет=NOM	давать=PAST	бабушка=ACC
апар	кил=ерге	үр	нимес=ке
вести	идти=INF	долго	PCTL: не=DAT
			PCTL

‘Лечащий врач позвала дочь и дала совет: хоть ненадолго свозить бабушку домой в деревню.’

(38) *Хачан Опан хатыг чолға сығарда, удур-төдір сөс алысханнар: тастаспасха* [Тиников, 1982, с. 117].

хачан	Опан=Ø	хатыг	чол=ға	сығ=ар=да
когда	Опан=NOM	трудный	дорога=DAT	выходить=FUT=LOC

удур-төдір сөс=Ø ал=ыс=хан=нар таста=с=пасха
 друг друга слово=NOM брать=RECIP=PAST=PL бросать=RECIP=FUT.NEG
 ‘Когда Опан собрался в дорогу, дали друг другу слово: не расставаться.’

(39) *Паза пір хылии полган аның: угаа хортых* [Ах тасхыл, 1986, с. 104].

паза пір хылии пол=ган аның угаа хортых
 еще один характер.POSS.3 быть=PAST он.GEN очень трусливый
 ‘У него была еще одна черта характера: он [заяц] был очень труслив.’

2.2.3. Ограничительно-определятельные конструкции

В ограничительно-определятельных конструкциях в роли ОИ выступают слова со значением *чир* ‘земля’, *ниме* ‘предмет’, *кізі* ‘человек’ и др. Сказуемым ГПЕ часто являются бытийные глаголы. Для таких конструкций характерен повтор определяемого имени.

(40) *Улагаң чуртаан чир угаа магат чир полтыр* [Тиников, 1982, с. 5].

улага=ң чурта=ан **чир=Ø** угаа магат **чир=Ø**
 дедушка=POSS.2SG жить=PP **место=NOM** очень хороший **место=NOM**
 пол=тыр
 быть=PAST
 ‘Место, [где] жил твой дедушка, оказывается, очень хорошее место.’

(41) *Минің тайгама турар чир үстүнде чир чоғыл* [Кильчичаков и др., 1991, с. 163].

мин=ің тайга=м=а тур=ар **чир=Ø**
 я=GEN тайга=POSS.1SG=DAT стоять=Pr.FUT **земля=NOM**
 үстү=нде **чир=Ø** чоғыл
 вверх=LOC **земля=NOM** нет
 ‘Такой тайги, как моя тайга, больше нигде нет.’

(42) *Минде чуртаан кізілер чахсы кізілер полтыр* [Ах тасхыл, 1986, с. 104].

мин=де чурта=ан **кізі=лер** чахсы **кізі=лер** пол=тыр
 я=LOC жить=PP **человек=PL** хороший **человек=PL** быть=PAST
 ‘Люди, [которые] жили у нас, оказывается, хорошие люди.’

Заключение

В результате проведенного исследования нами установлено, что для ОК хакасского языка свойственна монофинитность, т. е. использование в функции предиката ЗПЕ причастных форм: настоящего времени на =*чатхан* / =*четкен*, настоящего-будущего времени на =*чаң* / =*чең*, прошедшего на =*ган* / =*ген* и будущего на =*ар* / =*ер*. ОИ входит в состав ГПЕ. ЗПЕ строится на основе лакунарного принципа: имя, кореферентное ОИ, в ЗПЕ материально не выражается. Определительная ЗПЕ занимает положение перед главной частью.

Прототипические ОК представлены моделями с релятивизацией субъекта, объекта, локализатора и посессора и являются ядром системы ОК хакасского языка. Модели с релятивизацией субъекта свойственны отсутствию позиции субъекта в ЗПЕ, в моделях с релятивизацией объекта, локализатора и посессора позиция субъекта ЗПЕ выражается эксплицитно. Периферия ОК хакасского языка складывается из аналитических бифинитных конструкций, в которых связь между главной и зависимой частями осуществляется при помощи союзных слов. В речи такие предложения употребляются очень редко, чаще всего они наблюдаются в переводных, поэтических и паремических произведениях.

Семантические типы определятельных конструкций представляют собственно-определятельные и несобственно-определятельные предложения. К несобственно-определятельным относятся обстоятельственно-определятельные, изъяснительно-определятельные и ограничительно-определятельные конструкции, которые различаются по семантике ОИ. В обстоятельственно-определятельных в позиции ОИ стоит имя локативной

или временной семантики. Такие ОК относятся к бифинитному типу с аналитическим показателем связи. ГПЕ занимает препозитивную позицию. В главной части изъяснительно-определятельных конструкций находятся существительные с семантикой оперирования информацией. Они строятся по трем моделям, связь между определяемым именем и определяющей ЗПЕ осуществляется в них с помощью деепричастной формы глагола *min*, формой причинно-следственного падежа, а также путем бессоюзного соединения. В ограничительно-определятельных предложениях характер смысловых отношений между ЗПЕ и ГПЕ тесно связан с определяемым именем, в их структуре наблюдается параллелизм.

Список литературы

- Бродская Л. М. Определительные полипредикативные конструкции в эвенкийском языке // Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986. С. 241–248.
- ГХЯ 1975 – *Грамматика хакасского языка* / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
- Герасимова А. Н. Структурные типы определительных полипредикативных конструкций в нанайском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск, 2003. С. 107–136.
- Герасимова А. Н. Структурные типы определительных причастных конструкций в нанайском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск, 2004. С. 132–143.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 27 с.
- Ерченко М. А. Модели полипредикативных определительных конструкций тундрового диалекта ненецкого языка и их структурные варианты // Языки коренных народов Сибири. Вып. 16. Новосибирск, 2005. С. 141–162.
- Ерченко М. А. Полипредикативные определительные конструкции в ненецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 19 с.
- Есипова А. В. Определительные функции причастия в шорском языке. Новосибирск, 1993. 129 с.
- Кинэн Э. Л., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1982. С. 111–165.
- Коваленко Н. Н. О причастии в нганасанском языке // Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981. С. 82–93.
- Коваленко Н. Н. Конструкции с причастной определительной ЗПЕ в самодийских языках. Нганасанский язык // Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. С. 248–252.
- Ковган Е. В. Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 16 с.
- Ковган Е. В. Способы выражения кореферентности в хантыйском языке // Языки народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 3–28.
- Кошкарёва Н. Б. Полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском и ненецком языках // Congressus internationalis fenno-ugristarum, IX. Tartu, 07 – 13.08.2000. Pars V. Linguistica II. Tartu, 2001. С. 121–133.
- Кошкарёва Н. Б. Принципы классификации полипредикативных конструкций в уральских языках Сибири (хантыйском и ненецком) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск, 2004. С. 121–131.
- Кошкарёва Н. Б. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций хантыйского языка // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2018. С. 341–371.

- Оюн (Бавуу-Сюрюн) М. В. Определительные конструкции в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 18 с.
- Скрибник Е. К. Определительные полипредикативные конструкции в бурятском языке // Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. С. 230–241.
- Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Причастные определительные конструкции // Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Т. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 141–153.
- Скрибник Е. К., Ковган Е. В. Притяжательные аффиксы в определительных конструкциях (на материале бурятского и хантыйского языков) // Языки народов Севера Сибири. Новосибирск, 1986. С. 39–50.
- Скрибник Е. К., Ковган Е. В. Система причастных определительных конструкций в обско-угорских языках // Языки народов Сибири: Грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 84–108.
- Сорокина И. П. Конструкции с причастной определительной ЗПЕ в самодийских языках. Энецкий язык // Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. С. 252–256.
- Субракова О. В. Средства выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 22–41.
- Черемисина М. И. О некоторых типах определительных конструкций, не вполне отвечающих понятию сложного предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2001. С. 3–19.
- Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Чугунекова А. Н. Бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 66–74.
- Чугунекова А. Н. Определительные бипредикативные конструкции в хакасском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8-2 (71). С. 82–84.
- Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004. 50 с.
- Шамина Л. А. Атрибутивные бипредикативные конструкции в тюркских языках Южной Сибири // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. С. 177–180.

Список источников

- Айтматов Ч. Т. Джамия. Повести (на хакасском языке). Абакан: Хакас. изд-во, 1992. 240 с.
- Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. № 36. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1986. 145 с.
- Ах тасхыл. Литературно-художественный альманах. № 37. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1989. 145 с.
- Доможяков Н. Г. Ыраххы аалда: Роман. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1975. 256 с.
- Илбек Хуртуйах Тас – Чир-суубыстың сын Инезі: кип-чоохтар. = Великая Хуртуйах Ине – истинная богиня нашей земли: очерки, легенды. На хакасском и русском языках. Абакан: Хакас книга издательствозы, 2013. 184 с.
- Казачинова Г. Г. Ребята нашего аала. Рассказы для детей младшего школьного возраста (на русском и хакасском языке). Абакан: Хакас. издат., 1991. 112 с.
- Кильчичаков М. Е. Избранная лирика. Сборник стихов, рубай, песен, четверостиший. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2014. 118 с.
- Кильчичаков М. Е., Шульбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г. Пьесалар. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хакас. изд-во., 1991. 264 с.

Татарова В. К. Аат табызы: Крик турпана. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1991. 232 с.

Тиников Н. Е. Тiрiг кiзi ѓлбечен: Живые не умирают: Повести. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1982. 240 с.

Тиников Н. Е. Кавристин кӱглерi: Песни Кавриса: повесть (на хакасском языке). Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1977. 124 с.

Тохтобин Ф. С., Кичеев Г. В. Вечерние узоры: Сборник стихов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. 128 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Хакас чирi. Республиканская газета. 2022. № 15. С. 7.

Хыйга сӱс: сиспектер, сӱспектер паза таптыргастар=Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

Чарков С. И. Ах Ыс хазында: На берегу Белого Июса: Сборник рассказов. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 1994. 176 с.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; [] – границы ГПЕ; () – границы ЗПЕ; **1, 2, 3** – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **ABL** – аффикс исходного падежа; **ADJ** – прилагательное; **ACC** – винительный падеж; **ATRIB** – атрибутивный компонент; **CASE** – падеж; **CAUS** – понудительный залог; **CONJ** – союз; **CV** – деепричастная форма; **LAT** – направительный падеж; **LOC** – местный падеж; **DAT** – дательный падеж; **DEL** – причинно-следственный падеж; **DO** – роль прямого объекта; **FUT** – будущее время на =ap; **FUT.NEG** – отрицательная форма будущего времени глагола; **GEN** – родительный падеж; **INF** – инфинитив; **IMP** – повелительное наклонение; **INSTR** – орудный падеж; **IO** – косвенный объект; **LAT** – направительный падеж; **LOC** – местный падеж; **N** – имя; **NOM** – неопределенный падеж; **NEG** – отрицание; **PASS** – страдательный залог; **PART** – причастие; **PAST** – прошедшее время глагола; **PrP** – причастие настоящего времени; **PrF** – причастие настояще-будущего времени; **PrFUT** – причастие будущего времени; **PP** – причастие прошедшего времени; **SG** – единственное число; **PL** – множественное число; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSSV** – аффикс обладания; **PRES** – аффикс настоящего времени; **POST** – послелог; **PL** – множественное число; **PTCL** – частица; **PFV** – совершенный вид; **PROL** – продольно-направительный падеж; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **Tv** – основа глагола; Ø^{он} – знак лакуны; α^{он} – представление релятивизируемой позиции в ЗПЕ; **V_f** – финитный глагол.

References

Brodskaya L. M. Opredelitel'nye polipredikativnye konstruksii v evenkiyskom yazyke [Modifying polypredicative constructions in Evenki language]. In *Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, 1986, pp. 241–248. (In Russ.)

Cheremisina M. I. O nekotorykh tipakh opredelitel'nykh konstruksiy, ne vpolne otvechayushchikh ponyatiyu slozhnogo predlozheniya [About some types of modifying constructions that do not fully correspond to the concept of a complex sentence]. *Languages of Indigenous Peoples of Siberia*. Novosibirsk, 2001, pp. 3–19. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (In Russ.)

Chugunekova A. N. Bipredikativnye konstruksii s zavisimoy predikativnoy edinitsey mesta v khakasskom yazyke [Bipredicative constructions with dependent predicative units denoting location in the

Khakas language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 66–74. (In Russ.)

Chugunekova A. N. Opredeletel'nye bipredikativnye konstruksii v khakasskom yazyke [Modifying bipredicative constructions in the Khakass language]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022, no. 8-2 (71), pp. 82–84. (In Russ.)

Erchenko M. A. Modeli polipredikativnykh opredelitel'nykh konstruksiy tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka i ikh strukturnye varianty [Models of polypredicative modifying constructions of the tundra dialect of the Nenets language and their structural variants]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2005, iss. 16, pp. 141–162. (In Russ.)

Erchenko M. A. *Polipredikativnye opredelitel'nye konstruksii v nenetskom yazyke* [Polypredicative modifying constructions in the Nenets language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2007, 19 p. (In Russ.)

Esipova A. V. *Opredeletel'nye funktsii prichastiya v shorskom yazyke* [Determinative functions of the participle in the Shor language]. Novosibirsk, 1993, 129 p. (In Russ.)

Gerasimova A. N. Strukturnye tipy opredelitel'nykh polipredikativnykh konstruksiy v nanayskom yazyke [Structural types of modifying polypredicative constructions in the Nanai language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, iss. 11, pp. 107–136. (In Russ.)

Gerasimova A. N. *Strukturnye tipy opredelitel'nykh prichastnykh konstruksiy v nanayskom yazyke* [Structural types of modifying participial constructions in the Nanai language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2004, iss. 14, pp. 132–143. (In Russ.)

Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruksii nanayskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim* [Polypredicative constructions of the Nanai language in comparison with Ulchi]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 27 p. (In Russ.)

Grammatika khakasskogo yazyka [Khakass grammar]. Baskakov N. A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 417 p. (In Russ.)

Kinen E. L., Komri B. Ierarkhiya dostupnosti imennykh grupp i universal'naya grammatika [Hierarchy of accessibility of nominal groups and universal grammar]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1982, iss. IX, pp. 111–165. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Polipredikativnye konstruksii s infinitnymi formami glagola v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Polypredicative constructions with infinitive forms of the verb in Khanty and Nenets languages]. In *Congressus internationalis fenno-ugristarum, IX. Tartu, 07 – 13.08.2000. Pars V. Linguistica II*. Tartu, 2001, pp. 121–133. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Printsipy klassifikatsii polipredikativnykh konstruksiy v ural'skikh yazykakh Sibiri (khantyyskom i nenetskom) [Principles of classification of polypredicative constructions in the Uralic languages of Siberia (Khanty and Nenets)]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2004, iss. 14, pp. 121–131. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Strukturnaya i semanticheskaya slozhnost' sintaksicheskikh konstruksiy khantyyskogo yazyka [Structural and semantic complexity of syntactic constructions of the Khanty language]. In *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspektive* [Complexity of the languages of the Siberian area in a diachronic-typological perspective]. Novosibirsk, Geo, 2018, pp. 341–371. (In Russ.)

Kovalenko N. N. Konstruksii s prichastnoy opredelitel'noy ZPE v samodiyskikh yazykakh. Nganasanskiy yazyk [Constructions with a participial modifying DPU in Samoan languages. Nganasan language]. In *Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, 1986, pp. 248–252. (In Russ.)

Kovalenko N. N. O prichastii v nganasanskom yazyke [On the participle in the Nganasan language]. In *Sintaksis altayskikh i evropeyskikh yazykov* [Syntax of the Altai and European languages]. Novosibirsk, 1981, pp. 82–93. (In Russ.)

Kovgan E. V. *Prichastnye opredelitel'nye konstruksii v zapadnykh dialektakh khantyyskogo yazyka* [Participial modifying constructions in the Western dialects of the Khanty language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1991, 16 p. (In Russ.)

Kovgan E. V. *Sposoby vyrazheniya koreferentnosti v khantyyskom yazyke* [Ways of expressing coreference in the Khanty language]. In *Yazyki korenykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2002, pp. 3–28. (In Russ.)

Oyun (Bavuu-Syuryun) M. V. *Opredelitel'nye konstruksii v tuvinskom yazyke* [Modifying constructions in the Tuvan language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1988, 18 p. (In Russ.)

Shamina L. A. *Atributivnye bipredikativnye konstruksii v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [Attributive bipredicative constructions in the Turkic languages of Southern Siberia]. In *Istoriko-kul'turnoe vzaimodeystvie narodov Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Historical and cultural interaction of the peoples of Siberia: Materials of the International scientific and practical conference]. Novokuznetsk, KuzSPA, 2008, pp. 177–180. (In Russ.)

Shamina L. A. *Sistema bipredikativnykh konstruksiy s infinitivnymi formami glagola v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [A system of bipredicative constructions with infinitive verb forms in the Turkic languages of Southern Siberia]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2004, 50 p. (In Russ.)

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. *Prichastnye opredelitel'nye konstruksii* [Participial modifying constructions]. In *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya* [Grammar of the Buryat language. Syntax of a complex (polypredicative) sentence]. Ulan-Ude, BNC SB RAS, 2016, vol. 1, pp. 141–153. (In Russ.)

Skribnik E. K., Kovgan E. V. *Prityazhatel'nye affiksy v opredelitel'nykh konstruksiyakh (na materiale buryatskogo i khantyyskogo yazykov)* [Possessive affixes in Participial modifying constructions (based on the material of the Buryat and Khanty languages)]. In *Yazyki narodov Severa Sibiri* [Languages of the peoples of the North of Siberia]. Novosibirsk, 1986, pp. 39–50. (In Russ.)

Skribnik E. K., Kovgan E. V. *Sistema prichastnykh opredelitel'nykh konstruksiy v obshchegorodskikh yazykakh* [The system of participial modifying constructions in the Ob-Ugric languages]. In *Yazyki narodov Sibiri: Grammaticheskie issledovaniya* [Languages of the peoples of Siberia: Grammatical studies]. Novosibirsk, 1991, pp. 84–108. (In Russ.)

Skribnik E. K. *Opredelitel'nye polipredikativnye konstruksii v buryatskom yazyke* [Modifying semi-predicative constructions in the Buryat language]. In *Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 230–241. (In Russ.)

Sorokina I. P. *Konstruksii s prichastnoy opredelitel'noy ZPE v samodiyskikh yazykakh. Enetskiy yazyk* [Constructions with a participial modifying DPU in Samoan languages. The Enets language]. In *Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 252–256. (In Russ.)

Subrakova O. V. *Sredstva vyrazheniya sintaksicheskoy svyazi v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh* [Means of expressing syntactic connection in compound sentences]. In *Issledovaniya po sovremennomu khakasskomu yazyku* [Research on the modern Khakass language]. Abakan, 1980, pp. 22–41. (In Russ.)

List of sources

Akh taskhyl. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh [Literary and artistic almanac]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1986, no. 36, 145 p. (In Khakass).

Akh taskhyl. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh [Literary and artistic almanac]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1989, no. 37, 145 p. (In Khakass).

Aytmatov Ch. T. *Dzhamilya. Povesti* [Jamila. Novels]. Abakan, Khak. izd., 1992, 240 p. (In Khakass).

Charkov S. I. *Akh Ýjs khazynda: Na beregu Belogo Iyusa: Sbornik rasskazov* [On the shore of the White Iyus: Collection of short stories]. Abakan, Khakas. knizhn. izd., 1994, 176 p. (In Khakass).

Domozhakov N. G. *Yrakhkhy aalda. Roman* [Yrakhhy aalda. A novel]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. kn. izd., 1975, 256 p. (In Khakass).

Ilbek Hurtujah Tas – Chir-suubystyñ syn Inezi: kip-choohtar. = Velikaya Hurtuyah Ine – istinnaya boginya nashej zemli: ocherki, legendy. Na hakasskom i russkom yazykah [The Great Hurtuyah Ine is the true goddess of our land: essays, legends. In Khakass and Russian]. Abakan, Khakas. knizhn. izd., 2013, 184 p. (In Khakass).

Khakas chiri. Respublikanskaya gazeta. 2022, no. 15, p. 7. (In Khakass).

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Khyyzä sös: sispekter, söspekter paza taptyržastar=Mudroe slovo: khakasskie poslovitsy, pogovorki i zagadki [A wise word: Khakass proverbs, sayings and riddles]. 4th ed., rev. Abakan, Khakas. kn. izd. im. V. M. Torosova, 2021, 188 p. (In Khakass; In Russ.).

Kil'chichakov M. E., Shulbaeva V. G., Mitkhas Turan, Kotozhekov G. G. P'esalar. "*Vskhody.*" *Sbornik p'es* ["Sprouts." A collection of plays]. Abakan, Khakas. izd., 1991, 264 p. (In Khakass).

Kil'chichakov M. E. *Izbrannaya lirika. Sbornik stikhov, rubai, pesen, chetverostishiy* [Selected lyrics. A collection of poems, rubai, songs, quatrains]. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2014, 118 p. (In Khakass).

Tatarova V. K. *Aat tabyzy: Krik turpana* [The cry of the turpan]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizhn. izd., 1991, 232 p. (In Khakass).

Tinikov N. E. *Kavristiñ kögleri: Pesni Kavrisa: povest'* [Songs of Kavris: a story]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizhn. izd., 1977, 124 p. (In Khakass).

Tinikov N. E. *Tirig kizi ölbeyç: Zhivye ne umirayut: Povesti* [The living do not die: Stories]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizhn. izd., 1982, 240 p. (In Khakass).

Tokhtobin F. S., Kicheev G. V. *Vechernie uzory: Sbornik stikhov* [Evening ornaments: A collection of poems]. Abakan, Khakas. knizhn. izd., 1993, 128 p. (In Khakass).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.06.2023

Сведения об авторе

Чугунекова Алена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: chugunekowa@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1046-5699

Information about the Author

Alena N. Chugunekova – Doctor of Philology, Associate Professor, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: chugunekowa@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1046-5699

УДК 811.551.3+81'367.335.2
DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-42-59

Структурная и функционально-семантическая классификация корякских полипредикативных конструкций со скрепой *tite* ‘когда’

Д. В. Тарасевич

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В результате анализа текстов на корякском языке, записанных от трёх информантов, составлена структурная и функционально-семантическая классификация корякских подчинительных полипредикативных конструкций с показателем связи *tite* ‘когда’. Сказуемое зависимой предикативной единицы выражается финитной формой глагола либо конвербом – отрицательным, локативным или темпоральным (со значением одновременности). По структуре конструкции делятся на собственно аналитические и аналитико-синтетические в зависимости от типа показателей связи и на бифинитные, монофинитные и биинфинитные по формам сказуемых. По функции конструкции с показателем связи *tite* ‘когда’ относятся к темпоральным, условным и изъяснительным, а наиболее часто выражаемые ими отношения – следование и частичная одновременность.

Ключевые слова

корякский язык, полипредикативная конструкция, сложное предложение, скрепа, временная конструкция, условная конструкция, изъяснительная конструкция

Для цитирования

Тарасевич Д. В. Структурная и функционально-семантическая классификация корякских полипредикативных конструкций со скрепой *tite* ‘когда’ // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 42–59. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-42-59

Structural and functional-semantic classification of Koryak polypredicative constructions with the clause linkage marker *tite* ‘when’

D. V. Tarasevich

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper presents structural and functional-semantic classifications of Koryak polypredicative constructions with the clause linkage marker *tite* ‘when’. These are syntactic units prototypically comprising two clauses linked by the word *tite* and encoding the relation between the events expressed by these predicative units. Given the endangered status of the Koryak language, it seems imperative to document its grammar. Furthermore, the Koryak syntax is particularly intriguing from a typological perspective due to its polysynthetic nature and extensive use of non-finite verb forms with nominal case affixes directly attached to the verb stem. This study employed the methodology developed by the scholars of the Institute of Philology of the SB RAS.

© Д. В. Тарасевич, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

The classifications were developed by analyzing the constructions concerned in the texts of the three native speakers. The three main parameters of the analysis were the forms used as predicates of clauses, the morphological nature of the clause linkage markers, and the semantic relation between the events. In terms of the morphology of clause linkage markers, the constructions can be categorized into proper analytic and analytic-synthetic types, while the forms of the predicates determine whether they are bi-finite, monofinite, or bi-non-finite. The non-finite verb form system exclusively employs negative, locative, dative converbs, and converbs of simultaneity. When considering its functional aspects, the author regards *tite* as a versatile marker of clause linkage, encompassing temporal-conditional and complement constructions. Posteriority, partial simultaneity, and reality condition are among the most prevalent semantic types. Ultimately, this study emphasizes the correlations between structure and meaning.

Keywords

Koryak language, polypredicative construction, complex sentence, clause linkage marker, temporal construction, conditional construction, complement construction

For citation

Tarasevich D. V. Strukturnaya i funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya koryakskikh polipredikativnykh konstruktsey so skrepoy *tite* 'kogda' [Structural and functional-semantic classification of Koryak polypredicative constructions with the clause linkage marker *tite* 'when']. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 42–59. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-42-59

Введение

Цель данной работы – описание системы корякских полипредикативных конструкций с показателем связи (скрепой) *tite* 'когда' путём построения структурной и функционально-семантической классификаций исследуемых конструкций. Существует несколько работ по синтаксису сложного предложения корякского языка: в работе [Мальцева, 2006] исследованы целевые конструкции; в [Мальцева, 2014 б; Мальцева, 2015 а] – таксисные; в [Мальцева, 2010] описаны конструкции с падежными аффиксами – показателями связи; в [Kurebito, 2012] описаны обстоятельственные конструкции в целом; в рамках формального направления исследованы относительные конструкции [Abramovitz, 2021]. В дескриптивных грамматиках корякского [Жукова, 1972] и близкородственного ему алюторского [Нагаяма, 2003] языков разделы, посвящённые синтаксису, отсутствуют. Небольшое количество носителей (2633 человека в Российской Федерации [Росстат]), прерванный статус витальности [Проект «Языки России»], а также малая степень разработанности синтаксиса обуславливают актуальность изучения корякского языка.

Данная работа выполнена в русле теории полипредикации, разрабатываемой учёными Института филологии СО РАН на материале алтайских и уральских языков Северной Евразии [Сложное предложение..., 1977; Способы выражения..., 1978; Подчинение..., 1980; Полипредикативные конструкции..., 1980; Предикативное склонение..., 1984; Структурные типы..., 1986; Предложение..., 1989; и др.]. Корякский язык отличается от этих языков генетически, принадлежа к чукотско-корякской ветви чукотско-камчатской языковой семьи, и типологически, имея эргативный строй и полисинтетическую морфологию [ЛЭС, 1990, с. 244]. Мы полагаем, что эти отличия определяют специфику полипредикативного синтаксиса.

Материалом для исследования послужили тексты, записанные от трёх носительниц корякского языка – Лилии Александровны Аймык [Голованёва, 2015], Екатерины Ивановны Дедык [Голованёва, Мальцева, 2015; Мальцева, Голованёва, 2016; Голованёва, Мальцева, 2016; Дедык, 2020 а; Дедык, 2020 б; Дедык, 2020 в; Голованёва, 2021] и Александры Алексеевны Кергильхот [Мальцева, 2019]. Методом сплошной выборки собраны и проанализированы все синтаксические биномы, в которых слово *tite* 'когда' эксплицитно представлено и функционирует как скрепа (69 примеров из 2690 высказываний).

1. Теоретические основания классификации полипредикативных конструкций

Полипредикативная конструкция (ППК) – это синтаксическая единица, формально состоящая из нескольких предикативных единиц и функционально служащая для выражения отношения между планами содержания этих предикативных единиц (диктумными пропозициями или модусными смыслами) [Предикативное склонение..., 1984, с. 4]. Несмотря на то что с точки зрения количества компонентов в языках мира существуют и другие способы соединения предикативных единиц (например, глагольная сериализация или «сцепление клауз» [Cristofaro, 2003, р. 19]), ППК как языковая единица признаётся бинарной: она представляет собой синтаксический бином, т. е. пару предикативных единиц, связанных некоторым семантическим отношением [Структурные типы..., 1986, с. 23].

Следуя [Cristofaro, 2003, р. 2], мы понимаем подчинение в сфере полипредикации как семантическое отношение между двумя событиями, при котором одно из них – зависимое – воспринимается с точки зрения другого – главного. Обозначающие эти события предикативные единицы, называемые соответственно зависимой (далее – ЗПЕ) и главной (далее – ГПЕ), составляют подчинительную ППК, функция которой заключается в кодировании подчинения. Наличие этого отношения и его тип могут выражаться показателем связи – скрепой. По своей морфологической природе скрепы делятся на аналитические и синтетические. Аналитическая скрепа – это отдельное слово или сочетание слов, в то время как синтетическая скрепа является аффиксом или совокупностью аффиксов, входящих в состав словоформы сказуемого ЗПЕ [Структурные типы..., 1986, с. 23]. Другой способ выражения зависимости между ЗПЕ и ГПЕ наблюдается в тех случаях, когда сказуемым ЗПЕ выступает форма, невозможная в качестве сказуемого независимой предикативной единицы, – инфинитная форма глагола. Таким образом, основными параметрами структурной классификации подчинительных ППК являются тип скрепы и форма сказуемого ЗПЕ.

Корякская лексема *tite* со значением ‘когда’ употребляется в разных типах ППК – аналитических бифинитных и аналитико-синтетических монофинитных и обладает семантической полифункциональностью. Прототипически она выражает временное отношение между событиями, однако употребляется также и в других функциональных разновидностях ППК.

2. Структурная классификация полипредикативных конструкций со скрепой *tite* ‘когда’

2.1. Аналитический бифинитный тип

Конструкции, в которых отношение выражается тем или иным служебным словом, классифицируются как аналитические. В бифинитных ППК обе предикативные единицы содержат финитные сказуемые [Там же, с. 32]. Одним из основных параметров структурной классификации ППК является форма сказуемого ЗПЕ, однако в данной работе мы исходим из того, что варьирование формы сказуемого ГПЕ тоже значимо.

В корякском языке наблюдается следующее соотношение видо-временных форм сказуемых ГПЕ и ЗПЕ: чаще всего встречаются конструкции со сказуемыми в аористе в ЗПЕ и в ГПЕ (восемь примеров), со сказуемыми в презенсе в ЗПЕ и в ГПЕ (восемь примеров), со сказуемыми в потенциале в ЗПЕ и в презенсе в ГПЕ (четыре примера) (см. табл. 1).

- (1) *Титэ кымэнуыйыкыу тыпанэнатвык ынкэкйит, яџам нив’гым:* [«БІммэ г’амынно џаен урваџ?»] [Голованёва, Мальцева, 2016, с. 106, № 54].

tite	kəmeŋ=ə=j=ə=kəŋ	t=ə=panena=tv=ə=k
когда	ребёнок=E=PL=E=DAT	1sgS=E=прежний=сказать=E=1sgS.PFV
ən=ke=kjit	jaqam	n=iw=yəm
тот=OBL=DEL	сразу	LowA=сказать=1sgP

‘Когда детям рассказала об этом, сразу меня спросили: [«Мама, а где то платье?»]’ [Там же, с. 109, 110, № 54].

- (2)
- Потом, титэ кукъевыу, тыкэв'уывоуын: [«Аппа, ыыв'ануэят, а?»].*

потом **tite** ku=kjev=ə=ŋ t=ə=k=ew=ŋəvo=ŋ=ə=n
когда PRS=проснуться=E=PRS 1sgA=E=PRS=сказать=INCH=PRS=E=3sgP
 'Потом, когда просыпается, говорю ему: [«Папа, открой рот, а?»]' [Мальцева, 2019, с. 108, № 8].

- (3)
- Нэкуг'эньуынэт, титэ януволауэ г'ынуэйчейык.*

ne=k=uh.en=ŋ=ə=ne=t **tite** ja=ŋvo=la=ŋ=e
 LowA=PRS=ждать=PRS=E=3nsgP=DU **когда** POT=начать(ся)=PL=PFV=3duS
 həŋqaj=cej=ə=k
 храп=VBLZ.intens=E=CV.loc
 'Ждут, когда [старики] начнут храпеть' [Там же, с. 37, № 7].

Причастие прошедшего времени (перфект) перешло из класса инфинитных форм в класс финитных форм, поскольку оно всегда имеет маркер лица и числа [Жукова, 1972, с. 234], поэтому в данной работе эта форма считается финитной.

2.2. Аналитико-синтетический монофинитный тип

Монофинитные ППК определяются как конструкции, в которых одна из предикативных единиц возглавляется сказуемым в финитной форме, а другая – сказуемым в инфинитной форме [Структурные типы..., 1986, с. 32]. В ППК аналитико-синтетического монофинитного типа сказуемое ЗПЕ выражается инфинитной формой, причём формообразующий аффикс, присоединяющийся к основе глагола, является синтетической скрепой – маркером структурной зависимости предикативной единицы и, возможно, функционально-семантического типа конструкции в целом. Наличие в таких конструкциях как аналитической, так и синтетической скрепы позволяет назвать этот тип аналитико-синтетическим. Среди конструкций данного типа самые частотные – конструкции с локативным конвербом в ЗПЕ и презенсом в ГПЕ (пять примеров).

- (4)
- Титэ галак, унмык коег'ануволау [– эчгиван эмэлкэ япкэйля: ив'тыл нив'лыжин г'элилжын тынуупин, мауэл ынкыапыуэ лайвылай ямкылг'у] [Голованёва, Мальцева, 2015, с. 18, № 32].*

tite ɣala=k unmək ko=jehan=ŋəvo=la=ŋ
когда проходить=CV.loc сильно PRS=радоваться=INCH=PL=PRS
 'Когда проходили [этот хребет], сильно радовались [– сейчас уже хорошо прибудем: внизу длинная гряда сопков, по которой издавна ходили эвены]' [Там же, с. 27, № 32].

В ЗПЕ конструкций этого типа часто встречается также конверб одновременности (пять примеров). Сказуемым ГПЕ при этом могут выступать разные финитные формы.

- (5)
- Игынуиник, титэ миуэе еуалыг'анма, г'ытвыльг'анма, эв'ын-чам мыткэналваньуволау.*

iɣəŋɲi=nik **tite** miɲ=kəje jeŋa=lhan=ma
 такой=как же **когда** который=ADV.lat лететь=HABIT=CV.sim
 hətv=ə=lh.an=ma ewən-čam
 лодка=E=VBLZ.habit=CV.sim обязательно-part
 mət=k=ena.lv.an=ŋəvo=la=ŋ
 1nsgS=PRS=приносить жертву=INCH=PL=PRS
 'Поэтому, когда куда-нибудь лететь, на лодке плыть, обязательно приносим жертву' [Мальцева, 2019, с. 129, № 8].

2.3. Аналитический монофинитный тип

В конструкциях аналитического монофинитного типа сказуемое ЗПЕ представляет собой финитную форму глагола, а сказуемое ГПЕ – инфинитную. В выборке в таких случаях сказуемым ГПЕ выступает конверб одновременности или отрицательный конверб (один и четыре примера соответственно). Конверб одновременности в качестве сказуемого независимой пре-

дикативной единицы нетипичен: в ГПЕ эта форма представлена лишь аналитической монофинитной конструкцией (6), в ЗПЕ же она встретилась в пяти конструкциях другого типа.

- (6) *Ыннэу ог'анма г'ыло, йыумитив' или обетык, титэ гыног'ыло накойтыунав' улавола ыччув'* [Голованёва, 2015, с. 10, № 24].

ən ⁱ =n ⁱ aq	ohan= ma	həlo	jəq=mitiw	или	obet=ə=k	tite
тот=что	ждать= CV.sim	днём	быстрый=утром		обед=E=LOC	когда
yəno=thəlo	na=k=o=jt=ə=ŋ=na=w				qlavol=a	
середина=днём	LowA=PRS=дерево=VBLZ.lat=вынуть=PRS=3nsgP=PL				мужчина=INSTR	
əčču=w						
прут=ABS.pl						

‘Потом ждут днём, утром или в обед, когда в середине дня мужчины пойдут за прутьями’
[Там же, с. 92, № 24].

2.4. Аналитико-синтетический биинфинитный тип

Для обозначения особой разновидности ППК, в которой сказуемые обеих предикативных единиц выражены инфинитными формами глагола, мы вводим термин *биинфинитные* конструкции. В выборке зарегистрировано три таких примера: с локативным, дативным и отрицательным конвербами в ГПЕ. Существование в корякском языке конструкций этого типа, на наш взгляд, объясняется спецификой использования перечисленных инфинитных глагольных форм.

Локативный конверб в позиции сказуемого ГПЕ – редкое явление: в выборке есть лишь один пример с этой формой в ГПЕ, но девять – в ЗПЕ. В высказывании (7) локативные конвербы в обеих предикативных единицах, вероятно, выражают модальность необходимости, чем и объясняется их необычное употребление.

- (7) *Миңкые титэ г'аҕав'уывок, эв'ын-чам нотачыкойтыу ёккы ыннин инальватпиль.*

miŋ=kəje	tite	haq.aw=ŋəvo= k	ewən-čam
который=ADV.lat	когда	отправиться=INCH= CV.loc	обязательно-part
nota=čəko=jtəŋ	jo= kkə	ən ⁱ =n ⁱ in	ina.liv.at=pil ⁱ
тундра=IN=LAT	поместить= CV.loc	тот=ADJ.sg	жертва=DIM.ABS.sg

‘Прежде чем куда-то отправиться, обязательно надо в землю положить этот маленький инэлвэт’¹ [Мальцева, 2019, с. 129, № 4].

Дативный конверб встречается в текстах почти исключительно как словоформа *эвыу* (корень имеет значение ‘сказать’). Её функция – маркирование прямой речи и моделирование реплики с позиции слушающего [Мальцева, 2015 б, с. 47]. Таким образом, несмотря на свою инфинитность, дативный конверб не маркирует предикативную единицу как структурно зависимую и может использоваться в независимых предикативных единицах.

Отрицательный конверб является универсальным средством выражения отрицания и иногда принимает личные аффиксы [Мальцева, 2014 а, с. 87]. Область его функционирования не ограничивается ЗПЕ, он свободно употребляется в ГПЕ аналитических монофинитных конструкций (четыре примера из пяти).

- (8) [То Һаен чачамэ, Эмиуэнин Һэвг'эн, Һаен Эмэновна эвыу:] «Кытыл мильҕычыку, титэ в'утку ваккы, титэ Һойыу яялаһтык, кытыл Һанко эткив'кэ, [мывев' Һанко калаг'ав' котвалау, коёналлау]» [Голованёва, 2015, с. 41, № 11].

kətəl	milq=ə=čəku	tite	wut=ku	va=kkə	tite
не	вешала=E=IN	когда	вот=LOC	находиться=CV.loc	когда
qoʃəŋ	ja=jal=la=ŋ=tək	kətəl	ŋan=ko	e=tkiw= ke	
сюда	POT=принести=PL=PFV=2nsgS	не	вон=LOC	CV.neg=ночевать=CV.neg	

¹ *Инэлвэт* – бескровное жертвоприношение верховному божеству у оседлых и береговых коряков; масса, состоящая из заячьего пуха и оленьего жира, или кусочек такой массы.

‘[И та старушка, Эминина жена, та Эмэновна сказала:] «Не надо в балагане, когда вы находитесь тут, когда сюда приезжаете, не надо там ночевать, [потому что там злые духи находятся, живут]»’ [Там же, с. 134, 135, № 11].

На основе анализа выборки установлены особенности распределения форм по предикативным единицам с точки зрения выражаемой ими модальности. Среди исследуемых конструкций обнаружено три бинома, у которых формы сказуемых ГПЕ прототипически выражают нереальную модальность: это императив (два примера) и конъюнктив (один пример). Три из четырёх биномов с отрицательным конвербом в ГПЕ сопровождаются частицей *кытыл* ‘пусть не’ (эмфатический вариант – *кытол*). Такие конструкции выражают потенциальную модальность запрета [Мальцева, 2014 а, с. 85]. Среди сказуемых ЗПЕ нет императива и конъюктива, однако встречаются другие формы, выражающие нереальную модальность: особенно часто (12 примеров) сказуемое ЗПЕ принимает форму потенциалиса. Кроме того, локативный конверб, возможно, в некоторых случаях выражает потенциальную модальность необходимости или намерения (см. пример (7)). Таким образом, ГПЕ более разнообразны в плане выбора форм, выражающих нереальную модальность, чем ЗПЕ, которые ограничены в этом отношении потенциалисом и локативным конвербом.

Выделенные структурные типы корякских ППК со скрепой *тите* распределяются по частотности в выборке следующим образом: аналитический бифинитный тип – 61,11 % примеров; аналитико-синтетический монофинитный тип – 24,07 % примеров; аналитический монофинитный тип – 9,26 % примеров; аналитико-синтетический биинфинитный тип – 5,56 % примеров (см. табл. 1 на с. 48).

3. Функционально-семантическая классификация полипредикативных конструкций со скрепой *тите* ‘когда’

Первичная функция корякской скрепы *тите* – маркирование временных (темпоральных) отношений, однако широкая семантика этого лексического элемента и варьирование морфосинтаксической структуры ППК позволяют ему быть полифункциональным и использоваться в условных и изъяснительных конструкциях. Вследствие близости условных и временных отношений мы выделяем два основных функциональных типа ППК со скрепой *тите*: условно-временной и изъяснительный.

3.1. Условно-временной тип

ППК условно-временного типа образуют два класса: дифференцированные конструкции, которые делятся далее на собственно-временные и условные, и недифференцированные, причём первые существенно преобладают над последними, представленными в выборке лишь тремя примерами.

3.1.1. Временной тип

В литературе принято выделять как минимум три основных типа временных отношений: одновременность, следование и предшествование [Грамматика..., 1970, с. 728, 730; Шамина, 1987, с. 97; Cristofaro, 2003, р. 159].

Характер темпорального отношения между событиями является основным параметром дальнейшей классификации временных ППК. В то время как функция неспециализированных временных конструкций состоит в простом указании на наличие связи между событиями, специализированные используются для того, чтобы локализовать их.

В зависимости от возможности определить относительное положение во времени выражаемых предикативными единицами событий мы выделяем дифференцированные и недифференцированные специализированные временные конструкции. Дифференцированные образуют два семантических типа: одновременность и разновременность, которая включает в себя следование и предшествование. Недифференцированным в данной работе называется тип специализи-

рованных временных ППК, характеризующийся трудностью определения точной относительной локализации событий.

Таблица 1
Структурная классификация корякских ППК со скрепой *tite* ‘когда’

Table 1
Structural classification of Koryak PPC with the clause linkage marker *tite* ‘when’

По типу скрепы	По типу сказуемых		Форма сказуемого ЗПЕ	Форма сказуемого ГПЕ	Кол-во примеров	Доля примеров	
Аналитические	Бифинитные		Аорист	Аорист	8	61,11 %	
				Презенс	3		
				Перфект	2		
			Потенциалис	Презенс	4		
				Потенциалис	2		
				Императив	1		
				Конъюнктив	1		
				Перфект	1		
			Презенс	Презенс	8		
	Кваликатив	Аорист	2				
Перфект	Перфект	1					
		С финитной формой сказуемого ЗПЕ	Потенциалис	Отрицательный конверб	3	9,26 %	
			Перфект	Отрицательный конверб	1		
			Презенс	Конверб одновременности	1		
	Аналитико-синтетические	Монофинитные	С инфинитной формой сказуемого ЗПЕ	Локативный конверб	Презенс	5	24,07 %
					Императив	1	
					Потенциалис	1	
Конверб одновременности				Презенс	1		
				Аорист	1		
				Кваликатив	1		
				Перфект	1		
Потенциалис		1					
Отрицательный конверб		Презенс	1				
Биинфинитные		Локативный конверб	Локативный конверб	1	5,56 %		
			Отрицательный конверб	1			
		Отрицательный конверб	Дативный конверб	1			
Всего примеров					54		

3.1.1.1. Одновременность

В конструкциях одновременности события могут быть либо одновременными, либо разделёнными очень коротким временным интервалом. Этот интервал представляется нерелевантным, а события – происходящими в одно время [Cristofaro, 2003, p. 159]. На наш взгляд, такой подход к отношению одновременности диктуется тем, что в английском языке есть показатели связи *when* ‘когда’, *before* ‘перед тем как’ и *after* ‘после того как’, примерно соответствующие трём основным типам темпоральных отношений. Недостаток такого подхода – невозможность определения того, в каких случаях временной интервал оценивается как релевантный, а в каких нет. В рамках данного исследования пересечение реализации выражаемых предикативными единицами событий во времени считается определяющим критерием выделения ППК одновре-

менности. В контекстах, в которых возможно обнаружить интервал между событиями, конструкции признаются принадлежащими к типу следования.

Одновременность, не являясь однородной, разделяется на полную, при которой главное событие осуществляется на всём промежутке времени реализации зависимого события, и частичную. Ниже приведён пример конструкции с полной одновременностью: *инэлвэт* обладал особенной силой всё то время, что жило поколение родителей рассказчицы.

- (9) [*Инэлвэт гымыкёнатык то*] *ымың энъичив', титэ ёнанма, тыттэль ыннин ныкэтгуңин инэлвэт.*

эмәң	en'pici=w	tite	jon.an= ma	tətteli
весь	отец=ABS.pl	когда	жить= CV.sim	очень
ән'н'ин	n=ə=ketyu=qin		ine.lv.et	
тот=ADJ.sg	QUAL=E=сильный=3sgS		жертва.ABS.sg	

‘Инэлвэт для нашей жизни, и] у всех родителей, когда [они] жили, очень этот сильный *инэлвэт*’ [Мальцева, 2019, с. 129, № 3].

В конструкциях частичной одновременности промежутки времени, на протяжении которых реализуются события, пересекаются, но без включения одного промежутка в другой. Такие конструкции встречаются в исследуемой выборке чаще, чем ППК с полной одновременностью (двенадцать примеров против трёх).

- (10) *Титэ титык Тигилык, тыйытг'этын Мартемьян Афанасьевич, эв'ын гэнпэв'лин* [Голованёва, Мальцева, 2015, с. 22, № 138].

tite	t=it=ə=k	tiyl=ə=k	t=ə=jəthet=ə=n
когда	1sgS=быть=E=1sgS.PFV	Тигиль=E=LOC	1sgA=E=встретить=E=3sgP
мартемьян	афанасьевич	ewən	ye=np=ew=lin
	уже		PP=старый=VBLZ=3sgS

‘Когда я была в Тигиле, я встречала Мартемьяна Афанасьевича, уже постаревшего’ [Там же, с. 35, № 138].

Если содержание предикативной единицы не имеет точных временных границ (что верно, например, для природных явлений: см. пример (11)) или длительно в своей реализации (см. пример (12)), то семантическое отношение, выражаемое конструкцией, мы определяем как одновременность, даже если в предложении употребляется ползунаменательная связка с корнем *-уво-* ‘начинать’ или в состав глагольной словоформы входит показатель инхоатива.

- (11) [*Ынның наукуылытынын и, плиткук*], *в'отъывэзэвок титэ, нэкуллэнын* [мэки уалвылг'эның, *етти ыннэн г'уемтэв'илг'ын*] [Голованёва, 2015, с. 13, № 79].

wotq=ə= tve=ηvo=k	tite	ne=ku=l=le=η=ə=n
темнота=E= VBLZ.inc=INCH=CV.loc	когда	LowA=PRS=CAUS=идти=PRS=E=3sgP

‘[И вот завязывают и, закончив [праздновать]], когда темнеет, увозит, [тот, кто из табуна, приехал один человек]’ [Там же, с. 96, 97, № 79].

- (12) *Титэ витку ыывома ейгучев'нык, кытав'ут русскинав' ыывой в'аняватык мойкакычг'энаң*, [мую унмык *мытёг'алла, мыев' эңиньмыкэ омакаң учителык в'аняватык ченэнкэчг'энаң*].

tite	vitku	ηəvo= ma	je=jyuč.ew=η=ə=k	kəta.wut
когда	впервые	начать(ся)= CV.sim	DES=узнать=DES=E=CV.loc	вдруг
russki=ηaw		ηəvo=j	wan'av=at=ə=k	
русский=женщина.ABS.sg		начать(ся)=3sgS.PFV	слово=VBLZ=E=CV.loc	
moj=ka=k=ə=čhenəŋ				
мы=OBL=OBL=E=ADV.подобно				

‘Когда начали учиться, неожиданно [для нас] русская женщина заговорила по-нашему, [мы очень радовались, потому что интересно было вместе с учителем говорить на своём [языке]]’ [Дедык, 2020 а, с. 38, № 88].

3.1.1.2. Разновременность

В конструкциях следования содержание ЗПЕ к моменту реализации содержания ГПЕ уже реализовано, завершено. Чаще всего такие ППК переводятся на русский язык фразами со крепой *после того как*.

- (13) *То титэ мытыйгулаллан русскиелыгыһын, ынав'ут мытыувола энайылһатык русскиалив', [хэй в'ача аеёлка Һынвыһ в'аняво].*

to **tite** mət=ə=jyul.al=la=n russki=jel=ə=yəjŋ=ə=n əna.wut
и **когда** 1nsgA=E=узнать=PL=3sgP русский=язык=E=NMLZ.abstr=E=ABS.sg и вот
mət=ə=jvo=la ena=jə.lŋ=at=ə=k russki=kali=w
1nsgS=E=начать=PL AP=считать=VBLZ=E=CV.loc русский=письмо=ABS.pl
'А когда мы выучили русский язык, сразу начали читать русские книги, [хотя иногда и не понимали многие слова]' [Там же, с. 39, № 100].

В выборке обнаружена только одна ППК, для которой однозначно установлено предшествование в качестве функционально-семантического типа. В конструкциях с предшествованием содержание ЗПЕ ещё не реализуется, содержание ГПЕ предстаёт происходящим раньше. В русском переводе таких конструкций возможна крепка *перед тем как*.

- (14) *[Пыче нымийкуг'эв', инг'э тылалай тигылг'у], титэ тылалай тынопыу эв'ын паңаллай, [кимитг'ав' унмык в'элаллай, г'ытг'ыгаканъе малькит кулэу]* [Голованёва, Мальцева, 2015, с. 19, № 66].

tite təla=la=j tənop=ə=ŋ ewən paŋal=la=j
когда идти=PL=3sgS.PFV сопка=E=DAT уже утомиться=PL=3sgS.PFV
'[Сначала легко, быстро шли лыжники], когда подошли к сопке, уже утомились: [одежда сильно промокла, собачья упряжка едва идёт]' [Там же, с. 30, № 66].

3.1.1.3. Недифференцированный специализированный временной тип

ППК недифференцированного специализированного временного типа отличаются от прочих специализированных конструкций тем, что относительная локализация выражаемых в них событий определяется неоднозначно. При этом, в отличие от неспециализированного временного типа, данный тип не допускает любого расположения событий. Так, в примере (15) отношение можно определить как предшествование или как частичную одновременность, если считать, что возвращение – это комплексный процесс, включающий в себя сборы уходящих и прощание.

- (15) *И титэ кояйтылаң, [мэки кояйтың,] мыткуйылыһынэв' кинууваг'улу, [с собой конняй-таньһынэн яйтэтың и мытбилиг'ул]* [Голованёва, 2015, с. 13, № 74].

и **tite** ko=ja=jt=ə=la=ŋ
когда PRS=дом=VBLZ.lat=E=PL=PRS
mət=ku=jəl=ŋ=ə=ne=w kinuŋva=thul=u
1nsgA=PRS=давать=PRS=E=3nsgP=PL мясо=часть=ABS.pl
'И когда возвращаются домой, [кто домой идёт,] даём куски мяса, [с собой домой берут, и кусочек жировой массы]' [Там же, с. 96, № 74].

3.1.1.4. Неспециализированный временной тип

Следуя за другими русскоязычными исследованиями по этой теме [Шамина, 1987; Кошкарёва, 2007], мы называем семантический тип неспециализированных временных ППК общей временной соотнесённостью, но понимаем его уже и идентифицируем на основании следующего критерия: общая временная соотнесённость – это такое темпоральное отношение, при котором семантически и прагматически приемлема интерпретация с любым взаимным расположением событий во времени. В рассматриваемой выборке встретились лишь одна кон-

струкция этого типа. В примере (16) описывается ситуация, в которой субъекты ГПЕ могут звать детей и внуков как до, так и после того, как приведут жертвенного оленя; с другой стороны, подгон оленя можно рассматривать и как процесс, во время которого люди подзывают детей.

- (16) [Пойго накончоччымав'уынав', оттыпойго накончоччымав'уынав', очымуын, пойгын накончоччымав'уын], титэ қояна нэкуныпккенъуын тымъёлқыл то кымину, йыльуыкмину нэкуг'эйуэв'уынэв', [очымуын, пойгын и оттыпойгын нэкуллэйвыуын, микынэк янмыунэн қояна] [Там же, с. 17, 18, № 19].

tite qoja=ηa ne=ku=n=ə=pkij=eni=η=ə=n
когда олень=ABS.sg LowA=PRS=CAUS=E=подходить=VBLZ=PRS=E=3sgP
 təm=jo=lqəl to kəmiŋ=u jəl'η=ə=kmiŋ=u
 убить=PassP=NMLZ.dest и ребёнок=ABS.pl соединение=E=ребёнок=ABS.pl
 ne=ku=hejη=ew=η=ə=ne=w
 LowA=PRS=звук=VBLZ=PRS=E=3nsgP=PL

‘[Копья готовят, деревянные копыа готовят, посох, копьё готовят], когда оленя подгоняют, [предназначенного] для забоя, зовут детей, внуков, [они копьё, посох, деревянное копьё несут, [те], кто будет забивать оленя]’ [Там же, с. 104, № 19].

3.1.1.5. Конкретизаторы семантики конструкций временного типа

Скрепа *tite* может сочетаться с конкретизаторами, уточняющими относительное расположение событий во времени.

Особенность конструкций со словом *яқам* ‘сразу’ в ГПЕ состоит в том, что временной интервал между событиями настолько мал, что события происходят практически одновременно. Тем не менее между ними всё равно существует некоторый предельно малый промежуток времени и их возможно локализовать относительно друг друга.

- (17) Титэ кулұытың вэтатынвың, мую яқам-г'ат этынвылг'о мытконг'аллау, [митг'амузыка, мылав'кэн жулив' выг'аёк лиги мытыччынэв'] [Мальцева, Голованёва, 2016, с. 117, № 83].

tite ku=lqət=ə=η vet=at=ə=nv=ə=η muj=u
когда PRS=уйти=E=PRS работа=VBLZ=E=NMLZ.loc=E=DAT мы=ABS.pl
яқам-hat et=ə=nv=ə=lh=o mət=ko=nhal=la=η
сразу-part быть=E=NMLZ.loc=E=ATR=EQU 1nsgS=PRS=становиться=PL=PRS

‘Когда [дядя] уходил на работу, мы сразу хозяевами становились, [красивую музыку, танцевальные песни потом [хорошо] узнали]’ [Там же, с. 124, № 83].

Иногда показателем разновременности (следования или предшествования) выступает лексическая единица *эв'ын* ‘уже’. Это слово, находясь в предикативной единице, маркирует предшествование её содержания по отношению к содержанию другой предикативной единицы. В примере ниже конструкция выражает следование, поскольку *эв'ын* принадлежит ЗПЕ.

- (18) Титэ эв'ын ыннэви, колаувоу сельсоветың уавтың Анна Иннокентьевна пылв'ынтыв'аулағ'ын, кокотгайпывоу: [«Миллионкэн Квантунармиянаңо тылвын, ятан актыка ыннэн қоямқыңав'мылвын»] [Мальцева, Голованёва, 2016, с. 117, № 69].

tite ewən ənp=ev=i ko=la=ηvo=η sel'sovet=ə=η
когда уже старый=VBLZ=3sgS.PFV PRS=идти=INCH=PRS сельсовет=E=DAT
 ηav=təŋ анна иннокентьевна pəlwənt=ə=wanla=lh=ə=n
 женщина=VBLZ железо=E=просить=ATR=E=ABS.sg
 ko=kotəjəp=ə=ηvo=η
 PRS=шутить=E=INCH=PRS

‘Когда уже состарился, ходил в сельсовет к жене Анне Иннокентьевне денег просить, шутил: [«Миллионную Квантунскую армию победил, а одну звенку не могу победить»]’ [Там же, с. 123, № 69].

Презенс, являясь многофункциональной формой, встречается в конструкциях всех рассматриваемых функционально-семантических типов. Ещё одна особенность презенса заключается в том, что все временные ППК с дополнительным значением хабитуальности имеют эту форму в качестве сказуемого утвердительной ГПЕ (в отрицательных эту позицию занимает отрицательный конверб).

Условные ППК ограничены в выборе форм сказуемых: в ЗПЕ эту позицию может занимать локативный конверб, потенциалис или презенс; в ГПЕ – императив, потенциалис или презенс.

Структурно-семантическая классификация корякских ППК со скрепой *tite* ‘когда’ представлена в табл. 3.

Таблица 2

Функционально-семантическая классификация корякских ППК со скрепой *tite* ‘когда’

Table 2

Functional-semantic classification of Koryak PPC with the clause linkage marker *tite* ‘when’

Функциональный тип			Семантический тип				Кол-во примеров	Доля примеров
Условно-временной	Дифференцированный	Временной (темпоральный)	Специализированный	Дифференцированный	Одновременность	Полная	3	5,56 %
						Частичная	12	22,22 %
					Разновременность	Следование	18	33,33 %
						Предшествование	1	1,85 %
					Недифференцированный			
			Неспециализированный	Общая временная соотнесённость				1
		Реальное условие				6	11,11 %	
		Недифференцированный		—				3
Изъяснительный			—				7	12,96 %
Всего примеров							54	

Таблица 3

Соответствие между функционально-семантическими типами корякских ППК со скрепой *tite* ‘когда’ и их морфосинтаксической структурой

Table 3

Correspondence between the functional-semantic types of Koryak PPC with the clause linkage marker *tite* ‘when’ and their morphosyntactic structure

Функционально-семантический тип			Форма сказуемого ЗПЕ	Форма сказуемого ГПЕ	Кол-во примеров
Временной	Одновременность	Частичная	Конверб одновременности	Аорист	1
				Перфект	1
				Потенциалис	1
			Локативный конверб	Презенс	2
				Отрицательный конверб	1
			Квалификатив	Аорист	2
		Полная	Аорист	Аорист	1
			Отрицательный конверб	Дативный конверб	1
			Перфект	Отрицательный конверб	1
			Презенс	Презенс	1
			Конверб одновременности	Квалификатив	1
			Локативный конверб	Презенс	1
			Презенс	Презенс	1

	Разновременность	Следование	Аорист	Аорист	6
				Презенс	3
			Потенциалис	Отрицательный конверб	3
				Конъюнктив	1
				Потенциалис	1
			Презенс	Презенс	2
			Отрицательный конверб	Презенс	1
		Перфект	Перфект	1	
		Предшествование	Аорист	Аорист	1
		Недифференцированный специализированный	Аорист	Перфект	2
		Презенс	Презенс	1	
	Общая временная соотнесённость	Презенс	Презенс	1	
Условный	Реальное условие	Локативный конверб	Императив	1	
			Потенциалис	1	
			Презенс	1	
		Потенциалис	Императив	1	
			Потенциалис	1	
		Презенс	Презенс	1	
Недифференцированный условно-временной		Конверб одновременности	Презенс	1	
		Локативный конверб	Локативный конверб	1	
			Презенс	1	
Изъяснительный		Потенциалис	Презенс	4	
			Перфект	1	
		Презенс	Конверб одновременности	1	
			Презенс	1	
			Всего примеров		54

Список литературы

- Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972. 322 с.
- Росстат – Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики [URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami, свободный].
- Кошкарёва Н. Б. Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 158–173.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
- Мальцева А. А. Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 28–35.
- Мальцева А. А. Элементы предикативного склонения в чукотско-корякских языках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 2: Филология. С. 70–79.
- Мальцева А. А. Глагольные отрицательные конструкции в корякском языке. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014 а. 138 с.
- Мальцева А. А. Синтетические и аналитические средства выражения начала действия в таксисных полипредикативных конструкциях чукотско-корякских языков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014 б. Т. 13, вып. 2: Филология. С. 28–44.
- Мальцева А. А. О разных источниках синтетизма в системах таксисных конструкций чукотско-корякских языков // Сибирский филологический журнал. 2015 а. № 2. С. 44–61.

- Мальцева А. А. Референциальные свойства корякского глагола *ivək* 'сказать' в устных нарративах // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015 б. № 2 (29). С. 45–55.
- Нагаяма Ю. Очерк грамматики алutorского языка. Kyoto, 2003. 314 с.
- Подчинение в полипредикативных конструкциях / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск: Наука, 1980. 280 с.
- Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков) / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск: Наука, 1980. 231 с.
- Предложение в языках Сибири (Сборник научных трудов) / отв. ред. М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник. Новосибирск, 1989. 156 с.
- Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М. И. Черемисина, Л. М. Бродская, Л. М. Горелова и др. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.
- Проект «Языки России» – Языки России [Электронный ресурс] / Институт языкознания РАН [URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Chukchi-Kamchatkan.shtml>].
- Сложное предложение в языках разных систем (Сборник научных трудов) / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск, 1977. 141 с.
- Способы выражения полипредикативности (в языках Сибири в сопоставлении с русским) (Сборник научных трудов) / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск, 1978. 157 с.
- Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. и др. Новосибирск: Наука, 1986. 316 с.
- Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 137 с.
- Abramovitz R M. Topics in the Grammar of Koryak. Massachusetts Institute of Technology, 2021. 212 p.
- Cristofaro S. Subordination. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 355 p.
- Kurebito M. Adverbial Clauses in Koryak: Degrees of Subordination and the Five Levels // 北方人文研究, 2012. Vol. 5. P. 71–94.

Список источников

- Голованёва Т. А. Рукопись Е. И. Дедык «Окружное радио» (на корякском языке) // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. № 1 (37). С. 61–81.
- Голованёва Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015. 172 с.
- Голованёва Т. А., Мальцева А. А. Рукописный рассказ Екатерины Ивановны Дедык на корякском языке о лыжном переходе 1943 года // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 2 (29). С. 16–40.
- Голованёва Т. А., Мальцева А. А. Рукописный рассказ Екатерины Ивановны Дедык «Платье CANADA» на корякском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 1 (30). С. 104–112.
- Дедык Е. И. Виткукин яйгочав'нъяяна 'Начальная школа': Рукописи на корякском языке (предисл., подгот. текстов Т. А. Голованёвой) // Языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока в рукописных текстах середины XX – начала XXI века. Новосибирск: Академическое из-во «Гео», 2020 а. С. 24–43.
- Дедык Е. И. Г'элючин театр 'Кукольный театр': Рукописи на корякском языке (предисл., подгот. текстов Т. А. Голованёвой) // Языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока в рукописных текстах середины XX – начала XXI века. Новосибирск: Академическое из-во «Гео», 2020 б. С. 14–23.
- Дедык Е. И. Журналист Николай Игиклаво: Рукописи на корякском языке (предисл., подгот. текстов Т. А. Голованёвой) // Языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока в рукописных текстах середины XX – начала XXI века. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2020 в. С. 56–70.

Мальцева А. А., Голованёва Т. А. Рукописный рассказ Екатерины Ивановны Дедык «Вожа-
тый Васе» на корякском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 1 (30).
С. 113–128.

Мальцева А. А., Голованёва Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кер-
гильхот. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2019. 288 с.

Список условных обозначений

1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; ГПЕ – главная предикативная единица; ЗПЕ – зависимая предикативная единица; ППК – полипредикативная конструкция; А – агенсо-подобный актанта; ABS – абсолютив; ADJ – прилагательное; ADV.подобно – наречие со значением ‘подобно’; ADV.lat – наречие, показатель которого, возможно, восходит к древней форме латива; AP – антипассив; ATR – атрибутив; CAUS – каузатив; CV.loc – локативный конверб; CV.neg – отрицательный конверб; CV.sim – конверб одновременности; DAT – датив; DEL – делибератив; DES – дезидератив; DIM – диминутив; DU (du) – дуалис (двойственное число); Е – эпентетический гласный; EQU – экватив; HABIT – хабитуалис; IN – локализация ‘внутри’; INCH – инхоатив; INSTR – инструменталис; LAT – латив; LOC – локатив; LowA – агенс, находящийся на нижней ступени иерархии активности; NMLZ.abstr – номинализатор, образующий существительные с абстрактным значением; NMLZ.loc – номинализатор со значением места; NMLZ.dest – номинализатор со значением предназначения; nsг – нон-сингулярис (неединственное число); OBL – косвенная основа; P – пациенсоподобный актанта; part – частица; PassP – пассивное причастие; PFV – перфектив (совершенный вид); PL (pl) – плюралис (множественное число); POT – потенциалис; PP – причастие прошедшего времени (перфект); PPC – *polypredicative construction*; PRS – презенс; S – актанта, подобный субъекту неакциональной пропозиции; sg – сингулярис (единственное число); VBLZ – вербализатор; VBLZ.habit – вербализатор со значением обычности действия; VBLZ.inc – вербализатор со значением начала действия; VBLZ.intens – вербализатор со значением интенсивности действия; VBLZ.lat – вербализатор со значением направления.

References

Abramovitz R M. *Topics in the Grammar of Koryak*. Massachusetts Institute of Technology, 2021, 212 p.

Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Gorelova L. M. et al. *Predikativnoe sklonenie prichastiy v altayskikh yazykakh* [Predicative declension of participles in the Altaic languages]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 192 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Skribnik E. K. et al. *Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 316 p. (In Russ.)

Cristofaro S. *Subordination*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2003, 355 p.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka, 1970, 767 p. (In Russ.)

Itogi VPN-2020. Tom 5 Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami [Results of the RPC-2020. Vol. 5 National composition and linguistic competence]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal service of state statistics]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. (In Russ.)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Yartseva V. N. (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 682 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Vremennyye sinteticheskie polipredikativnye konstruksii s infinitnymi formami glagola v forme mestno-tvoritel'nogo padezha v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii so smezhnymi khantyyskimi i nenetskimi dialektami) [Temporal synthetic polypredicative constructions with non-finite verb forms in the form of the locative-instrumental case

in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with adjacent Khanty and Nenets dialects)]. *Siberian Journal of Philology*. 2007, no. 3, pp. 158–173. (In Russ.)

Kurebito M. Adverbial Clauses in Koryak: Degrees of Subordination and the Five Levels. *Journal of the Center for Northern Humanities*. 2012, vol. 5, pp. 71–94.

Mal'tseva A. A. Otritsatel'no-tselevye konstruktssii v chukotsko-koryakskikh yazykakh [Constructions of negative purpose in the Chukchi-Kamchatkan languages]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2006, no. 4, pp. 28–35. (In Russ.)

Mal'tseva A. A. Elementy predikativnogo skloneniya v chukotsko-koryakskikh yazykakh [Elements of predicative declension in the Chukchi-Kamchatkan languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2010, vol. 9, iss. 2: Philology. pp. 70–79. (In Russ.)

Mal'tseva A. A. *Glagol'nye otritsatel'nye konstruktssii v koryakskom yazyke* [Verbal negative constructions in the Koryak language]. Novosibirsk, RITs NGU, 2014 a, 138 p. (In Russ.)

Mal'tseva A. A. Sinteticheskie i analiticheskie sredstva vyrazheniya nachala deystviya v taksisnykh polipredikativnykh konstruktssiyakh chukotsko-koryakskikh yazykov [Sythetic and analytic means of expression of beginning of action in taxis polypredicative constructions of the Chukchi-Kamchatkan languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2014 b, vol. 13, iss. 2: Philology], pp. 28–44. (In Russ.)

Mal'tseva A. A. O raznykh istochnikakh sintetizma v sistemakh taksisnykh konstruktssiy chukotsko-koryakskikh yazykov [On different sources of synthetism in systems of taxis constructions of the Chukchi-Kamchatkan languages]. *Siberian Journal of Philology*. 2015 a, no. 2, pp. 44–61. (In Russ.)

Mal'tseva A. A. Referentsial'nye svoystva koryakskogo glagola ivək 'skazat' v ustnykh narrativakh [Referential properties of the Koryak verb ivək 'skazat' in oral narratives]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2015 b, no. 2 (29), pp. 45–55. (In Russ.)

Nagayama Yu. *Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka* [Grammatical outline of Alutor]. Kyoto, 2003, 314 p. (In Russ.)

Podchinenie v polipredikativnykh konstruktssiyakh [Subordination in polypredicative constructions]. Cheremisina M. I. (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 1980, 280 p. (In Russ.)

Polipredikativnye konstruktssii i ikh morfologicheskaya baza (na materiale sibirskikh i evropeyskikh yazykov) [Polypredicative constructions and their morphological base (a study of Siberian and European languages)]. Cheremisina M. I. (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 1980, 231 p. (In Russ.)

Predlozhenie v yazykakh Sibiri (Sbornik nauchnykh trudov) [Sentence in languages of Siberia (A collection of scientific papers)]. Cheremisina M. I., Skribnik E. K. (Eds. in Ch.). Novosibirsk, 1989, 156 p. (In Russ.)

Proekt "Yazyki Rossii." Elektronnyy resurs [Project "Languages of Russia." Electronic resource]. Institute of Linguistics of the RAS. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Chukchi-Kamchatkan.shtml>. (In Russ.)

Shamina L. A. *Vremennye polipredikativnye konstruktssii tuvinskogo yazyka* [Temporal polypredicative constructions of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1987, 137 p. (In Russ.)

Slozhnoe predlozhenie v yazykakh raznykh sistem (Sbornik nauchnykh trudov) [Complex sentence in languages of different systems (A collection of scientific papers)]. Cheremisina M. I. (Ed.). Novosibirsk, 1977, 141 p. (In Russ.)

Sposoby vyrazheniya polipredikativnosti (v yazykakh Sibiri v sopostavlenii s russkim) (Sbornik nauchnykh trudov) [Means of expression of polypredicativity (in languages of Siberia in comparison with Russian) (A collection of scientific papers)]. Cheremisina M. I. (Ed. in Ch.). Novosibirsk, 1978, 157 p. (In Russ.)

Zhukova A. N. *Grammatika koryakskogo yazyka* [Grammar of the Koryak language]. Leningrad, Nauka, 1972, 322 p. (In Russ.)

Sources

Dedyk E. I. G'elyuchin teatr 'Kukol'nyy teatr': Rukopisi na koryakskom yazyke (predisl., podgot. tekstov T. A. Golovanevoy) ["A puppet show": Manuscripts in the Koryak language (preface and preparing of the texts by Golovaneva T. A.)]. In *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v rukopisnykh tekstakh serediny 20 – nachala 21 veka* [Languages and folklore of Peoples of Siberia and Far East in handwritten stories from the middle of the 20th to the beginning of the 21st centuries]. Novosibirsk, Akademicheskoe izd. "Geo", 2020 b, pp. 14–23. (In Russ.)

Dedyk E. I. Vitkukin yaygochav'nyyaya "Nachal'naya shkola": Rukopisi na koryakskom yazyke (predisl., podgot. tekstov T. A. Golovanevoy) ["Elementary school": Manuscripts in the Koryak language (preface and preparing of the texts by Golovaneva T. A.)]. In *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v rukopisnykh tekstakh serediny 20 – nachala 21 veka* [Languages and folklore of Peoples of Siberia and Far East in handwritten stories from the middle of the 20th to the beginning of the 21st centuries]. Novosibirsk, Akademicheskoe izd. "Geo", 2020 a, pp. 24–43. (In Russ.)

Dedyk E. I. Zhurnalyst Nikolay Igiklavol: Rukopisi na koryakskom yazyke (predisl., podgot. tekstov T. A. Golovanevoy) [Journalist Nikolay Igiklavol: Manuscripts in the Koryak language (preface and preparing of the texts by Golovaneva T. A.)]. In *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v rukopisnykh tekstakh serediny 20 – nachala 21 veka* [Languages and folklore of Peoples of Siberia and Far East in handwritten stories from the middle of the 20th to the beginning of the 21st centuries]. Novosibirsk, Akademicheskoe izd. "Geo", 2020 v, pp. 56–70. (In Russ.)

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koryakskoy kul'tury: Liliya Aymyk* [Voices of the Koryak culture: Liliya Aymyk]. Novosibirsk, Akademicheskoe izd. "Geo", 2015, 172 p. (In Russ.)

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. Rukopisnyy rasskaz Ekateriny Ivanovny Dedyk na koryakskom yazyke o lyzhnom perekhode 1943 goda [A handwritten story by Ekaterina Ivanovna Dedyk in the Koryak language about a ski crossing of 1943]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2015, no. 2 (29), pp. 16–40. (In Russ.)

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. Rukopisnyy rasskaz Ekateriny Ivanovny Dedyk "Plat'e CAN-ADA" na koryakskom yazyke [A handwritten story by Ekaterina Ivanovna Dedyk "A CANADA dress" in the Koryak language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 1 (30), pp. 104–112. (In Russ.)

Golovaneva T. A. Rukopis' E. I. Dedyk "Okruzhnoe radio" (na koryakskom yazyke) [Manuscript "District radio" by Dedyk E. I. (in the Koryak language)]. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities."* 2021, no. 1 (37), pp. 61–81. (In Russ.)

Mal'tseva A. A., Golovaneva T. A. Rukopisnyy rasskaz Ekateriny Ivanovny Dedyk "Vozhatyy Vase" na koryakskom yazyke [A handwritten story by Ekaterina Ivanovna Dedyk "Scout Vase" in the Koryak language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 1 (30), pp. 113–128. (In Russ.)

Mal'tseva A. A., Golovaneva T. A., Tiron E. L. *Golosa koryakskoy kul'tury: Aleksandra Kergil'khot* [Voices of the Koryak culture: Aleksandra Kergil'khot]. Novosibirsk, Akademicheskoe izd. "Geo", 2019, 288 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

21.12.2023

Сведения об авторе

Тарасевич Дмитрий Вадимович – Сектор языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: d.tarasevich@g.nsu.ru

ORCID 0009-0007-1859-3958

Information about the Author

Dmitrii V. Tarasevich – Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: d.tarasevich@g.nsu.ru

ORCID 0009-0007-1859-3958

ФОНЕТИКА

УДК: 811.512.151 + 81'34
DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-60-67

Структура алтайского диалога и средства выражения верификации

А. А. Добрынина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Взаимодействие коммуникативной структуры высказываний с порядком слов в алтайском языке рассматривается на примере вопросно-ответных реплик диалога. Ответ в алтайском языке, имеющий относительную взаимосвязь с предшествующим вопросительным компонентом, является структурно-и коммуникативно-интонационно завершающим компонентом всего диалогического единства. Анализ фактического материала позволил выделить наиболее характерные для алтайского языка типы частноверификативных высказываний: субъектный, предикатный, объектный, сирконстантный.

Ключевые слова

алтайский язык, интонация, диалог, экспериментальная фонетика, высказывание, актуальное членение

Для цитирования

Добрынина А. А. Структура алтайского диалога и средства выражения верификации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 60–67. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-60-67

The structure of the Altai dialogue and means of expressing verification

A. A. Dobrynina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This study examines the communicative structure of utterances and word order in the Altai language, specifically in question-answer dialogues. The focus is on identifying the means of verification in the Altai language by analyzing verificative utterances. Verificative utterances contain significant information that reflects some fact of objective reality, with relevant information emphasizing the most important aspect of this significant information. The relevant information may cover all the significant information or focus only on one aspect. It may also have the character of a new message or may verify the reliability of some already-known fact or event. The analysis reveals that the frequency of informative utterances is higher compared to verificative utterances in the Altai language. However, special verificative utterances are rather widespread. Their communicative-syntactic scheme is identical to that of corresponding special informative types. Still, they convey the relevant information of a different character. Special informative sentences report something

© А. А. Добрынина, 2024

new about the utterance theme. In special verificative sentences, both the theme and the rheme are set by the preceding context, and the essence of the relevant information is to confirm or deny the reliability of the supposed fact or event. The answer in the Altai language, which is closely linked to the preceding question, constitutes the final component of the entire dialogic unity in terms of structure and communication. The analysis identified four characteristic types of special verificatory statements in the Altai language: subject, predicate, object, and circumstantial.

Keywords

Altai language, intonation, dialog, experimental phonetics, utterance, thematic-rhematic articulation

For citation

Dobrynina A. A. Struktura altayskogo dialoga i sredstva vyrazheniya verifikatsii [The structure of the Altai dialogue and means of expressing verification]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 60–67. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-60-67

Введение

Предлагаемый в данной статье анализ интонации повествовательных высказываний является продолжением исследования ритмомелодической системы алтайского языка [Добрынина, 2021, 2022, 2023; Рыжикова и др., 2020; Шестера и др., 2020].

Экспериментальному исследованию повествовательных высказываний предшествовала их классификация, в основе которой лежит структурно-семантический принцип. Повествовательные предложения содержат сообщение об утверждаемом или отрицаемом факте, событии, явлении. Это наиболее распространенный в речи тип высказываний, обладающий специфическим интонационным рисунком, отличным от интонации вопросительных и побудительных высказываний.

По классификации Е. А. Брызгуновой, в русском языке для оформления повествовательных высказываний и завершённых синтагм используется ИК-1, при которой в нейтральных реализациях колебания тона в предцентральной части имеют восходяще-нисходящее направление или сосредоточены в средней полосе её диапазона. Гласный центра произносится с нисходящим движением тона ниже уровня предцентральной части, выражая собственно завершённость, в которой отсутствует смысловое противопоставление или сопоставление [Брызгунова, 1980, с. 122].

Утвердительные высказывания содержат информацию, которая представляет собой описание, повествование и сообщение. Типичная эмоционально не окрашенная информация передаётся в нейтральных сообщениях и нейтральных ответах, при подчёркивании наиболее важного, при выражении отрицания, общего или частного, в номинативных и безличных высказываниях – однословных и распространённых. Утвердительная интонация характеризуется понижением мелодики на ударном слоге слова, стоящего под синтагматическим ударением, от уровня средней индивидуальной до уровня средней минимальной высоты тона. Областью интонационного центра, или интонационного ядра, является зона последнего ударного слога, включая заударные и предупредительные слоги [Николаева, 1977, с. 46].

Повествовательному высказыванию в алтайском языке свойствен прямой порядок расположения его членов, при котором главный управляющий член предложения – сказуемое – локализуется в самом конце высказывания, а управляемые слова располагаются перед управляющими. Тем не менее в ряде случаев наблюдается варьирование порядка слов, связанное с актуальным членением высказывания, например: [ЧТО будет завтра?] *Сонзун той болор* ‘Послезавтра будет **свадьба**’; [КОГДА будет свадьба?] *Той сонзун болор* ‘Свадьба **послезавтра** будет’. В этих примерах рематический компонент занимает положение перед глаголом: в первом случае это субъект ‘свадьба’, во втором – обстоятельство ‘послезавтра’. В тюркских языках «если член предложения, не стоящий при прямом порядке слов непосредственно перед сказуемым, занимает это место, то он становится ремой высказывания» [Ондар, 2021, с. 157].

Интонация является одним из важнейших средств актуализации компонентов при тематическом членении высказывания. Под актуализацией понимается реализация потенциальных свойств языковых элементов в речи, их приспособление к требованиям данной речевой

ситуации. Актуализация придает высказыванию форму, соответствующую коммуникативной цели данного сообщения, диктуемой, в свою очередь, условиям конситуации.

Формальный подход к актуальному членению связан с именем В. Матезиуса [1967], который выделяет в высказывании формально выраженные тему (известное) и рему (новое). Разделение актуального членения на тему и рему зависит от коммуникативной установки говорящего: что именно хотел сказать говорящий данным высказыванием в конкретной ситуации. Во всяком высказывании есть тема и рема. При этом тема может быть нулевой, эксплицитно не выраженной, а рема, будучи коммуникативным центром высказывания, чаще всего выражается. Принципиально новым в каждом высказывании является отношение между темой и ремой.

Актуальная информация в разных высказываниях может иметь разный характер. В некоторых случаях она охватывает всю вещественную информацию или большую ее часть, в других – сосредоточена лишь на одном узком аспекте вещественной информации. В одних высказываниях имеет значение характер нового сообщения, в других – характер реакции на мнение, предположение или сомнение собеседника. В связи с этим П. Адамцем были выделены четыре типа высказываний: общеинформативные, частноинформативные, общеверификативные, частноверификативные [Адамец, 1966, с. 27–28]. Верификативными называются такие высказывания, «актуальная информация которых представляет собой не новое сообщение, а реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения» [Там же, с. 27]. Поскольку верификативные высказывания являются реакцией на какое-либо предположение или утверждение, то наиболее частотным и естественным является их функционирование в диалоге в качестве второй реплики диалогического единства. Именно такие верификативные высказывания в алтайском языке, которые являются второй репликой диалогического единства, стали объектом данного исследования.

Диалог – «форма речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами» [Розенталь, 2003, с. 97]. Его структуру можно представить в виде диалогических единств, объединенных по смыслу и формальной взаимосвязанности. Таким образом, диалог состоит из двух реплик – вопроса и ответа, непосредственно организуемых прямым актом общения. Эти компоненты диалога «семантически и интонационно реализуются как единое целое, поскольку любой акт коммуникации преследует постижение определенной истины и не существует без цели» [Алексеев, 1990, с. 70]. Для успешного диалога между собеседниками должны быть необходимые условия и предпосылки.

Материалы и методы

Экспериментальным материалом послужили высказывания, выбранные из спонтанного диалога между двумя хорошо знакомыми людьми на тему предстоящей у родственников свадьбы: собеседники обмениваются информацией о том, кто женится, когда и где состоится свадьба, кто уже приехал в поселок, а кто еще только собирается приехать, какие подарки приготовили родственники, понравились ли они друзьям и знакомым, рады ли люди предстоящему событию. Диалог был записан на диктофон. Таким образом было получено 150 высказываний, из которых 63 % составили верификативные (общеверификативных – 8 %, частноверификативных – 92 %). Все высказывания были подвергнуты акустическому анализу в компьютерной программе свободного доступа для анализа речи Praat. В данной работе представлены предварительные результаты анализа ответного компонента диалога.

Информанты – носители усть-канского и онгудайского говоров диалекта алтай-кижи алтайского языка. Все дикторы билингвы, алтайский язык является родным, усвоенным с детства в семье.

Результаты и обсуждение

В рассматриваемом диалоге тема развивается вокруг предстоящей свадьбы родни. Диалог характеризуется краткими вопросно-ответными репликами, где первая реплика – побуждение к сообщению. Назначение первой реплики – вызвать ответ собеседника.

Зачин реализуется в первых предложениях: *Якшы, якшы ба?! КАНДЫЙ солундар слердин*

јерде? ‘Здравствуй, как дела? КАКИЕ новости в ваших краях?’. Данная реплика состоит из двух предложений. Первое – стандартная реплика начала диалога в виде приветствия и запроса информации о состоянии дел. Структура второго высказывания характеризуется высоким началом на вопросе *кандый?* ‘какие?’ (рис. 1), за которым следует ровное понижение основного тона, максимум интенсивности приходится на второй слог вопросительного слова.

Развитие темы происходит со второго высказывания, которое является ответной репликой собеседника: *Јакишлар ла! Бастыра деремне ТОЙГО ЛО белетенип турус.* ‘Здравствуй! Всем селом К СВАДЬБЕ И готовимся’ (рис. 2). Интонационный центр приходится на слово *тойго* ‘к свадьбе’ (*той=го* ‘свадьба=DAT’), причем на аффиксе дательного падежа *-го* происходит постепенное повышение тона, а пик интенсивности – на частице *ло*. Мелодический рисунок всего высказывания меняется с восходящего на нисходяще-восходяще-нисходящий в конце. В смысловом отношении реплика является законченной, выражая определенный смысл, и поэтому оформляется деклинацией, что может соответствовать интонации завершенности.

Представим изменения частоты основного тона (ЧОТ) по четырем вопросно-ответным репликам (рис. 3–8).

Реплика с уточняющим словом *беди?* ‘не так ли?’: *Той јирме бирде БЕДИ?* ‘Свадьба 21-го, НЕ ТАК ЛИ?’ (рис. 3) – является логическим продолжением диалога, причем максимальное значение высоты ЧОТ отмечается именно на *беди*, а всю интонацию можно охарактеризовать как восходяще-нисходяще-восходящую, что может обозначать незавершенность высказывания и ожидание ответа респондента.

Ответная реплика: *Эйе, той сонзун болор* ‘ДА, свадьба состоится послезавтра’. Данная реплика отличается неестественным способом выражения верификативной диалогической реакции. Вместо ожидаемого ответа *Эйе, той 21-де болор* ‘Да, свадьба состоится 21-го числа’, после *эйе* наблюдается лакуна, ответ *той 21-де болор* выражается косвенно. Подтверждение правоты высказанного предположения подтверждается согласием *эйе*, которое имеет восходящий тон, подразумевая незавершенность высказывания и предполагая некоторое продолжение, и отделяется паузой от второй синтагмы. Вторая часть высказывания имеет плавный нисходящий тон, свидетельствующий о завершенности высказывания.

Реплика *Маша ДЕРЕМНЕ=ДЕ БЕ?* ‘Маша В ДЕРЕВНЕ ЛИ?’ (рис. 5) характеризуется волнообразным движением ЧОТ с пиком на первом слоге высказывания и на вопросительной частице *бе*. Как видим, второй резкий подъем ЧОТ отмечается на аффиксе локатива *=де*.

Ответная реплика *ЈОК, ол кел=гелек* ‘НЕТ, она ещё не приехала’ (рис. 6) не в полной мере отвечает на поставленный вопрос, так как полный ответ должен быть – *Маша деремнеде јок / эмес* ‘Маша НЕТ/НЕ В ДЕРЕВНЕ’; реплика собеседника состоит из отрицания, далее идёт смысловая лакуна и реплика, не относящаяся к данному вопросу – *ол кел=гелек*. Интонационно выделяется *јок*, далее следует довольно резкое падение ЧОТ и незначительное повышение на аффиксе *=гелек*, указывающее на действие, которое ещё не произошло, но вот-вот осуществится. *Јок* начинается с высокого нисходящего тона и отделяется паузой, что соответствует законченности мысли. Уточняющая информация во второй части начинается с более низкого уровня. Заканчивается деклинацией, характерной для завершенности мысли.

Диалог завершается частновверификативным односинтагменным высказыванием *Јакиш сый эмитир* ‘Хороший подарок, оказывается’ (рис. 7). Интонационно определение *јакиш* характеризуется протяжностью и незначительным повышением тона на слове *сый*, сразу за повышением идёт незначительное падение тона на всем остальном участке.

Ответная реплика содержит эмоциональную реакцию говорящего на предстоящее событие: *Балдар учун сүүнип јадым* ‘Я рад за молодых’ (рис. 8) – контекстуально обусловленное верификативное высказывание. Пик интонационного контура приходится на эмоциональную реакцию *сүүнип јадым*. Максимальная интенсивность приходится на второй слог синтагмы.

Заключение

Как свидетельствует фактический материал, в данном диалоге распространенными являются только частноверификативные типы высказываний. Диалог характеризуется большим количеством смысловых лакун, которые представляют собой нулевые лексемы, соотносящиеся в системе языка с соответствующей (невербализованной) семемой. Ожидалось, что частичному модальному вопросу будут строго соответствовать частноверификативные ответные реплики, а диалог представлял бы собой чередование частичных модальных вопросов и частноверификативных высказываний: ВОПРОС – РАЗВЕРНУТЫЙ ОТВЕТ, ВОПРОС – РАЗВЕРНУТЫЙ ОТВЕТ. Однако проанализированный нами диалог содержит многочисленные лакуны: часто на заданные вопросы нет прямых ответов, они подразумеваются, но говорящий высказывает информацию, не являющуюся прямым ответом на поставленный вопрос, а развивающую содержание диалога.

Реплика 1. Кривая изменения ЧОТ
в вопросительном высказывании
Utterance 1. Curve of fundamental tone frequency
variation in an interrogative utterance

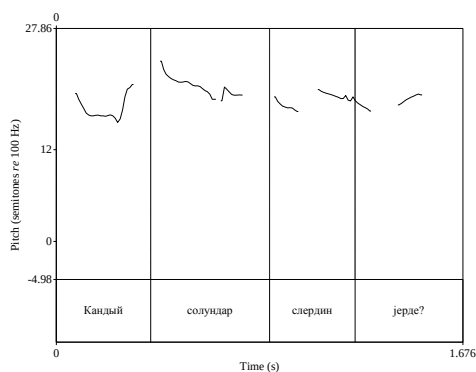

Рис. 1. Кандый солундар слердин жерде?
‘Какие новости в ваших краях?’

Fig. 1. Kandyj solundar slerdin jerde?
‘What's the news in your area?’

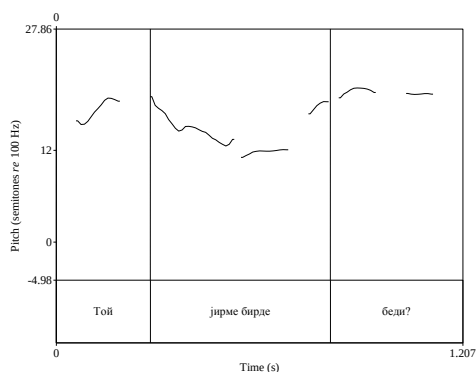

Рис. 3. Той јирме бирде беди? ‘Свадьба 21-го, ведь?’
Fig. 3. Toj jirme birde bedi? ‘Wedding on the 21st, after all?’

Реплика 2. Кривая изменения ЧОТ
в повествовательном высказывании
Utterance 2. Curve of fundamental tone frequency
variation in a narrative statement

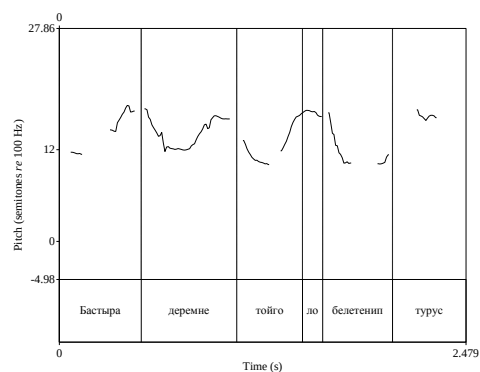

Рис. 2. Бастыра деремне тойго ло белетенип турус
‘Всем селом к свадьбе и готовимся.’

Fig. 2. Bastyra deremne tojgo lo beletenip turus
‘The whole village is preparing for the wedding.’

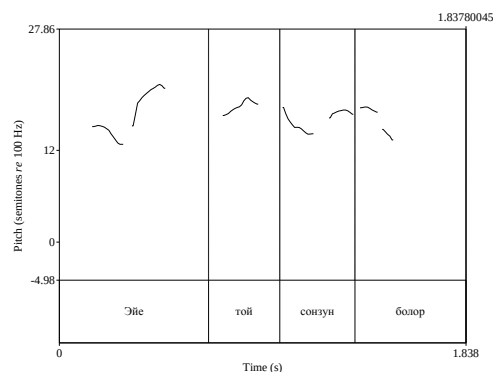

Рис. 4. Эје, той сонзун болор
‘Да, свадьба послезавтра.’
Fig. 4. Eje, toj sonzun bolor
‘Yes, the wedding is the day after tomorrow.’

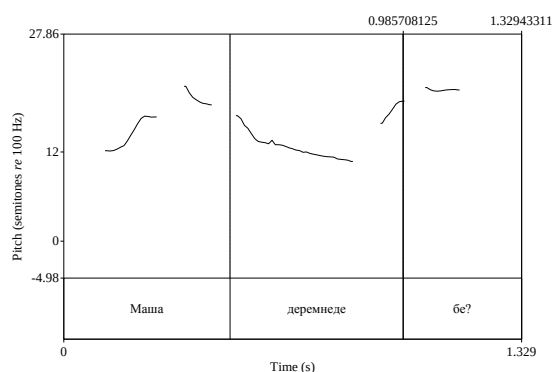

Рис. 5. *Маша деремнеде бе?* 'Маша в деревне?'
Fig. 5. *Maša deremnede be?* 'Masha in the village?'

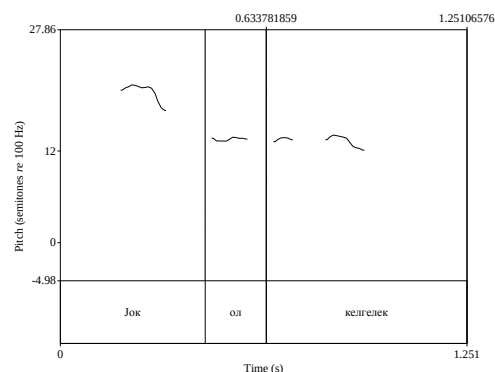

Рис. 6. *Јок, ол келгелек* 'Нет, она ещё не приехала.'
Fig. 6. *Jok, ol kelgelek* 'No, she hasn't arrived yet.'

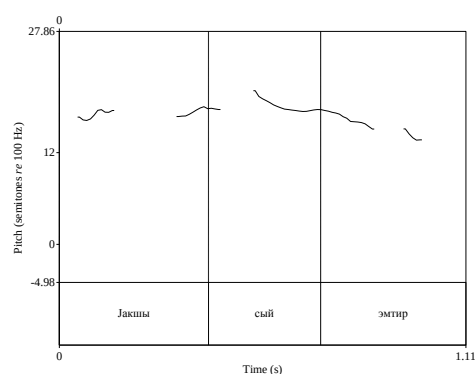

Рис. 7. *Јакшы сый эмтир*
'Хороший подарок оказывается.'
Fig. 7. *Jakšy suj emtir* 'It turns out to be a good gift.'

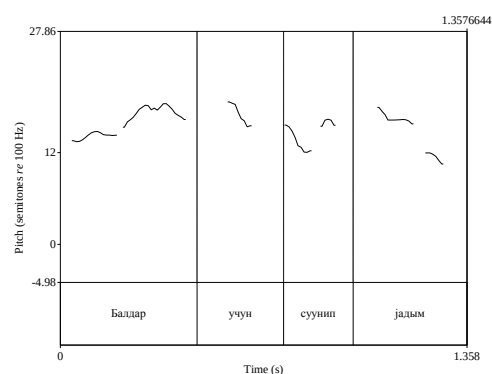

Рис. 8. *Балдар учун сүүнүп жадым* 'Я рад за молодых.'
Fig. 8. *Baldar uçuñ süünip jadym* 'I'm happy for the young people.'

Аналогично могут опускаться и очевидные вопросы. Соответственно, в структуре диалога представлены следующие варианты соотношения вопросов и ответов:

- вопрос – краткий ответ типа «Да» / «Нет»;
- вопрос – ответа на него нет или он дается в косвенной форме;
- вопроса нет, поскольку он предполагается или опускается в силу своей контекстуальной очевидности, – есть полный ответ.

Таким образом, если информативные предложения информируют о каком-то новом, еще неизвестном факте, то верификативные предложения устанавливают достоверность уже известного факта и отвечают, согласно классификации вопросов, на модальные вопросы – полные (общeverификативные высказывания) или частичные (частноверификативные высказывания) [Балли, 1955, с. 47–48].

Анализ небольшого диалога, представляющего образец спонтанной речи, показывает, что интонационно актуализируется та рематическая часть высказывания, которая является подтверждением или отрицанием запрашиваемой информации.

Список литературы

- Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Академия, 1966. 96 с.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.
Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 96–122.
Добрынина А. А. Интонация в алтайском языке (на материале простых односоставных побудительных высказываний) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 261–271.

- Добринина А. А. Интонационное оформление диктальных вопросов со словом кем 'кто' в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 78–84.
- Добрынина А. А. Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 9–15.
- Матезиус В. О так называемом актуальном членении // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.
- Ондар Ч. Г. Дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке: зависимость от функции и характера определения // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41). С. 154–162.
- Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: ООО «Изд. дом «ОНИКС 21 век»; ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2003. 384 с.
- Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Плотников И. М., Шестера Е. А., Шамрин А. С. Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. 2020 а. № 2. С. 149–165.
- Шестера Е. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Плотников И. М., Шамрин А. С. Интонация повествовательных высказываний алтайского языка (на материале фольклора) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020 б. № 4 (30). С. 83–95.

References

- Adamec P. *Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke* [Word order in modern Russian]. Prague, Akademiya, 1966, 96 p. (In Russ.)
- Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, 1955, 416 p. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. Intonatsiya [Intonation]. In *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1980, vol. 1, pp. 96–122. (In Russ.)
- Dobrinina A. A. Intonatsiya v altayskom yazyke (na materiale prostykh odnosostavnykh pobuditel'nykh vyskazyvaniy) [Intonation of the Altai language (simple one-component imperative utterances)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 3, pp. 261–271. (In Russ.)
- Dobrinina A. A. Intonatsionnoe oformlenie diktal'nykh voprosov so slovom kem v altayskom yazyke [Intonation of the dictum questions with the interrogative word кем in the Altai language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 78–84. (In Russ.)
- Dobrynina A. A. Intonatsiya prostykh interroгатivnykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke [Intonation of simple interrogative statements in the Altai language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023, no. 3 (iss. 48), pp. 9–15. (In Russ.)
- Matezius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii [About the so-called actual division]. In *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow, Progress, 1967, pp. 239–245. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation of Slavic languages]. Moscow, Nauka, 1977, 278 p. (In Russ.)
- Ondar Ch. G. Differentsirovannoe markirovanie ob'ekta v tuvinskom yazyke: zavisimost' ot funktsii i kharaktera opredeleniya [Differential Object Marking in Tuvan language: dependence on the function and nature of the definition]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 1 (iss. 41), pp. 154–162. (In Russ.)
- Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika* [The handbook of the Russian language. Practical stylistics]. Moscow, ONIKS 21 vek, 2003, 384 p. (In Russ.)
- Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A., Shamrin A. S. Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke (na materiale fol'klora altay-kizhi) [Intonation of modal interrogative statements in the Altai language (on the material of Altai-Kizhi folklore)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 2, pp. 149–165. (In Russ.)

Shestera E. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shamrin A. S. Intonatsiya povestvovatel'nykh vyskazyvaniy altayskogo yazyka (na materiale fol'klora) [Intonation of narrative utterances of the Altai language (based on the material of folklore)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 4 (30), pp. 83–95. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.01.2024

Сведения об авторе

Альбина Альбертовна Добрынина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0001-5841-4714

Information about the Author

Albina A. Dobrynina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0001-5841-4714

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-68-81

Роль писателей Тувы в языковом строительстве

А. Х. Херел, М. В. Бавуу-Сюрюн

Институт развития национальной школы Республики Тыва, Кызыл, Россия

Аннотация

Впервые приводится периодизация языкового строительства в Туве, где оно шло несколько иным путем, чем в остальных регионах России, поскольку до 1944 г. Тува была отдельным государством – Тувинской Народной Республикой. Особое внимание уделено роли писателей Тувы в этом процессе в разные исторические периоды. Выявлены ключевые фигуры, деятельность которых внесла значительный вклад в языковое строительство в регионе: обучение кадров, создание системы образования и его научно-методическое обеспечение, издательская деятельность, формирование тувинской художественной литературы, повышение культурного и образовательного уровня коренного населения.

Ключевые слова

языковое строительство, литературный язык, роль писателя, тувинская литература, образовательное пространство, терминология, исторические периоды

Благодарности

Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ № 22-28-20512 «Традиционные семейные ценности в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи в Республике Тыва».

Для цитирования

Херел А. Х., Бавуу-Сюрюн М. В. Роль писателей Тувы в языковом строительстве // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 68–81. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-68-81

The role of Tuvan writers in language construction

A. Kh. Kherel, M. V. Bavuu-Syuryun

The national school development Institute of the Republic of Tyva, Kyzyl, Russian Federation

Abstract

The authors of the article have identified six stages of language construction in Tuva. The first stage (1921–1929) was marked by the pursuit of a basis for developing a written language, with the old-written Mongolian language functioning as an official language at that time. In 1930, out of various projects, the one that received support was a project developed by scientists from the Soviet Union. The second stage (1930–1944) was to spread the Tuvan script created based on the Latin alphabet to the masses and to launch a cultural revolution. The third stage (early 40s – early 60s) began in 1941 when the decision was made to transition to the Cyrillic alphabet. This year, Ulug-Khem, a literary, artistic, and socio-political magazine of the Union of

© А. Х. Херел, М. В. Бавуу-Сюрюн, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Writers of Tuva, began to be published. The third stage was completed when the academic grammar of the Tuvan language appeared, currently the “Fundamentals of Tuvan Orthography.” The significance of the fourth stage lies in the creation of a considerable body of texts in the Tuvan language, encompassing various stylistic affiliations. The fifth stage (1990–2010) can be referred to as the era of democratization when the Law on Languages was approved in the Republic of Tuva. From 2010 to the present, the sixth stage of language development in Tuva has been characterized by efforts to reinforce the status of the language and ensure its survival in the face of globalization and urbanization.

Keywords

language construction, literary language, the role of the writer, textbook author, Tuvan literature, educational space, terminology, historical periods

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation No. 22-28-20512 “Traditional family values in the spiritual and moral education of children and youth in the Republic of Tyva.”

For citation

Kherel A. Kh., Bavuu-Syuryun M. V. Rol' pisateley Tuvy v yazykovom stroitel'stve [The role of Tuvan writers in language construction]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024. No. 1 (Iss. 49). Pp. 68–81. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-68-81

Введение

Социолингвистика в тувинском языкознании не имеет большой истории. Выделяются следующие основные аспекты ее исследования: проблемы функционирования тувинского языка до начала 70-х гг. XX в. [Аврорин, 1975], динамика языковой ситуации в Туве в сопоставлении с ситуацией в республиках Южной Сибири в постсоветский период [Боргоякова, 2002; Боргоякова, Гусейнова, 2017; Цыбенова, 2017; Мартан-оол, 2014; Серээдар, 2018], правовой статус тувинского языка [Боргоякова, Биткеева, 2020], тувинский язык в современном образовательном пространстве Тувы [Бавуу-Сюрюн, 2010; Сегленмей, 2016; Арефьев и др., 2021], формирование двуязычия [Сегленмей, 2007; Селиверстова, 2010; Бавуу-Сюрюн, 2011; Дырхеева, Цыбенова, 2020], функционирование тувинского языка в разных ареалах его распространения [Уланова, 1986; Бавуу-Сюрюн, 2011; Бавуу-Сюрюн, 2018; Бавуу-Сюрюн, 2019; Журавель, 2015]. Отдельные словарные статьи о языковой ситуации в Туве начала XXI в. выходили в различных энциклопедиях [Монгуш и др., 2002; Кондрашкина, 2016; Кондрашкина, 2016].

Вопросы языкового строительства в региональном плане освещались в рамках вопросов культурного строительства [История Тувы, 2007, с. 430], развития образования [Сердобов, 1953, с. 136], формирования тувинского национального литературного языка [Сат, 1973, с. 194], вопросов совершенствования орфографии тувинского языка [Монгуш, 1982, с. 68–71; Бичелдей, 2005, с. 134].

Языковое строительство (далее ЯС) в Туве в целом, его периодизация и отдельные аспекты с точки зрения его активных участников, а также их конкретной роли в процессе ЯС ещё не были объектом научного исследования. Наше исследование актуально в свете прогнозирования и планирования в сфере языковой политики в республике через осознание роли писателей и оценки их вклада в формировании литературного тувинского языка, а следовательно, в расширении его функций, в стилистической дифференциации, кодификации и многих других вопросах практического применения языка в обществе.

Под языковым строительством понимается «совокупность государственных мер, направленных на позитивное изменение функционального статуса бытующих в нем языков: создание письменности, введение языков в систему образования, массовую коммуникацию и т. п. Параллельно с этим обычно идет работа по совершенствованию структуры языка – пополнение лексики, создание терминологии, норматизация и кодификация» [Язык и общество, 2016, с. 848].

Одним из основных результатов ЯС в Туве является создание литературного тувинского языка, большую роль в этом сыграли писатели в содружестве с учеными, журналистами, работниками культуры и читателями.

Цель данной статьи – раскрыть роль писателей Тувы в ЯС в разные исторические периоды. Для этого решаются следующие задачи: выявить ключевые фигуры, чья деятельность играла значительную роль в ЯС – формировании тувинской художественной литературы, а следовательно, и в формировании литературного тувинского языка и расширении его функций.

Языковое строительство в России было объектом исследования многих авторов. Мы не стремимся углубляться в эту тему, так как достаточно сослаться на обстоятельную работу В. М. Алпатова, где содержится подробнейший анализ трудов не только отечественных, но и зарубежных авторов по данной тематике. В силу исторических обстоятельств ЯС в Туве по содержанию, структуре и временным рамкам имеет свои особенности. В обобщающей работе В. М. Алпатова по ЯС в таком многонациональном государстве, как СССР / Россия, не ставилась задача исследования ЯС в конкретном регионе. До сих пор отсутствуют работы, где были бы изложены основные этапы ЯС в Туве и их содержание на каждом этапе.

Ш. Ч. Сат отмечает: «Формирование тувинского литературного языка было неразрывно связано с бурным развитием экономики и с совершением культурной революции, возникновением и развитием художественной литературы, национальной печати, с развитием народного образования и подготовкой национальной интеллигенции» [Сат, 1973, с. 188].

В развитии тувинского литературного языка Ш. Ч. Сат выделяет два этапа.

Первый этап – с 1921 г. до середины 40-х гг. XX в. – автор характеризует так: «закладываются основы литературного языка, намечается тенденция всестороннего расширения его общественных функций и сфер действия, существенно пополнился словарный состав на основе собственного словопроизводства и заимствования из монгольского и русского языков» [Сат, 1973, с. 188]. Это время определяется как начальный период становления тувинской художественной литературы [История тувинской литературы, I, 2013, с. 235]. Хронологически это годы существования Тувинской Народной Республики (ТНР).

Вторым этапом развития тувинского литературного языка Ш. Ч. Сат считал период с середины 40-х до 70-х гг. прошлого столетия (время выхода цитируемой работы). По мнению автора, в это время «тувинский литературный язык укрепляется, получает дальнейшее структурное и функциональное развитие, поднимается до уровня национального литературного языка» [Сат, 1973, с. 188]. Функциональное развитие языка характеризуется тем, что «литературный язык выступает не только как язык устного общения, ... возникли функциональные стили; ведущими из них являются публицистический, разговорный стили и стиль художественной литературы» [Сат, 1973, с. 188].

Этапы языкового строительства

Формирование литературной формы языка невозможно без развитой литературы, а стандартизованной форме языка предшествует его многовековая устная история. Периодизация ЯС в ТНР / СССР / РФ за последние 100 лет не совпадает с периодизацией формирования и развития литературного тувинского языка. Это два разных процесса по своему содержанию: в первом случае речь идёт о собственно языковых процессах, происходящих под влиянием экстралингвистических факторов; а в языковом строительстве – о целенаправленных усилиях государства и общества (это может быть и бездействие с соответствующими последствиями) по сохранению и развитию языка. Поэтому мы предлагаем отдельно рассмотреть вопросы ЯС в Туве, разделяя на отдельные отрезки времени в зависимости от действий субъектов ЯС, специально отслеживая вклад писателей Тувы в этом процессе.

Первый этап ЯС в Туве (1921–1929 гг.) ознаменовался поиском основы создания собственной письменности. Предпринимались попытки создания письменности на основе кириллицы, затем был проект на латинице, созданный ламами. Наконец, в 1930 г. был поддержан проект, созданный советскими учеными. Более подробно эту историю излагал в своих статьях Б. И. Татаринцев [2009]. Одновременно решался кадровый вопрос через обучение в Монголии и СССР: вновь образованному молодому государству нужны были грамотные специалисты во всех областях. В качестве языка официального делопроизводства и публицистики сохранялся

старописьменный монгольский язык, который функционировал до середины 40-х гг. прошлого столетия. Одним из важных шагов в ЯС было создание собственной полиграфической базы.

Во время второго этапа ЯС (1930–1944 гг.) шло распространение среди масс созданной на основе латиницы тувинской письменности, была проведена культурная революция.

После создания тувинской письменности в 1930 г. появились первые писатели, которые начали издавать свои произведения в газетах, журналах, сборниках и отдельными книгами. Печатались на тувинском языке первые переводные произведения классиков русской и зарубежной литературы, поэтому появилась потребность придать писательской деятельности организационно-правовую форму. 19 июля 1940 г. в совместном заседании ЦК ТНРП, Совета Министров ТНР и ЦК РСМ было принято постановление о создании секции писателей, которая явилась прообразом будущего Союза писателей. Председателем секции был избран С. Сарыг-оол.

Первые писатели Тувы, основоположники тувинской литературы – выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока им. И. В. Сталина, занимали руководящие партийно-государственные посты. Салчак Тока с 1929 по 1933 гг. – секретарь ТНРП, министр культуры ТНР, с 1933 г. – Генеральный секретарь ЦК ТНРП, а с 1944 по 1973 гг. – первый секретарь Тувинского КПСС. Седип-оол Танов с 1935 по 1940 гг. был министром культуры, Иргит Бадра служил секретарем ЦК ТРСМ в 30-е годы, а с 1941 по 1942 гг. – председателем комитета по культуре при Совете Министров ТНР. Степан Сарыг-оол с 1934 г. работал редактором газеты «Аревэ шыны» («Правда Ревсомола»), был председателем ЦК профессионального Союза ТНР, в 1944–1942 гг. являлся директором театра-студии. Самба-Людуп Салчак исполнял должности редактора газеты «Аревэ шыны», секретаря Президиума Малого Хурала ТНР, заведующего отделом Объединенной печати, директора Тувинского книжного издательства, редактора, литсотрудника газеты «Шын» («Правда») [ТЛ. Словарь, 2012, с. 248].

Подробнее рассмотрим этот путь на примере деятельности С. Т. Танова – одного из первых тувинцев, приложивших немало усилий по созданию тувинской литературы и начавшего переводить художественные тексты с русского языка на тувинский. Вместе с О. Танчай он перевел книгу А. Барто «Братишки». Перевод под редакцией А. Пальмбаха вышел в Москве в 1934 г. отдельной красочно оформленной книгой тиражом 3000 экземпляров с цветной печатью.

С 1931 г. С. Танов работал Полномочным представителем ТНР в СССР. В годы дипломатической работы в Москве он составил книгу для чтения под названием «Чаа орук» («Новый путь»), изданную в 1934 г. под редакцией С. К. Тока. Этот учебник сыграл большую роль в деле ликвидации неграмотности среди взрослого населения республики [ТЛ. Словарь, 2012, с. 278].

Вернувшись в Туву в 1935 г., С. Танов возглавил Министерство культуры ТНР. О работе по ликвидации неграмотности он писал в своих воспоминаниях: «В эти годы приходилось очень много ездить по республике, в основном верхом, создавать очаги культуры – школы, клубы – красные юрты и, конечно, учить людей грамоте. Создавали мы и так называемые литпункты (пункты по ликвидации неграмотности), летние школы, в которых обучались все: старые и малые» [ТЛ. Словарь, 2012, с. 278].

Основоположники тувинской литературы принимали активное участие в становлении государственности тувинского народа. Результаты творческого труда писателей использовались в ликвидации неграмотности, они способствовали развитию народного образования, культурного строительства в ТНР.

Зародившаяся в этот период тувинская драматургия заложила прочную основу тувинского театрального искусства и тем самым расширила сферы функционирования тувинского языка. Здесь уместно вспомнить имя В. Ш. Кок-оола – писателя, актера, режиссера, директора театра, чьим именем впоследствии был назван Тувинский музыкально-драматический театр. В настоящее время пьесы В. Кок-оола являются классикой тувинской драматургии, а спектакли по пьесе «Хайыраан бот» («Как жаль себя»), предлагающие самые разнообразные режиссерские трактовки, практически никогда не сходят со сцены [История тувинской литературы, I, 2013, с. 147].

Третий этап ЯС (с начала 40-х до начала 60-х гг. XX в.) ознаменовался полным переходом на кириллицу в 1944 г., решение о котором было принято в 1941 г., созданием сети школ и активной переводческой деятельностью. В 1942 г. приняты постановления Совета Министров ТНР и ЦК ТНРП об образовании Союза писателей ТНР.

В это время начал выходить литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Тувы «Улуг-Хем»¹ («Великая река»). Первый его номер вышел 25 августа 1946 г. в издательстве Тувинской автономной области тиражом 1500 экз. [История тувинской литературы, I, 2013, с. 304]. Главными редакторами в разные годы были О. К. Саган-оол, С. Б. Пюрбю, С. А. Сарыг-оол, К-Э. К. Кудажы, О. О. Сувакпит, Ю. Ш. Кюнзегеш, Ч. Ч. Куулар, Н. Ш. Куулар, Э. Б. Мижит и др. С «Улуг-Хемом» сотрудничают писатели, поэты, деятели культуры и искусства, переводчики, литературоведы и критики.

Создание в 1945 г. Ученого комитета, впоследствии Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ТНИИЯЛИ) – Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ) – Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ), дает возможность поставить на научную основу работу по кодификации и выработке норм литературного тувинского языка, создание свода правил орфографии, орфографического и переводных словарей. В становление и развитие гуманитарной науки Тувы большой вклад внес основоположник тувинской литературы Л. Б. Чадамба. Он был директором ТНИИЯЛИ (1945–1953 гг.), министром культуры (1955–1963 гг.), составителем и редактором первого русско-тувинского словаря [Русско-тувинский словарь, 1953]. Одним из составителей данного словаря был также Народный писатель Тувы С. А. Сарыг-оол. В предисловии к нему отмечено участие тувинских учителей, писателей и работников печати в подготовке словаря и в предшествующей лексикологической и терминологической работе, в их числе значится и писатель О. К. Саган-оол [Там же, с. 6–7].

К началу 50-х гг. стали прибывать молодые кадры из числа коренных жителей Тувы, получившие высшее образование в вузах СССР. Открылся учительский институт в г. Кызыле (1952 г.), позже ставший педагогическим (1956 г.), где началась подготовка учителей родного языка и литературы. Из этой кузницы кадров вышла целая плеяда тувинских писателей и журналистов. Часть из них потом получала дополнительное образование на высших литературных курсах в Институте мировой литературы в Москве.

Третий этап языкового строительства заканчивается в начале 60-х гг. XX в. изданием Академической грамматики тувинского языка [Исхаков, Пальмбах, 1961], «Основ тувинской орфографии» [Пальмбах, Арагачы, 1963], актуальных и по сей день. Эти фундаментальные труды стали главными ориентирами в дальнейшей кодификации и нормировании литературного тувинского языка. Указанные работы были во многом построены на языковом материале существующих печатных трудов тувинских писателей и журналистов, а также вышедших в свет произведений устного народного творчества. В сборе образцов тувинского фольклора также принимали участие писатели С. А. Сарыг-оол, М. Б. Кенин-Лопсан, Ч. Ч. Куулар и др.

Ко времени четвертого этапа ЯС в Туве (с начала 60-х до начала 90-х гг. XX в.) был создан значительный корпус текстов на тувинском языке разной стилистической принадлежности. Это самый активный и плодотворный период ЯС: в нем принимали участие учителя тувинского языка и литературы, историки, журналисты радио и телевидения, периодических печатных изданий «Шын» («Правда»), «Тываның аныяктары» («Молодежь Тувы»), профессиональные переводчики.

Лексикографическая работа перешла на новый качественный уровень. В предисловии к «Тувинско-русскому словарю» говорится, что он является плодом труда большого авторского коллектива. При составлении словаря были использованы ранее опубликованные тувинско-русский, русско-тувинский и терминологические словари, литература на тувинском языке (художественная, общественно-политическая и т. д.), материалы тувинской прессы, толковые словари русского языка и т. п. Первоначальную работу над словарем проделал авторский

¹ Улуг-Хем – тувинское название р. Енисей.

коллектив, состоящий из научных сотрудников ТНИИЯЛИ и внештатных авторов [Тувинско-русский словарь, 1968, с. 7]. В их числе значатся писатели и переводчики А. К. Делгер-оол, Ю. Ш. Кюнзегеш, Б. Л. Ондар и К. Х. Оргу [Тувинско-русский словарь, 1968, с. 7].

Именно в этот период была заложена основа Генеральной картотеки толкового словаря тувинского языка, в составлении которой активное участие принимали писатели К. Х. Оргу и С. С. Сюрюн-оол. В предисловии к первому тому словаря написано: «Для создания словарной картотеки использовались фольклорные произведения, книги, публикации многих писателей, журналистов, ученых, государственных и общественных деятелей...» [Толковый словарь тувинского языка, 2003, с. 7–8]. Из перечисленных 69 имен только 6 человек не являются писателями.

Насколько значим вклад писателей в ЯС в Туве, можно судить по следующему отрывку из того же Предисловия: «...для того, чтобы словарь имел прочную основу, стали больше опираться на письменные источники, в частности, на художественную литературу, опубликованные фольклорные произведения... Это привело к значительному увеличению объема словаря, в связи с чем мы вынуждены опубликовать настоящий I том словаря, отказавшись от намерения издать весь словарь в одной книге» [Толковый словарь тувинского языка, 2003, с. 7–8]. Известно, что вышло всего два тома словаря, трудно сказать, каков будет объем его третьего тома.

В этот период ЯС в Туве вышли в свет самые крупные произведения тувинской литературы: первый роман на тувинском языке «Улуг хемниц шапкыны» («Стремнина Великой реки») М. Б. Кенин-Лопсана, трилогия «Араттың сөзү» («Слово арата») С. Токи, роман-диалогия «Аңгыр-оолдун тоожузу» («Повесть о светлом мальчике») С. А. Сарыг-оола, роман-эпопея «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неутомонный») К.-Э. К. Кудажи и мн. др. Все они стали классикой тувинской литературы, вошли в школьную программу.

Пятый этап ЯС в Туве (1990-е – 2010-е гг.) можно назвать периодом демократизации и законотворческой работы, которая укрепляла позиции тувинского языка. В 1993 г. был принят Закон о языках в Республике Тыва, который впоследствии претерпел ряд изменений. Активную позицию в языковом строительстве в постсоветское время занимали писатели-депутаты Верховного Хурала В. У. Хомушку, А. А. Даржай, защищавшие позиции тувинского книгоиздания и СМИ при утверждении бюджета республики. А. А. Даржай был автором закона Республики Тыва «О фамилиях, именах и отчествах», где, согласно 7-й статье закона № 496 от 20 февраля 1996 г., жителям Республики Тыва по соглашению между родителями разрешается записывать в отчестве ребенка слова *оглу* (букв.: сын=его), *оглы* (букв.: сын=его), *кызы* (букв.: дочь=его), а также указывать отчество без добавления формантов *-ович*, *-евич*, *-овна*, *-евна*, если имя отца является традиционно тувинским или заимствовано из монгольского, тибетского языков или санскрита.

После вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. во время паспортизации была нарушена традиционная тувинская система именования личности. В годы ТНР и в более ранние времена фамилии не присваивались, только во время паспортизации в тувинском языке появилось заимствованное из русского языка слово *фамилия*, оно в какой-то мере соответствует тувинскому сложному слову *аал-аймак*, а этнонимы – названия родо-племенных групп тувинцев (*төрел-аймак аттары*) – были вписаны в паспорта в большинстве случаев как фамилии, иногда даже как собственные имена. Видимо, по этой причине в качестве приложения к закону приводится список родо-племенных групп тувинцев в тувинской и русской орфографии. В первом варианте закона была предпринята попытка вернуть традиционное именование взрослого человека и каким-то образом упорядочить использование названий родо-племенных групп тувинцев. Во всем этом просматривается роль Народного писателя Тувы А. Даржая как субъекта ЯС.

В этот период значительно увеличился список периодических изданий на тувинском языке, хотя одновременно сократились тиражи печатной продукции, время вещания телевидения на тувинском языке. Национальный театр получает новые пьесы тувинских писателей молодого поколения – Э. Б. Мижита, Ч. Ч.-Д. Ондара, расширилась тематика театрального

репертуара. Языковыми активистами остаются Народные писатели Тувы Ю. Ш. Кюнзегеш, К.-Э. К. Кудажи, Ч. Ч. Куулар, Е. Т. Танова и другие, публикуя яркие полемические статьи на страницах республиканской печати, выступая на радио и телевидении. Именно усилиями писателей создаются новые газеты. Так, с именем В. У. Хомушку связана районная газета «Хемчиктин сылдызы» («Звезда Хемчика»), А. С. Бегзин-оола – «Улуг-Хем» («Великая река»), А. Х.-О. Ховалыг – «Эне сөзү» («Слово матери»), Л. Х. Иргит – «Ава» («Мать») и др. К.-Э. К. Кудажи на страницах учрежденной им газеты «Дошка»² предлагает вернуть латиницу, печатает свое писательское исследование об истории создания тувинского алфавита на основе латиницы в 1928 г. (за два года до официально признанной письменности) тувинским ламой Монгушем Лопсан-Чимитом по архивным материалам.

В демократизации печати большую роль сыграло упразднение цензуры печати.

Учебный процесс в школах республики переживает новую волну инноваций: увеличивается количество часов, отводимых на преподавание тувинского языка и литературы в школах, введены курсы народоведения, заработал эксперимент по этнопедагогике. В этой работе активное участие принимали писатели: их приглашали в школы для ведения кружков, на творческие вечера и др.

К началу 2000-х гг. под натиском рыночной экономики многие газеты закрывались, тиражи оставшихся республиканских газет сократились до минимума (от 2000 экз. и ниже). Тувинское книжное издательство уже не могло больше поддерживать писателей гонорарами за их книги. Стало совершенно очевидным, что без финансовой поддержки государства книгоиздание, полиграфическая база, СМИ, периодическая печать на тувинском языке приходят в упадок. К концу пятого периода ЯС в Туве наблюдается сужение сфер функционирования тувинского языка, тем не менее тувинские писатели продолжают создавать высокохудожественные произведения.

На шестом этапе ЯС в Туве (с 2010 г. по настоящее время) отмечается борьба за укрепление позиций языка, его сохранение на фоне процессов глобализации и урбанизации. В 2015 г. Общественный народный фронт (ОНФ) выступил с инициативой о сокращении часов тувинского языка в школах, которая вызвала протест у тувинской интеллигенции. Активисты ОНФ предлагали преподавать тувинский язык вместо второго иностранного языка. Учителя тувинского языка и литературы создали свою Ассоциацию, которая постепенно становится заметным общественным органом, защищающим позиции тувинского языка в образовании. Вслед за этим с 2016 по 2018 гг. школы республики стали переходить на русский язык обучения по настоянию Министерства образования Республики Тыва [Арефьев и др., 2021, с. 255–272]. Как ни парадоксально, государство в лице данного министерства заняло позицию по вытеснению тувинского языка в образовании: снижается количество часов на изучение тувинского языка в школах, практически прекращается работа по обновлению учебников и их включению в реестр разрешенных учебников в соответствии с общероссийским законодательством в области образования.

Анализ языковой ситуации данного периода, проделанный учеными, показывает языковой сдвиг в сторону русского языка [Боргоякова, Биткеева, 2020, с. 50–61]. Программные мероприятия не дают должного эффекта по разным причинам. Роль писателей на этом этапе ЯС в Туве продолжает снижаться. В десятки раз уменьшается тираж книг и газет. Эту нишу стали занимать электронные каналы предоставления информации, появились блогеры, социальные сети.

На этом фоне Народный писатель Тувы А. А. Даржай выступил с инициативой учредить День тувинского языка 1 ноября. Указом Главы Республики Тыва Ш. В. Кара-оола от 18 января 2016 г. в целях сохранения, поддержки и развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва и неотъемлемой части культурного и духовного наследия тувинского народа это решение принято.

² *Дошка* – особый символ власти на островерхом головном уборе чиновников, сделанный из сплетенного шелкового жгута.

На всех этапах ЯС в Туве ведущие писатели традиционно занимаются редактированием, литературной и переводческой деятельностью, консультированием начинающих поэтов и писателей, организацией кружков для начинающих писателей, читательских конференций, творческих вечеров, активно выступают в печати, на радио и телевидении. Тем самым они вносят свой вклад в работу по нормированию тувинского языка, совершенствованию художественного и публицистического стилей.

С момента зарождения тувинской литературы идет непрерывный процесс становления и развития тувинской литературоведческой терминологии благодаря усилиям как литературоведов, так и самих писателей [Сарыг-оол, Калзан, 1955, с. 71; Даржай, 2004, с. 206; Куулар, Кужугет, 2011, с. 120]. О становлении тувинской литературоведческой терминологии в разные периоды писал Д. С. Куулар [Куулар, 1980, с. 115–122].

Авторами школьных учебников были Л. Б. Чадамба, С. А. Сарыг-оол, О. К. Саган-оол, А. А. Пальмба, Х. М. Ойдан-оол, С. С. Сюрюн-оол, Ю. Ш. Кюнзегеш, О. Э. Сувакпит, Б. Л. Ондар. В настоящее время эстафету держат писатели Н. Ш. Куулар, М. А. Кужугет, Л. Х. Ооржак, М. Н. Ооржак. Все учебники по тувинской литературе для всех ступеней образования составляют корпус текстов научного, точнее учебно-научного, стиля тувинского языка. Авторы учебников, научных работ по литературоведению, литературной критике так или иначе включаются в работу по формированию литературоведческой терминологии на тувинском языке, что является важной частью кодификации языка, его стилистического расслоения.

Таким образом, роль писателей в ЯС в разные периоды невозможно оценивать однозначно: в первый период как особая группа общества, занимающаяся литературным творчеством, писатели отсутствуют, а ЯС в молодом государстве идет усилиями государственных служащих. На втором и третьем этапах ЯС в Туве заявляют о себе первые писатели как его активные исполнители, и только в четвертый период ЯС формируется отряд профессиональных писателей. ЯС в Туве с первого по четвертый периоды идет «сверху» в соответствии с идеологическими установками власти, а организующим звеном власти выступает правление Союза писателей. В пятый период ЯС в Туве заметна активность самих писателей как субъектов ЯС, т. е. наблюдается движение «снизу», но в последние годы эта активность резко падает. Это связано с ослаблением внимания государства к данному идеологическому фронту.

Заключение

Усилиями нескольких поколений писателей Тувы проделана огромная работа по языковому строительству. Начиная с первых лет существования отдельного молодого государства – Тувинской Народной Республики – фактически с нуля была создана современная многожанровая тувинская литература. Именно она стала стержнем учебного предмета «родная (тувинская) литература» на всех ступенях образования, который играет важную роль в формировании мировоззрения молодого поколения. Корпус текстов тувинской художественной литературы дал огромный толчок в становлении литературной формы тувинского языка и служит надежной базой для филологических исследований.

Список литературы

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1975. 275 с.

Алпатов В. М. Языковая политика в XXI веке // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. С. 10–19.

Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 255–272 [URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1011>. Дата обращения: 07.07.2021].

Бавуу-Сюрюн М. В. Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы, 2010. № 3. С. 57–71 [URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500>. Дата обращения: 06.07.2022].

Бавуу-Сюрюн М. В. Проблемы формирования двуязычия на начальном этапе образования // Проблемы преподавания в школе и вузе: Материалы республиканской научно-практической конференции. Кызыл: РИО ТывГУ, 2011. С. 21–30.

Бавуу-Сюрюн М. В. Социолингвистические заметки о тувинцах Китая // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 135–142 [URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/445>. Дата обращения: 06.07.2022].

Бавуу-Сюрюн М. В. Проблемы формирования тувинско-русского и тувинско-монгольского двуязычия // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Надеяева): Материалы междун. науч. конф. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2012. С. 139–145.

Бавуу-Сюрюн М. В. Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы, 2016 а. № 4. С. 4–27 [URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/610>. Дата обращения: 06.07.2022].

Бавуу-Сюрюн М. В. Потенциал электронного образовательного ресурса «Тываның чогаалчылары» («Писатели Тувы») // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Междунар. научно-практ. конф. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2016 б. С. 53–58.

Бавуу-Сюрюн М. В. Социолингвистическая ситуация на территориях распространения тувинского языка за рубежом // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы II Всероссийской конф. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2018. С. 19–27.

Бавуу-Сюрюн М. В. Тюркоязычные территории Монголии // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2019. С. 32–33.

Бичелдей К. А. Проблемы совершенствования графики и орфографии современного тувинского языка // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2005. С. 20–28.

Боргоякова Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. 266 с.

Боргоякова Т. Г. Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 7 (25). Ч. 1. С. 36–39 [URL: <http://gramota.net/articles/issn1997-2911>. Дата обращения: 01.10.2019].

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61 [URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914>. Дата обращения: 22.07.2022].

Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.

Дыргеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 62–74 [URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905>. Дата обращения: 29.06.2022].

Журавель Т. Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2015. 171 с. [URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146921>. Дата обращения: 29.07.2022].

История Тувы. (в 2-х т.) / Под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.; Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.

История тувинской литературы. Т. 1: Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944) / Отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2013. 266 с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка: фонетика, морфология. М.: Восточная литература, 1961. 472 с.

Кондрашкина Е. А. Тувинский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 497–500.

Кондрашкина Е. А. Языковая ситуация в Республике Тыва // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 790–794.

Куулар Д. С. Становление тувинской литературоведческой терминологии // Тувинская письменность, язык и литература. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1980. С. 115–122.

Мартан-оол М. Б. Вопросы тувинского языка: диалектология, лексикография и социолингвистика: избранные научные труды. Отв. ред. М. М-Б. Харунова; ред. Ч. М. Доржу. Кызыл: Тувинский ин-т гуман.исслед, 2014. 276 с.

Монгуш Д. А., Насилов Д. М., Бичелдей К. А. Тувинский язык // Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 370–384.

Монгуш Д. А. Современное состояние письменности и дальнейшие пути ее улучшения // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 68–71.

Русско-тувинский словарь / Под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 708 с.

Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. 194 с.

Сегленмей С. Ф. К проблеме билингвизма в Туве // Русский язык в Туве: материалы республиканской научно-практической конференции (22–23 ноября 2007 г., г. Кызыл). Кызыл: ТывГУ РИО, 2007. С. 92–99.

Сегленмей С. Ф. Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестник Тувинского государственного университета. 2016. № 4. С. 105–112.

Селиверстова Г. М. Чем хуже – тем лучше?... // Тувинская правда. 2010. 26 августа. С. 4–5.

Сердобов Н. А. Народное образование в Туве: краткий ист. очерк. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1953. 136 с.

Серээдар Н. Ч. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы, 2018. № 1. С. 4–19 [URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752>. Дата обращения: 05.11.2019].

Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. 287 с.

Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Т. I: А – Й. Новосибирск: Наука, 2003. 596 с.

Тувинско-русский словарь / Под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 724 с.

Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.

Уланова А. Э. Языковая ситуация Юго-Восточной Тувы // Диалектология и ареальная лингвистика языков Сибири. Новосибирск, 1986, С. 150–155.

Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana, 2020. С. 756–815.

Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 170 с.

Язык и общество: Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 872 с.

Даржай А. А. Дүлгээзинниг аян. Кызыл: ТывНУЧ, 2004. 206 а. (на тув.яз.).

Куулар Н. Ш., Кужугет М. А. Амгы тыва шүлүк чогаалының сайзыралы. Кызыл: ТывНУЧ, 2011. 120 а. (на тув. яз.).

Пальмбаха А. А., Арагачы З. Б. Тыва орфографияның үндезиннери. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1963. 186 а. (на тув. яз.).

Русско-тувинский словарь. Под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 708 с.

Сарыг-оол С. А., Калзан А. К. Литература дугайы. Кызыл: ТывНУЧ, 1955. 71 а. (на тув.яз.).

References

Alpatov V. M. Yazykovaya politika v 21 veke [Language policy in the 21st century]. In: *Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh protsessov* [Language policy in the context of modern language processes]. Moscow, Azbukovnik, 2015, pp. 10–19. (In Russ.).

Aref'ev A. L., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya Respubliki Tyva [Problems of bilingualism in the system of school language education of the Republic of Tyva]. *The New Research of Tuva*. 2021, no. 1, pp. 255–272. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1011> (accessed 07.07.2021). (In Russ.).

Avrorin V. A. *Problemy izucheniya funktsiona'noy storony yazyka k voprosu o predmete sotsiolingvistike* [Problems of studying the functional side of language to the question of the subject of sociolinguistics]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1975, 275 p. (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Potentsial elektronnoogo obrazovatel'nogo resursa “Tyvanyң chogaalchylary” (“Pisateli Tuvy”) [The potential of the electronic educational resource “Tıvanıñ čogaalčılari” (“Writers of Tuva”)]. In: *Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri: materialy IV Mezhdun.nauch.-prakt. konf.* [Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: materials of the IV International sci. and pract. conf.]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2016, pp. 53–58. (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Problemy formirovaniya dvuyazychiya na nachal'nom etape obrazovaniya [Problems of bilingualism formation at the initial stage of education]. In: *Problemy prepodavaniya v shkole i vuze: materialy respublikanskoy nauch.-prakt. konf.* [Problems of teaching at school and university: materials of the republican sci. and pract. conf.]. Kyzyl, TuvSU Publ. House, 2011, pp. 21–30. (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Problemy formirovaniya tuvinsko-russkogo i tuvinsko-mongol'skogo dvuyazychiya [Problems of formation of Tuvan-Russian and Tuvan-Mongolian bilingualism]. In: *Tyurko-mongol'skie narody Tsentral'noy Azii: yazyk, etnicheskaya istoriya i fol'klor (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. M. Nadelyaeva): materialy mezhdun. nauch. konf.* [Turkic-Mongolian peoples of Central Asia: language, ethnic history and folklore (to the 100th anniversary of the birth of V. M. Nadeliev): proceedings of the intern. sci. conf.]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2012, pp. 139–145. (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya na territoriyakh rasprostraneniya tuvinskogo yazyka za rubezhom [Sociolinguistic situation in the territories of the Tuvan language spread abroad]. In: *Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri: materialy II vserossiyskoy konf.* [Preservation and development of the languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia. Materials of the II All-Russian Conference]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2018, pp. 19–27. (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Sotsiolingvisticheskie zametki o tuvintsakh Kitaya [Sociolinguistic notes about Tuvans of China]. *The New Research of Tuva*. 2011, no. 1, pp. 135–142. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/445> (accessed 06.07.22). (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Tuvinskiy yazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyy aspekt [Tuvan language at the present stage: educational aspect]. *The New Research of Tuva*. 2010, no. 3, pp. 57–71. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500> (accessed 06.07.22). (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Tyurkoyazychnye territorii Mongolii [Turkic-speaking territories of Mongolia]. In: *Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri. Materialy III Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf.* [Preservation and development of the languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia. Materials of the III All-Russian sci. and pract. conf.]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2019, pp. 32–33. (In Russ.).

Bavuu-Syuryun M. V. Voprosy sozdaniya elektronnykh resursov tuvinskogo yazyka: nekotorye itogi, neotlozhnye zadachi i perspektivy [Issues of creating electronic resources of the Tuvan language: some results, urgent tasks and prospects]. *The New Research of Tuva*. 2016, no. 4, pp. 4–27. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/610> (accessed 06.07.22). (In Russ.).

Bicheldey K. A. Problemy sovershenstvovaniya grafiki i orfografii sovremennogo tuvinskogo yazyka [Problems of improving the graphics and spelling of the modern Tuvan language]. In: *Gumanitarnaya nauka Tuvy na styke vekov: istoriya, problemy i perspektivy* [Humanities of Tuva at the turn of the Century: history, problems and prospects]. Kyzyl, KTso “Anyyak,” 2005, pp. 20–28. (In Russ.).

Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvinskiy yazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1, pp. 50–61. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (accessed 22.07.2022.). (In Russ.).

Borgoyakova T. G., Guseynova A. V. *Status i funktsionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri* [Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2017, 136 p. (In Russ.).

Borgoyakova T. G. Razvitiye bilingvizma v Respublikakh Tyva i Khakasiya [Development of bilingualism in the Republics of Tyva and Khakassia]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2013, no. 7(25), pt. 1, pp. 36–39. URL: <http://gramota.net/articles/issn1997-2911> (accessed 01.10.2019). (In Russ.).

Borgoyakova T. G. *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Yuzhnoy Sibiri* [Sociolinguistic processes in the Republics of Southern Siberia: monograph]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2002, 266 p. (In Russ.).

Darzhay A. A. *Dulgeezinnig ayan* [Charming mood]. Kizil, TivNÜČ, 2004, 206 a. (In Tuv.).

Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S. Yazykovye ustanovki i yazykovaya loyal'nost' nositeley malykh yazykov v usloviyakh natsional'no-russkogo dvuyazychiya (na primere buryat i tuvintsev) [Language attitudes and language loyalty of speakers of minor languages in conditions of national-Russian bilingualism (using the example of Buryats and Tuvinians)]. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1, pp. 62–74. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> (accessed 29.06.22.). (In Russ.).

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language: phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p. (In Russ.).

Istoriya tuvinskoy literatury [History of Tuvan literature]. K. A. Bicheldey (Ed.). Novosibirsk, SB RAS Publ., 2013, vol. 1: Istoki. Literatura Tuvinskoy Narodnoy Respubliki (1921–1944) [Origins. Literature of the Tuva People's Republic (1921–1944)]. 266 p.

Istoriya Tuvy: V 2-kh t. [History of Tuva: In 2 vols.]. S. I. Vaynshteyn, M. Kh. Mannay-ool (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2001, vol. 1, 2nd ed. rev. and enl., 367 p.; 2007, vol. 2, 2nd ed. rev. and enl., 430 p. (In Russ.).

Khilkhanova E. V. *Lyudi v yazykovoy politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Evropy)* [People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (on the example of Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, pp. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324.

Kondrashkina E. A. Tuvinskiy yazyk [Tuvan language]. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 497–500. (In Russ.).

Kondrashkina E. A. Yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva [Language situation in the Republic of Tyva]. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, Publ. center «Azbukovnik, 2016, pp. 790–794. (In Russ.).

Kuular D. S. Stanovleniye tuvinskoy literaturovedcheskoy terminologii [The formation of Tuvan literary terminology]. In: *Tuvinskaya pis'mennost', yazyk i literatura* [Tuvan writing, language and literature]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1980, pp. 115–122. (In Russ.).

Kuular N. Sh., Kuzhuget M. A. *Amgi tiva šülik čogaaliniň sayzirali* [Development of modern Tuvan poetry]. Kizil, TivNÜČ, 2011, 120 p. (In Tuv.).

Martan-ool M. B. *Voprosy tuvinskogo yazyka: dialektologiya, leksikografiya i sotsiolingvistika: izbrannye nauchnye trudy* [Issues of the Tuvan language: dialectology, lexicography and sociolinguistics: selected scientific works].

selected sci. works]. M. M-B. Kharunova (Ed. in Ch.), Ch. M. Dorzhu (Ed.). Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities, 2014, 276 p. (In Russ.).

Mongush D. A., Nasilov D. M., Bicheldey K. A. *Tuvinskiy yazyk* [Tuvan language]. In: *Gosudarstvennye i titul'nye yazyki Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [State and titular languages of Russia. Encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, Academia, 2002, pp. 370–384. (In Russ.).

Mongush D. A. *Sovremennoe sostoyanie pis'mennosti i dal'neyshie puti ee uluchsheniya* [The current state of writing and further ways to improve it]. In: *Opyt sovershenstvovaniya alfavitov i orfografiy yazykov narodov SSSR* [Experience in improving alphabets and spellings of the languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 68–71. (In Russ.).

Pal'mbakh A. A., Aragachy Z. B. *Tiva orfografiyaniñ ündezinneri* [Basics of Tuvan orthography]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1963, 186 p. (In Tuv.).

Russko-tuvinskiy slovar' [Russian-Tuvan dictionary]. A. A. Pal'mbakh (Ed.). Moscow, Gos. Izd. inostr. i nats. slovary, 1953, 708 p. (In Russ., in Tuv.).

Saryg-ool S. A., Kalzan A. K. *Literatura dugayı* [About literature]. Kizil, TivNÜČ, 1955, 71 p. (In Tuv.).

Sat Sh. Ch. *Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of the Tuvan national literary language]. Kyzyl, Tuvinskoe kn. izd., 1973, 194 p. (In Russ.).

Seglenmey S. F. K probleme bilingvizma v Tuve [On the problem of bilingualism in Tuva]. In: *Russkiy yazyk v Tuve: Materialy respublikanskoy nauch.-prakt. konf. (22–23 noyabrya 2007 g., g. Kyzyl* [Russian language in Tuva: materials of the republican sci. and pract. conf. (22–23 November 2007)]. Kyzyl, Tuvan State University Publ. House, 2007, pp. 92–99. (In Russ.).

Seglenmey S. F. Rol' rodnoy yazyka kak yazyka obucheniya v nachal'noy shkole [The role of the native language as the language of instruction in primary school]. *Vestnik of Tuvan State University*. 2016, no. 4, pp. 105–112. (In Russ.).

Seliverstova G. M. Chem khuzhe – tem luchshe?.. [The worse the better?..]. *Tuvinskaya pravda*. 2010. August 26, pp. 4–5. (In Russ.).

Serdobov N. A. *Narodnoe obrazovanie v Tuve: kratkiy ist. ocherk* [Public education in Tuva: a brief historical outline]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1953, 136 p. (In Russ.).

Sereedar N. Ch. Tuvinskiy yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as a means of communication among Tuvans: problems and prospects]. *The New Research of Tuva*. 2018, no. 1, pp. 4–19. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (accessed 05.11.2019). (In Russ.).

Tatarintsev B. I. *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected scientific works]. Kyzyl, GUP RT “Tyvapoligraf,” 2009, 287 p. (In Russ.).

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. D. A. Mongush (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2003, vol. I: A – Y, 596 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. A. A. Pal'mbakh (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1953, 724 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenisheva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p. (In Tuv., in Russ.).

Ulanova A. E. Yazykovaya situatsiya Yugo-Vostochnoy Tuvy [The linguistic situation of South-Eastern Tuva]. In: *Dialektologiya i areal'naya lingvistika yazykov Sibiri* [Dialectology and areal linguistics of the languages of Siberia]. Novosibirsk, 1986, pp. 150–155. (In Russ.).

Tsybenova Ch. S. *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Modern linguistic situation in the Republic of Tyva: sociolinguistic aspect]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 170 p. (In Russ.).

Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 872 p. (In Russ.).

Zhuravel' T. N. *Etnoyazykovaya situatsiya v Usinskoy doline Krasnoyarskogo kraya* [Ethnolinguistic situation in the Usinsk Valley of the Krasnoyarsk Territory]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 2015, 171 p. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146921> (accessed 29.07.2022). (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
14.11.2023

Сведения об авторах

Херел Алимая Хензиг-ооловна – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института развития национальной школы Республики Тыва (Кызыл, Россия)

E-mail: herel.alimaa@mail.ru
ORCID 0000-0003-2996-2118

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института развития национальной школы Республики Тыва (Кызыл, Россия)

E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru
ORCID 0000-0002-7456-7339

Information about the Authors

Alimaa H. Kherel – Candidate of Philology, Scientific Secretary, The state budget research institution of the Ministry of Education of the Republic of Tuva “The national school development Institute” (Kyzyl, Russia)

E-mail: herel.alimaa@mail.ru
ORCID 0000-0003-2996-2118

Mira V. Bavu-Syuryun – Doctor of Philology, Principal Researcher, The state budget research institution of the Ministry of Education of the Republic of Tuva “The national school development Institute” (Kyzyl, Russia)

E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru
ORCID 0000-0002-7456-7339

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-82-91

Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 3: Путь эволюции

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции образа духа-хозяйки земли, являющегося одним из архаических образов в якутском пантеоне божеств. Полифункциональность и многокомпонентность первоначального прообраза отражают синкретическое мировосприятие предков саха, характеризующееся наделением этого образа астральной, растительной, хтонической природой. В текстах эпоса олонхо линия эволюции образа сохраняется по схеме «наземный локус – подземный локус – наземный локус», связанной с развитием хозяйственно-экономического уклада жизни древних людей. В мифологическом образе прослеживается связь с почитанием дерева, огня, матери, тотемистически-промысловым и удаганским культами и культом предков. В образе прослеживаются черты многих этапов его формирования (магизма, фетишизма, хтонизма, зооморфизма, анимизма, антропоморфизма) с сохранением его исконно «природных» функций в сфере Земли.

Ключевые слова

дух-хозяйка земли, предыстория образа, эпос, модель мира олонхо, богатырь, мотив, символ, функция

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Для цитирования

Сатанар М. Т. Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 3: Путь эволюции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 82–91. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-82-91

© М. Т. Сатанар, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

The image of earth spirit in the olonkho epic. Part 3: The path of evolution

M. T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

The article focuses on analyzing how the image of the spirit-mistress of the earth has evolved over time. The study has revealed that the image was created by combining elements from various historical periods. The oldest stratum leads us to the image of the ancient Stone Age civilization, with its polyfunctional and multicomponent nature reflecting the syncretic worldview of ancient people who endowed it with astral, vegetative, and chthonic features. The Neolithic image of perception is associated with the first “offshoots” of functions from a single prototype. Subsequently, genetically related images of the spirits of forest, hunting, vegetative forces, fire, childbearing, and cattle litter appeared. A higher level of abstraction was characterized by the images of wisdom and mind, the creative principle, and the thunderer. The image under study demonstrates the stability of its function as a patronage of the fruit-bearing forces of nature, dating back to ancient times. During the Bronze Age, the prototype was enriched with the new idea of the reincarnation cycle of the human soul and the pathos of immortality. The patriarchy promoted the emergence of male images of spirits-masters of the earth later to be assigned the role of innovative “cultural creations” in the bosom of the earth. The final shape of the anthropomorphic image of the mistress of the earth was formed only in the early twentieth century due to the widespread collectivization in the USSR.

Keywords

earth spirit, image prehistory, epic, model of the olonkho world, hero, motif, symbol, function

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the research project of the North-Eastern Federal University “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive, and historical-comparative aspects.”

For citation

Satanar M. T. *Obraz dukha-khozyayki zemli v epose olonkho. Chast' 3: Put' evolyutsii* [The image of the spirit-mistress of the earth in the olonkho epic. Part 3: The path of evolution]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 82–91 (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-82-91

Введение

Настоящее исследование является логическим продолжением статьи «Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 2: Мифологические истоки», где были выявлены «разновременные рудименты» образа духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун* [Сатанар, 2023, с. 116–125]. Следующим шагом исследования служит установление линии эволюции *Аан Алахчын Хотун*, которую «нельзя понимать метафизически, неподвижно, изолированно» [Лосев, 1957, с. 17]. Дух земли в якутской мифологии признается наиболее архаическим образом, из чего можно предположить «законсервировании» в образе слоев многих древних традиций, пошаговая идентификация которых должна осуществляться по принципу «вечно становящегося человеческого мышления» [Там же, с. 11].

Предыстоки образа *Аан Алахчын Хотун* уводят своими корнями в очень древние эпохи, и, чтобы не затеряться в неопределенности древнейших свидетельств фольклорных текстов, следует сразу оговориться: критерии определения пластов образа того или иного конкретно-исторического периода построены по «твердо установленным закономерностям в развитии первобытного общества» [Там же, с. 15–16]. Речь идет о переходе от фетишизма к анимизму и от хтонизма к героизму, которые вызываются состоянием хозяйственно-экономического уклада жизни древних обществ. В данном исследовании мы придерживаемся методологической установки В. Я. Проппа: «Фольклор должен изучаться не как нечто оторванное от экономики и социального строя, а как производное от них» [Пропп, 2000, с. 240].

Материалами исследования послужили тексты эпоса олонхо. Цель исследования – реконструкция поэтапного исторического становления антропоморфного образа духа-хозяйки земли в контексте социально-экономического строя исторических эпох. Применены комплексный подход, структурно-диахронический и функционально-семантический анализ, методы эмпатии и герменевтики. Ведущим принципом служит принцип историзма.

Путь эволюции образа в историческом развитии

Сфокусирование в антропоморфном образе *Аан Алахчын Хотун* целого комплекса слитных, нерасчлененных идей, отражающих почитание мирообразующих стихий воды, огня, земли, воздуха, дерева, рыси, кукушки, коровы, представляет собой характеристику картин мира очень древних людей. По лосевской концепции, эти характеристики в своем историческом развитии впоследствии становятся простыми атрибутивными, функциональными, метаморфозными, субстанциональными рудиментами¹ типа черпак и посох, место обитания в мировом древе, рысья шуба, рысье-соболья шапка, дух произнесенных слов, различные первичные и вторичные функции антропоморфного образа духа-хозяйки земли. Будучи всецело слитым с окружающей природой и завися от нее, древний человек воспринимал мир в виде единого живого организма в женском облике, и, как показывает анализ, образ духа-хозяйки земли изначально имел астрально-растительно-хтоническую природу, где воедино были объединены «творец, творчество и тварь» [Топоров, 1998–1999, с. 259].

Начав формироваться с эпохи палеолита и неолита, в первооснове образ возникает в виде наземного существа. И одним из важных свидетельств его древних корней выступает слияние в самом образе бинарной оппозиции в представлениях предков – неразделимость понятий «мать-земля» и «отец-небо» в качестве плодоносной и оплодотворяющей начал, которая имплицитно манифестируется в обращении к ней – *сир-дайды сиигэ* ‘сырость земли’. Важной функцией, идущей с очень древних времен, служит покровительство духа-хозяйки земли окружающей природе как к телесному, живому существу, фрагмент которого устойчиво кочует из текста в текст во многих олонхо: *Манлык бэйэлээх / Аан ийэ дойдум / Улай киинигэр / Аан дойду кэдэйэр сирэ, / Дьогдьойор саала буоллун диэннэр...* ‘На этой славной / Изначальной матери-земле, / На самом пупке ее, / Чтобы изначально страны прогибающейся спиной, / Возвышающейся холмой, мол, стал...’ [Якутский героический эпос, 1996, с. 82–83].

Известно, что к числу самых древних реликтов относится магия, которая, как считает М. Малерб, «такая же древняя, как само человечество» [Малерб, 1997, с. 361]. В палеолите женщина-мать, занимая ведущее положение в древнем обществе, управляла всем домашним хозяйством рода, была хранительницей домашней святыни – очага. Именно женщины-матери, связанные с таинством рождения новой жизни, являлись служительницами благотворной силы огня, делали приношения огню, «общались» с травами и растениями и тем самым представляли собой «самый древний пласт колдунов и знахарей в истории общества» [Фрэзер, 2001, с. 79]. Эпическая память сохранила эти характеристики прообраза духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун* в виде властвования над первичными мирообразующими стихиями, сохранившегося в текстах как один из многих ее атрибутов-рудиментов. В олонхо традиционным считается ее появление в сопровождении ветра, грома, молнии, дождя, при которых волнуется и дрожит сама земля. В дальнейшем развитии прообраза эти постоянные спутники сохраняются также и у удаганок *айыы*² (шаманок *айыы*), и у удаганок *абаасы*³ (шаманок *абаасы*), что и

¹ «Субстанциональные рудименты основаны на отождествлении разного рода предметов и существ. <...>. Огромное количество рудиментов имеет метаморфозный, или оборотнический, характер. <...>. Атрибутивные рудименты – это те, которые некогда были самим этим божеством, демоном или героем и впоследствии отделились, и заостенели в виде внешнего придатка к данной фигуре. <...>. Имеется огромное количество функциональных рудиментов – названий каких-либо орудий, постоянно сопутствующих тому или иному мифологическому образу» [Лосев, 1957, с. 21].

² *Айыы* – общее название светлых, добрых начал.

³ *Абаасы* – общее название темных, злых начал.

свидетельствует об их преемственности. Культ удаганок восходит к культу почитания женщины-матери, историческим свидетельством которого являются обнаруженные археологом А. П. Окладниковым фигуры женщин (фетиши) времен палеолита в 28-ми стоянках древних поселений вдоль русла р. Лена [Уткин, 1994, с. 4]. Связь прообраза с первостихиями дополнительно подтверждается наличием фетишей – трости и гадальной ложки *Аан Алахчын Хотун*. Эти данные вписывают образ *Аан Алахчын Хотун* в древнюю космогонию, в которой она занимает максимально космологизированный локус модели мира олонхо – центр мироздания.

К одному из глубоких слоев относится и некогда существовавшая фитоморфная ипостась прообраза *Аан Алахчын Хотун*. Дерево-тотем, где обитали «души умерших предков» [Фрэзер, 2001, с. 87], воспринималось в представлениях родовой общины матерью-прародительницей. В текстах олонхо имеются ценные фрагменты фетишистских представлений в виде слияния образа дерева с образом матери-предка, поэтому тело самого дерева-матери выступает кормилицей, воспитательницей главного героя в младенчестве. Как правило, в таких олонхо богатырь является героем-одиночкой, т. е. первым человеком на земле, не знающим своих родителей. Подробный анализ таких сюжетных мотивов имеется в исследовании А. П. Решетниковой [Решетникова, 2005, с. 93–95].

В первобытном воззрении на мир прообраз духа-хозяйки земли обогащается зооморфной ипостасью, вызванной тотемистически-промысловым культом. В этнографии есть предположение, что магическими обрядами перед охотничьими сезонами руководила именно женщина-мать – жрица огня (удаганка), сама при этом исполнявшая роль матери-зверя [Васильев, 1998, с. 48–49]. В литературе установлена аналогия между образом якутской невесты и рысью (зверем с ценным мехом, которую в старину наделяли сверхъестественными способностями [Алексеев, 1975, с. 43]). Такой образ восходит к мифологическим воззрениям предков «о девушке как лесном жителе, которую должен был добыть жених-охотник» – именно так разыгрывалась «символическая свадьба охотника с самой хозяйкой леса (женской ипостасью божества охоты)» [Данилова, 2011, с. 81]. Это высказывание подтверждается идентичностью наличия цепи акциональных кодов и в промысловом обряде (основанном на почитании рыси), и в свадебном обряде, эксплицирующих огненную природу рыси в качестве продуцирующего начала. Магический статус рыси проецируется позднее и на родильных, свадебных обрядах в контексте общего семейно-родового культа якутов.

«Култ женщины, начавшись с верхнего палеолита, дальнейшее развитие получает в периоды последующих эпох: мезолите, неолите, ранней, поздней бронзы» [Уткин, 1994, с. 8]. Полагаем, что на следующей ступени эволюции прообраза формируется орнитоморфная ипостась образа *Аан Алахчын Хотун*, связанная с дальнейшим восхождением удаганской культуры. В птичьем облике хозяйки земли, вероятно, отразились воззрения, связанные с архаическим обрядом инициации. Так, А. Е. Захарова считает, что в основе магических превращений фольклорных персонажей лежит обряд инициации, восходящий к родовому строю и отражающий охотничьи представления [Захарова, 2004, с. 154].

Эта связь подтверждается не только наличием метаморфозного рудимента, но еще дополнительным другим рудиментом *Аан Алахчын Хотун* – сосуда-пузыря с живой водой. Известно, что апогеем обряда инициации служил «момент передачи волшебного дара помощника, который был связан с тотемом племени. Он передавался в наследство по женской линии, поскольку посвящение [мальчика-неофита]⁴ шло через род жены» [Там же, с. 154]. В древних отношениях руководящая всем этим действием мать-властительница (мать-удаганка) являлась хозяйкой всех природных стихий и лесных зверей. В таком свете эксплицируется глубинная связь духа челюсти и языка хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*, которая предстает в облике кукушки, с наделением ее способностью кормить грудью, т. е. обладать живительной влагой. В архаической праформе они некогда являлись отдельными образами кукушки и живой воды.

⁴ Добавлено автором – М. С.

Заметим, что в пору матрилинейной социальной организации эта птица была наделена исключительно положительной семантикой, олицетворяя собой идею материнства, символ цветущей природы. Этот реликт сохранен в зачинах олонхо, где описание родной страны героя – «райской земли» непременно соотносится с образом неумолкающей кукушки: *Кэлэбэйдээн кэрээбэт / Кэбэ кыллаах, / Өрөөн тохтообот / Өтөн кыллаах* [Порядин, 2013, с. 21] ‘С кукушкой / Не перестающей куковать, / С горлицей / Не отдыхающей-молча’⁵.

К сказанному следует добавить, что и с функциональной точки зрения, по всей видимости, функция носительницы тайных знаний *Аан Алахчын Хотун* отчасти наследуется от этой пернатой предсказательницы судеб людей.

В эпоху неолита, с развитием мифологической абстракции древнего мышления, прообраз *Аан Алахчын Хотун*, действующий в разных сферах природы и жизни людей, начинает трансформироваться и усложняться, при этом «демон вещи, который и есть для первобытного человека идея вещи, уже отделяется от неё» [Лосев, 1957, с. 16]. Так, единый прообраз «расщепляется» на различные «генетически родственные» духи леса, растительных сил, огня, деторождения, приплода рогатого скота, мудрости, творящего начала и т. д. с свойственными только им самостоятельными функциями. Известно, что причиной такой дифференциации служил переход от присваивающей экономики к производящей (одомашниванию животных, земледелию) [Топоров, 2010, с. 25].

Заметим, если до наступления эпохи позднего неолита в миромоделировании древних наблюдается бинарная Вселенная, доказанная исследованиями наскальных искусств [Жукова, 2019, с. 22], то в пору перехода в эпоху ранней бронзы фиксируются графемы с цикличным «реинкарнационным круговоротом души в проекции Небо – Земля – Небо» [Там же, с. 24].

Скотоводство и земледелие создают новые условия для эволюции прообраза духа-хозяйки земли – и она постепенно «спускается» под землю. В этнографической литературе отмечается, что в это время «многие обряды якутов-язычников были направлены на то, чтобы воздействовать на силы неба, земли, воспринимающиеся как главные податели, служившие порукой хорошего урожая трав и приплода скота» [Гоголев, 2006, с. 52]. На данном пути своей эволюции прообраз духа земли с хтонической природой в народном восприятии отождествляется с женщиной-*абаасы* – чудовищем, отражающим хаотические силы природы, при этом с функциональной нагрузкой покровительства умершим. В текстах олонхо фиксируются сохраняющиеся у женщины-*абаасы*, жительницы Нижнего мира, «унаследованные» от ранних ступеней эволюции функции владычицы стихий и лесных зверей (птиц).

Этот переходный этап эволюции образа *Аан Алахчын Хотун*, полагаем, в целом характеризуется сложным переплетением представлений различных ступеней эволюции образа. В мифологии этого периода земля и подземный мир органически включаются в общее течение социальной жизни. Она «пока еще определяется растительно-животным строем и поэтому создает зооморфические мифы или начинает выходить за его пределы, создавая уже человеческие и героические образы, но все еще с весьма сильной примесью зооморфизма и вообще хтонизма» [Лосев, 1957, с. 192]. Так появляется вторая зооморфная ипостась духа земли – корова, которая, с одной стороны, предстает маркером Нижнего мира, с другой – ферментом⁶ появления мотива груди в окончательном образе *Аан Алахчын Хотун* через символизм молока (воды) земли. Дополним к этому, что продуктами данной ступени развития древнего сознания являются и различные орнитоморфные, зооморфные, ихтиоморфные, этиоморфные облики хтонических женщин-*абаасы* [Борисова, 2022, с. 166–172].

Важным периодом формирования образа земли предстает эпоха бронзы, ознаменовавшая «эпоху мирового дерева» (В. Н. Топоров), которое явилось символом трехчастной модели мира. На этом пути развития, по всей видимости, формирующийся образ духа-хозяйки земли обратно

⁵ Здесь перевод с якутского языка на русский осуществлен автором статьи.

⁶ «Фермент указывает на будущее развитие мифа и свидетельствует о его движущих силах» [Лосев, 1957, с. 22].

перевоплощается в наземный образ, при этом под воздействием анимистических воззрений оправданно локализуется в мировой оси. В соответствии с последним, образу дополнительно приписывается функция медиатора между тремя мирами олонхо (носителя тайных знаний), с «присвоением» идеи реинкарнации души. Важно, что восприятие образа в качестве символа плодovitости при этом сохраняется, а атрибут большегрудости предстает рудиментом прошедшего хтонического этапа развития антропоморфного образа *Аан Алахчын Хотун*. Пласт данного этапа мировоззрения, гипотетически, выделяется также появлением и мужских персонажей духов земли (*Манган Мангхалын Тойон*, *Айыы Алалай Черчи* и др. – супругов хозяйки земли), которые свидетельствуют о принятии народным сознанием «маскулинизирующего» характера в её осмыслении. С этой точки отсчета начинается качественное разделение всего круга наземных функций данной супружеской пары – «земная» доля женской ипостаси духа земли берет под свое покровительство все природные творения, мужская – все культурные творения на лоне земли.

Но и олицетворение земли в женской ипостаси претерпевает некоторые изменения в сторону появлений множественных *дойду иччитэ* ‘духов местностей’. При этом известно, что понятие множества, в целом как категория, появляется в пору развития абстрактного мышления людей. С функциональной точки зрения духи местностей являлись «покровителями и охранителями людей, живущих на её территории, и домашних животных, принадлежащих жителям» [Ушницкий, 2017, с. 111]. В традиционных воззрениях, вплоть до начала XX в., широко бытовало следующее восприятие: в состав каждого якутского *алааса*⁷ входили названия отдельных его местностей. Так, в материалах И. А. Худякова, датируемых 1867–1869 гг., находим: «Всех богов у якутов бесчисленное множество... В жизни и сказках якуты часто угощают своих богов. Сказочный герой разрубит скотину на мелкие куски и разбросает со словами “духи этого места, наешьтесь!” <...> “духи растительности, земли-места и сырости, кушайте!”» [Худяков, 2016, с. 277]. В пору массовой коллективизации, созданий сел и поселков в советское время начинается объединение многочисленных духов местностей в единый образ *Аан Алахчын Хотун*. Уместно вспомнить утверждение Н. А. Алексеева о том, что «процесс мифологического объединения образов духов-хозяев отдельных местностей в общий образ духа-хозяйки земли был вызван социальными изменениями общественного устройства на рубеже XIX–XX вв., связанных с сложением в единый народ обособленных племен» [Алексеев, 2008, с. 80].

Весьма важным представляется акцентирование исконно «природного начала» духа-хозяйки земли, отрицания в ней черт культурного героя. Изначально исключалась возможность совершать ею какие-либо культурные деяния на поверхности земли, хотя прослеживается отдаленное напоминание о некогда существовавшей тесной связи духа-хозяйки земли с мудрецом *Сээркээн Сэсэнэм*, который является предсказателем судеб людей [Сатанар, 2022, с. 60, 64]. Переброс функций осуществляется через детей (внуков) хозяйки земли, за которыми было закреплено «определение судеб новорожденных» [Попов, 1949, с. 271–272], но в процессе эволюции образов к ним перешла и функция покровителей растительных сил природы, а также частично и посредников между небесными богами и людьми: «Дух цветущей растительности Сырдыграс-парень и Сырдыграс-девица (или Писарь) пишет судьбу каждого человека при его рождении» [Худяков, 2016, с. 275]. Такое приписывание детям (внукам) духа-хозяйки земли черт культурного героя – умения писать, по всей вероятности, связано с прибытием на якутскую землю первых ссыльных в середине XVI в. и с их обучением грамоте части местного населения. Впечатления якутов от приобщения к грамоте, письму могли отразиться в их устном эпосе в виде наделения персонажей новыми функциями (умением писать). Так, историк А. И. Гоголев пишет, что «со времени включения края в состав Русского государства началось распространение грамоты, а затем появились и первые очаги образования, <...>, и гарнизонные школы возникли здесь в начале 1730-х гг.» [Гоголев, 2006, с. 103].

⁷ *Алаас* – чистое поле (луг), окруженное лесом.

На всем протяжении пути к формированию антропоморфного образа *Аан Алахчын Хотун*, бесспорно, «культ предков пронизывал все культы, отражаясь в фетишах, тотемах, образах предков, которые наделялись шаманскими чертами» [Васильев, 2018, с. 55]. Полагаем, что органическая изоморфность в народном восприятии духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун* с предками родов нашла выражение в единой функции защиты родной земли и детей-потомков своих. И данная тема, в принципе, не имеет завершенной формы. В соответствии с запросами исторических времен, в собирательном образе духа – хозяйки земли, на наш взгляд, периодически актуализируется её особая героическая функция, а именно формирование крепких корней родословной людей, защищающих Родину, свой народ, в борьбе за их будущую судьбу, способствование их сплочению и нестигаемости духа.

Заключение

Анализ фонда печатных текстов олонхо дореволюционного и советского периода записей, отражающих разностадийные пласты развития образа, позволил реконструировать ход поэтапного становления антропоморфного образа хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*, занимающего важное место в якутском пантеоне божеств. В самых глубинных истоках её прообраз связывается с мировоззрением людей каменного века, в котором полифункциональность и многокомпонентность прообраза исключают редуцирование к одной функции или качеству. В комплекс характеристик палеолитического и неолитического прообраза входят почитание первостихий, дерева, творящей силы, рыси, кукушки, коровы, культы огня, плодородия, предков, тотемистически-промысловый, удаганский культы. Главной функцией наземного прообраза предстает покровительство движению первостихий, образующих мир, а также плодородию в самом широком значении (растительного, животного мира, людей). Уже в неолите, с развитием анимистического мировосприятия, прокладывается начало процесса дифференциации единого прообраза на духов-хозяев огня, леса, растительных сил, мудрости и ума, дарителей детей, приплода скота, бога-творца, бога-громовержца с различными функциональными назначениями. Эпоха ранней бронзы, ознаменованная новыми экономическими отношениями в древнем социуме (скотоводством, земледелием), оказывает содействие в трансформации прообраза в направлении «спускания» в подпочвенный слой. Хтоническая природа прообраза предстает волицетворении хаотических сил природы, обогащается зооморфным кодом коровы, дополняясь функцией охранения одомашненных животных. К устойчиво сохраняющимся функциям владычицы стихий и лесных зверей (птиц) прибавляется покровительство умершим. Последнее тесно переплетается с культом умирающего и воскрешающего бога, основанного на наблюдениях над сменой времен года. В эпохе бронзы, с установлением трихотомического деления мира, наблюдается «восхождение» формирующегося образа по схеме «подземный локус – наземный локус» с утверждением уже окончательного местоположения в мировом древе (оси), с приписыванием функции медиатора, носительницы тайных знаний. Важно, что идущая с древних корней функция плодородия при дальнейшей эволюции постепенно пополняется идеей реинкарнационной циклизации человеческой *кут* 'души'. В пору перехода от матриархата к патриархату появляются образы духов – хозяев земли, что служит индикатором неопределенности половых приоритетов в народном сознании. А далее эти отношения разрешаются путем приписывания культурных творений на лоне земли хозяину земли, как изначальному зачинателю и зачателю-творцу, а природных творений – хозяйке земли. Явление приумножения в народном представлении многочисленных антропоморфных духов местностей не уступает своей устойчивой позиции в эволюции вплоть до начала XX в. Окончательный единый образ *Аан Алахчын Хотун* в качестве собирательного образа созидających сил матери-земли формируется в связи с проведением массовой коллективизации, при котором её выраженная заступническая черта отшлифовывается в тесной связи с исторически развивающимся культом предков на протяжении многих тысячелетий. Итак, в образе наблюдается путь весьма сложного становления с сохранением не только архаических черт, но и древнейших корней.

Список литературы

- Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1975. 199 с.
- Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск, 2008. 494 с.
- Борисова А. А. Многоликое чудовище абаасы (на материале олонхо) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 162–176.
- Васильев В. Е. По следам идолов бах танара (к проблеме культа предков у якутов) // Историко-этносоциальные исследования: региональные проблемы. Новосибирск, 1998. С. 98–103.
- Васильев В. Е. Культ предков в свете погребального обряда древних тюрков (по мифам и преданиям народа саха) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 1 (22). С. 49–56.
- Гоголев А. И. История Якутии: учебное пособие для вузов. Якутск, 2006. 239 с.
- Данилова Н. К. Традиционное жилище народа саха: Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск, 2011. 122 с.
- Жукова Л. Н. Культ небесного божества в наскальном искусстве Якутии // Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве: сб. материалов I-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Якутск, 2019. С. 20–25.
- Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика саха (по материалам олонхо). Новосибирск, 2004. 312 с.
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. 620 с.
- Малерб М. Религия человечества. Миф. Религия. Культура. М.; СПб., 1997. 600 с.
- Попов А. А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XI. М.; Л., 1949. С. 255–323.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 336 с.
- Решетникова А. А. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск, 2005. 408 с.
- Сатанар М. Т. Генезис образа Сээркээн Сэсэнэ в эпосе олонхо // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 50–86.
- Сатанар М. Т. Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 2: Мифологические истоки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 116–125.
- Топоров В. Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа земли-матери * Zemja & * Mātē (* Matī) // Балто-славянские исследования. 1998–1999. Т. XIV. С. 239–371.
- Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М., 2010. 448 с.
- Уткин К. Д. Истоки якутского шаманизма. Якутск, 1994. 19 с.
- Ушницкий В. В. Религиозные верования якутов: шаманизм, политеизм и монотеизм // Народы и религии Евразии. 2017. Т. 10. № 1–2. С. 107–114.
- Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2-х т. М., 2001. Т. 1. 528 с.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Якутск, 2016. 448 с.

Список источников

- Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука. Сибирская издат. фирма РАН, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 10) (На якут. и рус)
- Порядин А. С. Үрүн Үөдүйээн: олонхо. Дьокуускай, 2013. 360 с. (На якут.)

References

- Alekseev N. A. *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v 19 – nachale 20 vv.* [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, 1975, 199 p. (In Russ.)

- Alekseev N. A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri*. [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2008, 494 p. (In Russ.)
- Borisova A. A. Mnogolikoe chudovishche abaasy (na materiale olonkho) [The many-faced monster abaasy (A case study of Olonkho)]. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022, no. 2, pp. 162–176. (In Russ.)
- Danilova N. K. *Traditsionnoe zhilishche naroda Sakha: Prostranstvo. Dom. Ritual* [Traditional dwelling of the Sakha people: Space. House. Ritual]. Novosibirsk, 2011, 122 p. (In Russ.)
- Frazer J. G. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii: V 2 t.* [The Golden bough: A study of magic and religion]. Moscow, 2001, vol. 1, 528 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. *Istoriya Yakutii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [The history of Yakutia: a textbook for universities]. Yakutsk, 2006, 239 p. (In Russ.)
- Khudyakov I. A. *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansky district]. Yakutsk, 2016, 448 p. (In Russ.)
- Losev A. F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Antique mythology in its historical development]. Moscow, 1957, 620 p. (In Russ.)
- Malerb M. *Religiya chelovechestva. Mif. Religiya. Kul'tura* [The religion of mankind. Myth. Religion. Culture]. Moscow, St. Petersburg, 1997, 600 p. (In Russ.)
- Popov A. A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga [Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. In *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. XI, pp. 255–323 (In Russ.)
- Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, 2000, 336 p. (In Russ.)
- Reshetnikova A. A. *Fond syuzhetnykh motivov i muzyka olonkho v etnograficheskom kontekste* [Fund of plot motifs and olonkho music in an ethnographic context]. Yakutsk, 2005, 408 p. (In Russ.)
- Satanar M. T. Genezis obraza Seerkeen Sesena v epose olonkho [Genesis of the image of Seerkeen Sesen in the olonkho epic]. *The Problems of Historical Poetics*. 2022, vol. 20, no. 3, pp. 50–86. (In Russ.)
- Toporov V. N. K rekonstruktsii balto-slavyanskogo mifologicheskogo obraza zemli-materi * *Zemja* & * *Mātē* (* *Mati*) [Towards the Reconstruction of the Balto-Slavic Mythological Image of the Mother Earth * *Zemja* & * *Mātē* (* *Mati*)]. In *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-Slavic studies]. 1998–1999, vol. XIV, pp. 239–371. (In Russ.)
- Toporov V. N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [The world tree: Universal sign complexes]. Moscow, 2010, vol. 1, 448 p. (In Russ.)
- Ushnitskiy V. V. Religioznye verovaniya yakutov: shamanizm, politeizm i monoteizm [Religious beliefs of the Yakuts: shamanism, polytheism and monotheism]. In *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2017, vol. 10, no. 1–2, pp. 107–114. (In Russ.)
- Utkin K. D. *Istoki yakutskogo shamanizma* [The origins of Yakut shamanism]. Yakutsk, 1994, 19 p. (In Russ.)
- Vasil'ev V. E. Kul't predkov v svete pogrebal'nogo obryada drevnikh tyurkov (po mifam i predaniyam naroda sakha) [The cult of ancestors in the light of the funeral rite of the ancient Turks (according to the myths and legends of the Sakha people)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2018, no. 1 (22), pp. 49–56. (In Russ.)
- Vasil'ev V. E. Po sledam idolov bakh tanara (k probleme kul'ta predkov u yakutov) [In the footsteps of the idols of Bach Tangar (to the problem of the cult of ancestors among the Yakuts)]. In *Istoriko-etnosotsial'nye issledovaniya: regional'nye problemy: sb. nauch. st.* [Historical and ethnosocial studies: regional problems: collection of scientific articles]. Novosibirsk, 1998, pp. 98–103. (In Russ.)
- Zakharova A. E. *Arkhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simbolika sakha (po materialam olonkho)* [Archaic ritual symbolism of the Sakha people (A case study of Olonkho)]. Novosibirsk, 2004, 312 p. (In Russ.)

Zhukova L. N. Kul't nebesnogo bozhestva v naskal'nom iskusstve Yakutii [The Cult of the Heavenly Deity in the Fiber Art of Yakutia]. In *Aйыы Tangara i kuznechnyy kul't v tengrianstve: sb. materialov I-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Aiyy Tangara and a Blacksmith Cult in Tengrianism: proceedings of the 1st All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Yakutsk, 2019, pp. 20–25. (In Russ.)

List of sources

Karataev V. O. *Modun Er Soĵotokh* [Mighty Er Sogotoh]. Novosibirsk, 1996, 440 p. (In Yakut, in Russ.)

Poryadin A. S. *Үрүҥ Үөдүүҥҥээн* [Yuryung Yueduyang]. D'okuuskay, 2013, 360 p. (In Yakut)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
22.02.2023

Сведения об авторе

Сатанар Марианна Тимофеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID 0000-0002-3546-7343

Information about the Author

Marianna T. Satanar – Candidate of Philology, Researcher, Sector for Olonkho studies, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID 0000-0002-3546-7343

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 908+394.21+393.05+294.321+291.37+781.7
DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-92-104

Сангарил у мирян-буддистов Бурятии

О. В. Новикова¹, А. С. Дылгырова², С. Д. Гымпилова³

¹Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки

²Восточно-Сибирский государственный институт культуры

³Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация

В данной работе обобщаются опубликованные и собранные авторами в ходе полевых исследований материалы о бытовании в Бурятии коллективного моления мирян-буддистов *сангарил*. В статье раскрывается история изучения данного явления, возникшего в первые десятилетия советской власти, этнография *сангарила*, значение некоторых обрядовых действий. Описывается структура трех служб, зафиксированных в селах Ушхайта и Кижинга Кижингинского района и в поселке Хоринск Хоринского района Республики Бурятия, в которых чтение молитв *маани* чередуется с исполнением *магтаалов* – прославлений буддийским святыням. Делается вывод об актуализации этой обрядовой традиции в связи с современными историческими реалиями, ее значении в сохранении культурных ценностей и традиций, этнической идентичности бурятского народа.

Ключевые слова

сангарил, народный буддизм, буддизм в Бурятии, ламаизм, *магтаал*, *маани*, музыка буддийского культа, буддийские тексты

Благодарности

Авторы благодарят шэрээтэ-ламу (настоятеля) Анинского дацана В. Б. Дарижапова (Легцока ламу), ламу Санагинского дацана Б. Б. Цыденова (Джампа Монлам ламу), а также старшего научного сотрудника сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН Е. Л. Тирон за ценные замечания и комментарии, высказанные в ходе подготовки данной статьи.

Для цитирования

Новикова О. В., Дылгырова А. С., Гымпилова С. Д. *Сангарил у мирян-буддистов Бурятии* // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 92–104. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-92-104

© О. В. Новикова, А. С. Дылгырова, С. Д. Гымпилова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

***Sangaril* of lay Buddhists of Buryatia**

O. V. Novikova¹, A. S. Dylgyrova², S. D. Gympilova³

¹ Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka

² East-Siberian State Institute of Culture

³ Institute of Mongolian, Buddhism and Tibetan Studies of SB RAS

Abstract

This article summarizes the materials collected and published by the authors during their field research in Buryatia on the practice of the collective prayer of lay Buddhists, referred to as *sangaril*. It was not until the twentieth century that researchers began studying this phenomenon of lay Buddhists. Among the most prominent studies are the works of S. G. Zhambalova and D. S. Zhamsueva. The examination of these works and some earlier sources has enabled the authors of this article to present a meticulous account of the history surrounding the introduction of *sangaril* during the early stages of Soviet power. A comprehensive description covers the timeline, implementation process, participant prerequisites, and religious artifacts associated with the ritual. The structure of three *sangarils* recorded in the villages of Ushkhaita and Kizhinga of the Kizhinga district and in the Khorinsk settlement of the Khorinsk district of the Republic of Buryatia is characterized. The variation in the sequence of sections of the ritual is discussed, with a focus on the normative, recurrent in different villages, and mobile ones. The correlation between Tibetan, Mongolian, and Buryat sacred texts is discussed. The analysis covers the musical component of the ritual, including the recitative reading of *mani* prayers alternating with the performance of *magtaals* (glorifications to Buddhist shrines sung on typical song tunes). The Buryat text of one *magtaal* is provided with a Russian translation and comments. The conclusion emphasizes the importance of *sangaril* in preserving the cultural values and ethnic identity of the Buryat people.

Keywords

sangaril, folk Buddhism, Buddhism in Buryatia, Lamaism, *Magtaal*, *Maani*, Buddhist cult music, Buddhist texts

For citation

Novikova O. V., Dylgyrova A. S., Gympilova S. D. *Sangaril u miryan-buddistov Buryatii* [Sangaril among laymen Buddhists of Buryatia]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 82–91 (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-92-104

Введение

Коллективное моление *сангарил* буддистов-мирян – групповой обряд, который проводится силами местных территориальных сообществ верующих [Сабиров, 2018], состоящих из родственников и соседей [Ламаизм, 1983], без обязательного участия лам. Он относится к разряду бытовых обрядов [Буддизм, 2014, с. 158] так называемого народного буддизма [Жамбалова, 2011].

Несмотря на то, что первое упоминание о *сангарилах* как о коллективных молениях, проводимых пожилыми мужчинами и женщинами, содержится в статье 1969 г. Н. Л. Жуковской (см. [Жуковская, 2011]) и коллективной монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века» [Ламаизм, 1983], специальное его исследование начато лишь в работах С. Г. Жамбаловой 2000–2010-х гг. Определяя *сангарил* как проявление народного буддизма, в монографии «Профанный и сакральный миры ольхонских бурят» [Жамбалова, 2000], статьях «О народном буддизме в современной Бурятии» [Жамбалова, 2011], «Народный буддизм и *сангарил* у бурят» [Жамбалова, 2014], «Новая народная религиозная практика бурят-буддистов – ответ на вызовы советского времени» [Жамбалова, 2015], монографии «Погребальная обрядность бурят» [Жамбалова, Суворова, 2017] автор, основываясь на собственных полевых материалах, описывает современное состояние данного явления в разных районах Бурятии и высказывает убедительные гипотезы о возникновении *сангарила*, датируя начало проведения молебнов верующими без участия лам второй половиной 1940-х гг. XX в.

Исследования С. Г. Жамбаловой дополняет экспедиционными наблюдениями, касающимися особенностей бытования *сангарил* в разные периоды и в разных районах Бурятии, Д. С. Жамсуева в статье «Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению» [Жамсуева, 2022]. Важные наблюдения по поводу музыкальной составляющей записанных от мирян буддийских песнопений, в частности о влиянии на стиль *магталов* песенной традиции бурят, высказывает в своих работах Л. Д. Дашиева [Дашиева, 2010; Дашиева, 2019]. Она, а также Ц.-Б. Бадмажапов [Бадмажапов, 2008] приводят отдельные тексты бурятских прославлений.

Исполнение буддийских молитв и прославлений буддийских святынь *магтаал* буддистами-мирянами неоднократно фиксировалось во время полевых музыкально-этнографических исследований, в частности О. В. Новиковой, Н. М. Кондратьевой, Д. Д. Дондуповым [Кондратьева, Новикова, 2003; Леонова и др., 2009], Л. Д. Дашиевой [Дашиева, 2019]. По сведениям последнего автора, «в аудиокolleкции фоноархива Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук ... хранятся уникальные аудиозаписи образцов *маани* и *дасанай магтаалнууд*, посвященные монгольским и бурятским дацанам: Ургинскому, Агинскому, Анинскому, Кижингинскому, Эгитуйскому и др.» [Дашиева, 2019, с. 231]. Бытование сборников с названием «*Сангарил*» в среде мирян-буддистов отмечал в своих работах А. А. Базаров [Базаров, 2000; Базаров, 2015; Базаров, Ринчинов, 2016].

Сангарил как явление бурятской традиционной культуры

По мнению С. Г. Жамбаловой, коллективное чтение буддийских молитв в народной среде *сангарил* возникло как реакция верующих на антирелигиозное давление первых десятилетий советской власти [Жамбалова, 2014, с. 121–122; Жамбалова, 2015]. В 1930-е гг. после официального запрета религии в стране на территории Бурятии она ушла в подполье: люди собирались для молитв в маленьких селах, на отдаленных фермах [Жамбалова, 2015, с. 55]. В середине 40-х гг. XX в., когда открылся Иволгинский дацан, стали возвращаться из лагерей и ссылок ламы, это движение интенсифицировалось, но также широко не афишировалось. Первоначально *сангарилы* проводились под руководством мужчин, в основном лам либо знающих стариков, которые передавали свой опыт женщинам [Жамбалова, 2014, с. 121, 122]. Основным местом проживания возвращающихся из ссылок лам был Еравнинский район как наиболее удаленный от границы. В современной Бурятии *сангарил* «легализовался», значительно расширил ареал и фиксируется сегодня в Кижингинском, Хоринском, Еравнинском, Иволгинском, Джидинском, Заиграевском, Мухоршибирском, Бичурском р-нах и г. Улан-Удэ.

В настоящее время *сангарил* проводится преимущественно пожилыми женщинами, глубоко верующими людьми, к которым постоянно присоединяются более молодые поколения пенсионеров [Жамбалова, 2014, с. 121]. Имеются также немногочисленные свидетельства о *сангариле* с участием лам [Жамсуева, 2022, с. 727]. Традиция проведения *сангарил* в настоящий период передается преимущественно внутри сельской / городской общины.

Групповое моление *сангарил* традиционно устраивается 8, 15, 30 числа каждого месяца по лунному календарю, в дни «Дүйсэн үдэр», когда благодетельные поступки и греховные деяния приумножаются стократно [Базаров, Бураева, 2015, с. 119; Жамбалова, 2000, с. 245], вне храма, в частном доме или общественном помещении (в с. Улзытэ Кижингинского р-на, например, есть специальный дом – *сангарилай гэр*). По экспедиционным данным авторов статьи¹, служба

¹ С 15 по 22 октября 2023 г. в Республике Бурятия работала Всероссийская фольклорно-этнографическая экспедиция по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния народов России, проведенная по инициативе Министерства культуры РФ в рамках национального проекта «Культура», под эгидой Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова и АНО «Содействие развитию культуры и массовых коммуникаций «Культурный регион», под кураторством Республиканского центра народного творчества при поддержке Министерства культуры Республики Бурятия. Участниками экспедиции стали О. В. Новикова (руководитель), С. Д. Гымпилова,

длится около трех часов и начинается утром; может также проводиться утром и повторяться в этот же день после обеда [Жамсуева, 2022, с. 726], проходить ночью либо длиться до трех суток [Жамбалова, 2011, с. 92; Жуковская, 2013].

Сангарил входит составной частью в похоронные ритуалы: считалось необходимым устраивать трехдневные чтения молитв, как минимум одно из которых желательно было провести до похорон. По представлениям верующих, *сангарил* «способствует тому, чтобы осветить дорогу покойнику и чтобы она открылась для перерождения ушедшего человека в новом теле (или в новом рождении)» [Жамсуева, 2022, с. 728]. На *сангарил* приходят родственники, друзья, соседи, хорошо знавшие усопшего, чтоб почтить его память [Жамсуева, 2022, с. 728]. Кроме того, *сангарил* может быть проведен по заказу на дому у кого-то из прихожан буддийской общины – в связи с каким-то семейным событием (накануне свадьбы, отъезда на учебу, службу, перед поступлением ребенка в вуз и пр.), чтоб обеспечить его благополучное осуществление.

По сведениям исследователей, цель *сангарила* – испрашивание благополучия для детей, долгой и богатой жизни без болезней, хорошего перерождения умершего и скорейшего достижения нирваны [Жуковская, 2013]. Его читают для долголетия, житейского благополучия, здоровья людей и особенно детей [Ламаизм, 1983, с. 220].

Сангарилы посвящены буддийским богам – *Шакьямуни*, *Арьяболо*, *Ногон Дара-эхэ*, *Цаган Дара-эхэ* и т. д. [Жуковская, 2013, с. 293–294; Ламаизм, 1983, с. 220]. Основная молитва обряда – о благополучии всех живых существ – посвящается Зеленой Таре (*Ногоон Дара-эхэ*), молитва о долгой жизни – Белой Таре (*Сагаан Дара-эхэ*), для достижения хорошей, богатой жизни без болезней – *Цзонхаве*, для хорошего перерождения умершего родственника – *Шакьямуни*, для быстрого достижения нирваны – *Авалокитешваре* (*Арьяболо*) [Жамсуева, 2022, с. 726]. Экспедиционные исследования показали, что *Мигзым* (*Мэгзэм*) произносит бабушка новорожденного во время первого положения ребенка в колыбель, эту молитву также читают на длинную дорогу, от плохого сна, на благополучие детям, уезжающим учиться далеко, и пр.; *Ногоон Дара-эхэ* читают, когда кто-то умирает [Леонова и др., 2009].

Организатором и распорядителем *сангарила* обычно бывает наиболее авторитетный и знающий пожилой человек, чаще всего женщина, которую выбирают сами участники моления. В некоторых сообществах в этой роли выступает *шабганса* – мирянка, на склоне лет принявшая монашеские обеты (*нахил*) и постриг, получившая право носить *орхимжо* – полосу красной материи, перекидывающуюся через плечо [Жамбалова, 2011, с. 89, 92].

До начала *сангарила* хозяева обновляют подношения на домашнем алтаре, очищают дом. Нарядно одетые, чаще всего, в национальную одежду, участники обряда рассаживаются по двум сторонам длинного стола в убранном помещении, освобожденном от лишних вещей. Стол, высота которого должна быть выше пупка, застилается алтарными буддийскими покрывалами, за неимением таковых – нарядными скатертями или платками. Перед каждым молящимся лежит книга либо рукописная тетрадь с текстами буддийских молитв *маани*. Эта тетрадь передается по наследству либо ее переписывают друг у друга, каждый лист обводят красной рамкой, обязательно указывается нумерация страниц.

Воспринимаемая как священный предмет, средство защиты от различных опасностей и опора благополучия [Базаров, Бураева, 2015, с. 118], вне службы книга хранится дома на почетном месте – *хойморе* (северной стороне), обычно кладется сверху *гунгарбы* (специального шкафа для культовых предметов), ее предметное положение самое высокое. Книги заворачивают в материю (*жаньши*), вкладывают в нарядный тряпичный конверт либо кладут в специальный ящик (*хайрсаг*, *абдар*, *хобто*) [Базаров, Бураева, 2015, с. 119].

Каждая из участниц моления в руках держит четки *эрхи*, помогающие в подсчете количества повторений мантр.

А. С. Дылгырова, Е. Л. Тирон, В. В. Розумович, О. Ц.-Д. Сансуева. Материалы экспедиции хранятся в Государственном Российском Доме народного творчества им. В. Д. Поленова, Республиканском центре народного творчества Республики Бурятия.

На столе стоят молитвенные барабанчики *хурдэ*, представляющие собой закрытые с двух сторон цилиндры на оси с мантрами внутри: вращение *хурдэ* во время службы участниками *сангарила* равносильно чтению молитв.

Кроме того, на столах в качестве подношения стоят лампадки *зула*, возжигание которых символизирует достижение Просветления, а также чашечки со злаками (ими могут быть пшеница, ячмень, горох, рис, пшено, рожь и овес), разбрасывание которых в определенные моменты службы символизирует подношение цветов и *муу юмэ дараха* – подавление плохого, негативного.

Во время *сангарила* также может использоваться небольшой медный или серебряный колокольчик *хонхо* в паре с *ваджрой*², которые символизируют женское и мужское начала [Трофимова, 2016, с. 402], высшую мудрость и твердость духа. В буддизме *ваджра* является символом неизменности и нетленности природы просветленного ума, абсолютной реальности [Герасимов, 2018, с. 296]. Звук колокольчика – символ солнечной энергии – очищает отрицательную карму, символизирует мудрость пустоты, помогает в достижении высшей тантры [Герасимов, 2018, с. 297]. «Звук колокольчика соотносится с речью Будды, в ритуалах его звон призывает мудрость всех Будд, вызывая к ясности ума учеников, а его заглушающее звучание напоминает о непостоянстве всех вещей» [Трофимова, 2016, с. 404]. Колокольчик звучит на границе разделов и в течение некоторых из них. Жесты рук – определенные движения при игре на колокольчике – означают угощение, приношение [Дондупов, 2004, с. 96].

К вопросу о структуре и содержании сангарила

Утром перед проведением *сангарила* и накануне вечером участвующие в нем не едят мяса, допустима только молочная пища. Перед тем как начать молебен, хозяева дома могут поднести присутствующим чай с молоком *манжа*, в данном контексте воспринимающийся как подношение божествам. Информанты объясняют глубокий смысл этого действия: традиция подношения верующими чайного напитка *манжа* монахам во время проведения службы возникла еще во времена Будды Шакьямуни. Через это действие, самое малое, но искреннее подношение монахам, верующие получают добродетели *буян* от совершения духовной практики Даяния.

Далее начинается чтение молитв *маани*, сочетающееся с произнесением магических формул-заклинаний *тарни*³. Список *маани*, по-видимому, является общим для разных районов Бурятии [Жамсуева, 2022, с. 727]. Так, один из информантов исследователя Д. С. Жамсуевой указывает, что в Хоринске читают *Этигэл*, *Ногоон-Сагаан-Дара-эхэ*, *Аръябаалын зальбарал*, *Арбан зургаан бурханай зальбарал*, *Санжад монлам*, а также прославления *юрөөл / магтаал*. В завершении всех *маани* читают *Базарсада* и *Мэгзэм* [Жамсуева, 2022, с. 726].

Приведем в Таблице последовательность разделов трех *сангарил*ов, записанных в ходе Всероссийской фольклорно-этнографической экспедиции. Первый *сангарил* был зафиксирован в с. Ушхайта Кижингинского района Республики Бурятия 17 октября 2023 г., его проводили семнадцать жительниц села 1946–1978 годов рождения. Участниками второго *сангарила*, организованного 17 октября 2023 г. в с. Кижинга Кижингинского района Республики Бурятия и сопровождающего плетение маскировочных сетей для отправки участникам специальной военной операции (СВО), стала группа «Серебряные волонтеры» – девять женщин 1945–1972 годов рождения. Третий *сангарил*, также посвященный участникам СВО, был зафиксирован 19 октября 2023 г. в с. Хоринск Хоринского района Республики Бурятия от группы из восьми женщин 1940–1968 годов рождения.

² *Ваджра* – символ буддизма, олицетворение божественной истины учения Будды, род небольшого скипетра, который выглядит как «перехваченный посередине пучок молний с загнутыми концами (известны одинарный, двойной, тройной, крестообразный варианты)» [Буддизм, 1992, с. 88]. Его держат в правой руке, тогда как *хонхо* берут в левую руку [Буджапова, 2012, с. 75].

³ *Тарни* – «буддийские мантры, магические формулы, обычно из нескольких слогов, содействующие улучшению кармы и спасению человека» [Цыбенков, 2011, с. 130].

В Таблице совпадающие разделы *сангариллов* выделены курсивом. Большинство текстов являются общими для всех трех или для каких-либо двух служб, однако имеются и немногочисленные различающие их фрагменты. При сохранении в целом общей последовательности молитв порядок следования текстов *сангарилла* также варьирует. В начале либо близко к началу каждого из трех *сангариллов* один либо все участники одновременно произносили имена тех, кому посвящена служба.

Таблица 1
Последовательность разделов *сангариллов* в с. Ушхайта, с. Кижинга и п. Хоринск

Table 1

The sequence of sections of *sangarils* in the village of Ushkhaita, the village of Kizhing and the village of Khorinsk

с. Ушхайта	с. Кижинга	п. Хоринск
<i>Этигэл</i>	Этигэлэй хамба ламын бүтээл	Ешэ Лодой Римбуушын солдэб
<i>Гандан-Лхабжа</i>	<i>Этигэл</i>	<i>Этигэл</i>
<i>Ламаадан</i>	<i>Гандан-Лхабжа</i>	<i>Гандан-Лхабжа</i>
<i>Лама Шодбо</i>	<i>Жадамба</i>	Зулын юроол (зажигают лампадки)
<i>Жадамба</i>	<i>Сундуй</i>	<i>Ламаадан</i>
<i>Сундуй</i>	<i>Ламаадан</i>	<i>Лама Шодбо</i>
<i>Дуншаг</i>	<i>Лама Шодбо</i>	<i>Дуншаг</i>
<i>Алтан гэрэл</i>	<i>Дуншаг</i>	<i>Ногоон Дара Эхэ</i>
<i>Цэдо</i>	<i>Алтан гэрэл</i>	<i>Ногоон Дара Эхын хурялга</i>
<i>Найман гэгээн</i>	<i>Он-до-гой тарни</i>	<i>Сагаан Дара Эхэ</i>
<i>Даши-Зэгбэ</i>	<i>Найман гэгээн</i>	<i>Найман гэгээн</i>
<i>Доржо Жодбо (хатуу юумэ заһаха)</i>	<i>Даши-Зэгбэ</i>	<i>Даши-Зэгбэ</i>
<i>Арьяа-Баалын зальбарал</i>	<i>Доржо-Жодбо</i>	<i>Дуниуур маани</i>
<i>Сагаан Дара Эхэ</i>	<i>Арьяа-Баалын зальбарал</i>	<i>Арбан зургаан бурхадай зальбарал</i>
<i>Ногоон Дара Эхэ</i>	<i>Арьяа-Баалын ехэ тарни</i>	<i>Богдо Зонховодо магтаал</i>
<i>Дара Эхын зальбарал</i>	<i>Сагаан Дара Эхэ</i>	<i>Арбан табан бурхадай магтаал</i>
<i>Лэгбэрээмэ</i>	<i>Ногоон Дара Эхэ</i>	<i>Эхэ эсэгын магтаал</i>
<i>Дара Эхын магтаал</i>	<i>Дара Эхын зальбарал</i>	<i>Загуурдин юрөөл</i>
<i>Лайжад</i>	<i>Дара Эхэ бурханай магтаал</i>	<i>Диваажанай юрөөл</i>
<i>Табан харюулга (Сагаан Шүхэртэ)</i>	<i>Дара Эхын Лайжад</i>	<i>Майдарай юроол</i>
<i>Шэрнин</i>	<i>Сагаан шүхэртэ</i>	<i>Санжад Монлом</i>
<i>Ногоон Дара Эхэ</i>	<i>Шэрнин</i>	<i>Буяанай зорюулга</i>
<i>Базар Бидаргын тарни</i>	<i>Арбан зургаан бурхадай зальбарал</i>	
<i>Хабша Нагба</i>	<i>Митугба тарни</i>	
<i>Арбан зургаан бурхадай зальбарал</i>	<i>Отошын мургэл, тарни</i>	
<i>Минтугба (алдуу эндүү арилгаха)</i>	<i>Долоон Отошын зальбарал</i>	
<i>Отошо бурхан,</i>	<i>Санжад Монлом</i>	
<i>Санжад Монлом</i>	<i>Шамбалын юрөөл,</i>	
<i>Дэмбрэл Додбо</i>	<i>Загуурдин юрөөл</i>	
<i>Маани Гульбиин Сэмжэд</i>	<i>Нагби Монлам</i>	
<i>Далай ламын магтаал</i>	<i>Диваажанай юрөөл</i>	
<i>Богдо Зонховодо магтаал</i>	<i>Майдарай юрөөл</i>	
<i>Арьяа-Баалын магтаал</i>	<i>Дэмбрэл Додбо</i>	
<i>Арбан табан бурхадай магтаал</i>	<i>Маани Гульбиин Сэмжэд</i>	
<i>Бурхан Багшын магтаал</i>	<i>Богдо Зонховодо магтаал</i>	
<i>Хүүгэн Хотогтын магтаал</i>	<i>Арьяа-Баалын магтаал</i>	
<i>Эхэ эсэгын магтаал</i>	<i>Арбан табан бурхадай магтаал</i>	
<i>Худанай ламын магтаал</i>	<i>Бурхан Багшын магтаал</i>	
<i>Даши</i>	<i>Дара Эхэ бурханай магтаал</i>	
<i>Базарсада (буруу уншаһанаа заһаха)</i>	<i>Хэжэнгын дасанай магтаал</i>	
<i>Отошо бурханда зорюулга</i>	<i>Эхэ эсэгын магтаал</i>	
<i>Мэгзэм юһэн шата</i>	<i>Мааниин зургаан үзэг</i>	
<i>Бурханай тарнинууд (долоо, долоо уншаха)</i>	<i>Худанай ламын магтаал</i>	
<i>Бурхадтаа зорюулга</i>	<i>Далай ламын магтаал</i>	
	<i>Дуниуур маани</i>	

	<i>Даша</i> <i>Базарсада</i> <i>Тарнинууд</i> <i>Юэн шатын мэзэм</i> <i>Зорюулга</i> <i>Буянаа суургалха</i>	
--	---	--

Во всех *сангарилах* молитвы *маани* и *тарни* перемежаются хвалебными песнопениями *магтаал*, в которых воспеваются буддийские божества и ценности учения, прославляются имена лам и дацаны⁴ [Дашиева, 2019]. *Магталы*, появившиеся у бурят в связи с распространением с XVI–XVII вв. буддийского учения⁵ и связанные с письменной традицией бытования, представляют собой тексты религиозного характера, оригинальные произведения поэтического творчества. По содержанию религиозные *магталы* делятся на группы, среди которых выделяются: а) *магталы*, прославляющие священные места, горы и т. д. (гору Сумеру, гору У-Тайшань, Лхасу, Алтай, Хангай); б) *магталы*, воспевающие красоту, величие различных буддийских храмов; в) *магталы*, в которых прославляются отдельные божества, религиозные деятели, ламы (*Шакьямуни*, *Авалокитешвара*, *Манджушири*, *Амитабха*, *Ямантака*, *Дзонхава*, *Белая и Зеленая Тара*, *Майтрея*, *Лхамо*) [Шаракшинова, 2000, с. 60]. К последним относятся *Арья Балын магтаал*, *Далай ламын магтаал*, *Арбан табан бурхадай магтаал* и др.

Конкретный набор текстов *магталов*, входящих в *сангарил*, может варьироваться – в основном, в отношении *магтаалов* местным ламам, *субурганам* (буддийским ступам), местности. Согласно полевому исследованию, в каждом из районов бытуют излюбленные тексты *магталов*. Так, например, в Еравнинском р-не наиболее распространены тексты про Сандавового Будду из Эгитуйского дацана *Зандан-жуу*, про Эгитуйский и Агинский дацаны [Кондратьева, Новикова, 2003; Леонова и др., 2009]. Приведем *магтаал*, записанный в Хоринском районе.

АРЬЯА-БААЛЫН МАГТААЛ

Тэрэгүүн дэгээн титэмтэй
Тэгшэ мянган мотортой
Арьяа-Баала нэрэтэй,
Арбан нэгэн нюуртай,
Альган бэрээ нюдэтэй,
Амитаниие үшээгшэ
Ум Маани Бадмээ Хум

Великая бодхисатва
 С тысячью рук,
 С именем Арьяа Баала,
 С одиннадцатью ликами,
 С глазами на каждой ладони,
 Покровительница живых существ.
Ум Маани Бадмээ Хум.

Шанар сайтай залаатай
Шэгэмууни ухаатай
Аршаанай уһатай
Арсаланай хюлгатай
Ум Маани Бадмээ Хум

Просветленная великим ученьем
 Будды Шакьямуни,
 С водой *амрита* *аршана*,
 Со львиным взором.
Ум Маани Бадмээ Хум.

⁴ *Магтаалы* – восхваления, прославления, представляют собой стихотворные произведения, в которых в поэтической форме перечисляются красота, достоинства, заслуги воспеваемого объекта или субъекта. Для *магталов* характерен больший по сравнению с благопожеланиями объем, наличие всестороннего художественного описания прославляемого предмета, относительная устойчивость текста, завершенность поэтически возвышенной речи-восхваления.

⁵ Считается, что религиозные *магталы*, восхваляющие буддийские божества и храмы, места их расположения, появились позже традиционных *магталов*, направленных на умиловление, заглаживание богов, ограждения от несчастий, достижения удачи на охоте и во всех начинаниях, а также благополучия и продолжения рода [Эдлеева, 2013, с. 33]. К. Е. Эдлеева отмечает, что «для проповеди буддийского вероучения для широких народных слоев в более доступной форме использовались различные оригинальные образцы монгольского поэтического творчества. Не остался без внимания и жанр *магтала*, выразительную форму которого буддийское духовенство приспособило для своих целей» [Эдлеева, 2013, с. 32].

Утай сангиин уулатай,
Боди модон оронтой,
Гүндүү самбуу сэсэгтэй,
Гун хайхан ухатай.
Ум Маани Бадмээ Хум

С дымными воскурениями гору,
Дерево Просветления имеющая страна,
С безграничным подношением цветов,
С прозрачными чистыми водами.
Ум Маани Бадмээ Хум.

Табан зугуун сүмэтэй,
Тахил бүрээ шүтоонтэй
Танцаг ламын шажантай
Түгээ жаргалангай орон биш...
Ум Маани Бадмээ Хум.

С пятьюстами пещерами,
С почитаемыми святынями,
С верой благородного Учителя,
Преисполненная счастьем страна.
Ум Маани Бадмээ Хум.

В данном *магтале* воспевается буддийское божество *Арья Баала*⁶, дается его описание, место, откуда оно пришло, восхваляется его Учение. *Арья Баала* представлено как бодхисаттва с одиннадцатью головами, тысячей рук, на каждой ладони – по глазу. Согласно буддийской мифологии, давным-давно *Авалокитешвара* пообещал *Амитабхе*, что избавит все сущее в шести обителях от перерождений и приведет их к нирване, даже отдав в жертву этому обету свою свободу и спокойствие. В противном случае он распадется на тысячу мелких кусочков. Бодхисаттва очень старался, и избавление всего сущего действительно ему удавалось, но в мире появлялись все новые и новые рожденные. Тогда Будда понял, что не сможет сдержать обет. От отчаяния его туловище разорвалось на маленькие кусочки. *Амитабха* вместе с *Ваджрапани* восстановили бодхисаттву, придав ему вид тысячерукого одиннадцатиголового существа. На всех руках было по глазу, а десяток лиц выражали мир, и только одно – гнев. Так Будда мог следить за всем сущим и помогать двигаться к пробуждению. В третьей строфе *магтаала*, по видимому, описывается священная страна Будды с деревом *бодхи*, под которым он достиг Просветления.

Следует отметить, что одним из структурообразующих элементов этого *магтала*, как и большинства буддийских произведений, является традиционная молитвенная формула, которая повторяется после каждого стиха, в конце сочинения: *От та ни бад ме хум* – *Ом мани бадме хум*.

Взаимодействие *магталов* не только с фольклорными жанрами и их явлениями, но и с молитвами в процессе буддийского моления *сангарил* во многом способствует обеспечению им долгой жизни.

Звучание *маани* и *магталов* существенно различается из-за разницы в интонационном строе данных элементов обряда. Так, *маани* в соответствии с традициями ламаистских служб исполняются ансамблевым речитативом [Дашиева, 2010, с. 196], в котором важна синхронность произнесения текста молитвы всеми участниками [Дондупов, 2004]. Интонационный строй *магталов* определяется их связью с песенной традицией бурят: информанты охотно исполняют их и вне службы, называя *буддын дуун* (буддийские песни) / *магтаал дуун* [Кондратьева, Новикова, 2003]. Л. Д. Дашиева указывает на связь *магталов* со стилем долгой протяжной песни *ута дуун* [Дашиева, 2010, с. 196–197], «подчеркивающий уникальную красоту и изящность бурятского мелоса, большую ритмическую свободу в отличие от жесткой ритмоформульности буддийских молитв *маани*» [Дашиева, 2019, с. 231]. По экспедиционным данным авторов статьи, *магтаалы* как вне *сангарила*, так и внутри него распеваются на типовые песенные напевы, функционирующие в данном сообществе верующих, в том числе те, на которые поются скорые песни *түргэн*

⁶ *Авалокитешвара*, или *Арья Баала*, – воплощение бесконечного сострадания всех Будд, Будда Сострадания. *Арья Баала* – бурятское название божества. По-тибетски оно звучит как *Ченрезиг*, по-монгольски *Жанрайсиг*, по-китайски *Гуаньшизинь*, по-японски *Каннон*, по-вьетнамски *Куан Тхе Ам*, по-калмыцки *Арьябала* [Буддизм, 1992, с. 28]. *Авалокитешвара* – одно из главных божеств в буддизме. Он одаривает всех своим состраданием и отвечает на просьбы просящих.

дуун или, например, песни кругового танца *ёохор*. При этом к привычной четырехстрочной песенной строфе, в которой пары строк последовательно объединяются образным параллелизмом, может добавляться припев с мантрой *Ом мани бадме хум*.

Что касается языка молитв, то до сих пор встречаются пожилые миряне, сохранившие практику чтения буддийских текстов на старомонгольском и тибетском [Базаров, 2020, с. 655]. Некоторые также воспроизводят молитвы на этих языках по памяти. Однако в настоящее время, поскольку большая часть верующих смысл тибетского и старомонгольского текстов не понимает, набирает движение чтения канонических текстов на бурятском языке. Все чаще в *сангариле* используются книги, молитвы в которых изложены кириллической графикой и адаптированы к современному бурятскому литературному языку (см. об этом [Базаров, 2020, с. 655; Жамбалова, 2011, с. 92]). Но даже если *маани* читаются на тибетском или монгольском, *магталы* божествам, ценностям учения, учителям и дацанам звучат на бурятском языке.

После завершения *сангарила* участники передают собранные ими деньги как подношение хозяевам дома в знак благодарности, что они помогли накопить добродетели *буян*, а хозяева, в свою очередь, угощают их и в ответ каждому дарят подарки *гарай бэлэг*.

Заключение

Традиция проведения *сангарила* приобрела сегодня особую актуальность в связи с женским волонтерским движением в помощь бойцам специальной военной операции: *сангарилы* проводят женщины, плетущие сети, изготавливающие свечи и пр. с целью усилить охранительно-сберегающие функции своих изделий. В целом, *сангарил* – это действующая в народной среде обрядовая традиция, ставшая выразителем культурных ценностей и традиций бурятского народа и одним из факторов его этнической идентичности [Буддизм, 2014, с. 91].

Список литературы

- Бадмажапов Ц.-Б. Буддийская гимническая поэзия бурят // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: науч. изд. / Сост. и науч. ред. Ц. П. Ванчикова. М.: Феория, 2008. С. 224–229.
- Базаров А. А. Перевод (адаптация) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на бурятский // Вестник КИГИ РАН. 2020. № 13 (3). С. 652–660.
- Базаров А. А., Бураева С. В. Традиционная книжность ординарного человека Восточной Сибири и Монголии: социально-археографическое исследование // Вестник БНЦ. 2015. № 2. С. 117–133.
- Базаров А. А., Ринчинов О. С. Буддийская книжная повседневность Бурятии: геоинформационные подходы к реконструкции культурного явления // Библиосфера. 2016. № 1. С. 11–18.
- Будажанова Л. Б. Буддийские термины в современном бурятском языке / Отв. ред. Э. Р. Раднаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 104 с.
- Буддизм: Словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов, Э. П. Бакаева и др. Под общ. ред. Н. Л. Жуковской и др. М.: Республика, 1992. 287 с.
- Буддизм в истории и культуре бурят / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 418 с.
- Герасимов Р. В. Сакральное значение буддийских музыкальных инструментов (на примере *хонхо*, *дамару*, *ганлина*) // Искусство глазами молодых: Мат-лы X Междунар. науч. конф. Красноярск: Сибирский гос. ин-т искусств им. Дмитрия Хворостовского, 2018. С. 295–299.
- Дашиева Л. Д. Буддийские песнопения бурят: к вопросу жанровой типологии // Память мира: историко-документальное наследие буддизма: Мат-лы науч.-практ. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 196–201.
- Дашиева Л. Д. Буддийские песнопения в обрядовой культуре бурят // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию академика РАН, проф. В. И. Рассадина, 30-летию создания тофаларской пись-

менности и 20-летию сойотской письменности, 11–14 ноября 2019 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 229–232.

Дондупов Д. Д. К вопросу о музыкальной составляющей буддийского ритуала в Бурятии // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика: Мат-лы междунар. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 447–451.

Жамбалова С. Г. Народный буддизм и *сангарил* у бурят // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). Культурология. С. 116–125.

Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 87–93.

Жамбалова С. Г. Новая народная религиозная практика бурят-буддистов – ответ на вызовы советского времени // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 1 (8). С. 53–58.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

Жамбалова С. Г., Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят: традиции, трансформации, возрождение (XIX – начало XXI в.). Иркутск: Оттиск, 2017. 276 с.

Жамсуева Д. С. Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 721–731.

Жуковская Н. Л. Современный ламаизм (на материалах Бурятской АССР) // Жуковская Н. Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. С. 280–309.

Кондратьева М. Н., Новикова О. В. Об итогах музыкально-этнографической экспедиции в Еравнинский район республики Бурятия // Народная культура Сибири: Материалы XII науч.-практ. семинара Сибирского регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 85–86.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. Отв. ред. д-р филос. наук В. В. Мантатов. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1983. 235 с.

Леонова Н. В., Новикова О. В., Попова Ю. С., Сыченко Г. Б. Сибирская этномузыкологическая экспедиция. Итоги работы 2006 г. // Сибирский музыкальный альманах, 2006. Новосибирск, 2009. С. 207–217.

Сабиров Р. Т. Буддисты-миряне: проблемы классификации и подходы к изучению // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11, № 4 (38). С. 43–51.

Трофимова Е. А. Символическое и ритуальное значение колокольчика и ваджра в тибетском буддизме // Буддизм Ваджраяны в России: Традиции и новации / Отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. С. 402–407.

Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори-бурят (XVIII – нач. XX в.): учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд. ВСГТУ, 2011. 136 с.

Шаракишинова Е. К. Современное бытование бурятских магталов и соло // Актуальные проблемы бурятского языка, литературы, истории: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. С. 59–62.

Эдлеева К. А. Традиция бытования монгольских магталов // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 29–34.

References

Badmazhapov Ts. -B. Buddiyskaya gimnicheskaya poeziya buryat [Buddhist hymnic poetry of Buryats]. In *Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabaykal'e: nauch. izd.* [Vajrapani Land. Buddhism in Transbaikalia: scientific edition]. Ts. P. Vanchikova (Comp. and Sci. Ed.). Moscow, Feoriya, 2008, pp. 224–229. (In Russ.)

Bazarov A. A. Perevod (adaptatsiya) buddiyskikh kanonicheskikh tekstov s tibetskogo i staromon-gol'skogo yazykov na buryatskiy [Translation (adaptation) of Buddhist canonical texts from Tibetan

and Old Mongolian languages into Buryat]. *Oriental Studies*. 2020, vol. 13 (3), pp. 652–660. (In Russ.)

Bazarov A. A., Buraeva S. V. Traditsionnaya knizhnost' ordinarnogo cheloveka Vostochnoy Sibiri i Mongolii: sotsial'no-arkheograficheskoe issledovanie [Traditional bookishness of the ordinal man of Eastern Siberia and Mongolia: a socio-archaeographic study]. *Bulletin of the BSC SB RAS*. 2015, vol. 2, pp. 117–133. (In Russ.)

Bazarov A. A., Rinchinov O. S. Buddiyskaya knizhnaya povsednevnost' Buryatii: geoinformatsionnye podkhody k rekonstruktsii kul'turnogo yavleniya [Buddhist book everyday life of Buryatia: geo-information approaches to the reconstruction of the cultural phenomenon]. *Bibliosphere*. 2016, vol. 1, pp. 11–18. (In Russ.)

Budazhapova L. B. *Buddiyskie terminy v sovremennom buryatskom yazyke* [Buddhist terms in the modern Buryat language]. Radnaev E. R. (Ed. in Ch.). Ulan-Ude, Buryat State University, 2012, 104 p. (In Russ.)

Buddizm: Slovar' [Buddhism: Dictionary]. Abaeva L. L., Androsov V. P., Bakaeva E. P. (Comps.). Zhukovskaya N. L. (Ed.). Moscow, Respublika, 1992, 287 p. (In Russ.)

Buddizm v istorii i kul'ture buryat [Buddhism in the history and culture of the Buryats]. I. R. Garri (Ed.). Ulan-Ude, Buryaad-Mongol Nom, 2014, 418 p. (In Russ.)

Dashieva L. D. Buddiyskie pesnopeniya buryat: k voprosu zhanrovoy tipologii [Buddhist chants of the Buryats: to the question of genre typology]. In *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma: Materialy nauchno-prakt. konf.* [Memory of the world: historical and documentary heritage of Buddhism: Proceedings of the scientific and practical conf.]. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2010, pp. 196–201. (In Russ.)

Dashieva L. D. Buddiyskie pesnopeniya v obryadovoy kul'ture buryat [Buddhist chants in the ritual culture of buryats]. In *Aktual'nye problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy: Materialy III Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 80-letiyu akademika RAEN, prof. V. I. Rassadina, 30-letiyu sozdaniya tofalarskoy pis'mennosti i 20-letiyu soyotskoy pis'mennosti, 11–14 noyabrya 2019 g.* [Actual problems of Mongol and Altaic studies: Proceedings of the III International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Academician of RANS, Prof. V. I. Rassadin, the 30th anniversary of the creation of Tofalar writing and the 20th anniversary of Soyot writing, 11–14 November 2019]. Elista, Kalmyk State University, 2019, pp. 229–232. (In Russ.)

Dondupov D. D. K voprosu o muzykal'noy sostavlyayushchey buddiyskogo rituala v Buryatii [On the question of the musical component of the Buddhist ritual in Buryatia]. In *Muzyka i ritual: struktura, semantika, spetsifika: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Music and ritual: structure, semantics, specificity: Proceedings of the International scientific conference]. Novosibirsk, 2004, pp. 447–451. (In Russ.)

Edleeva K. A. Traditsiya bytovaniya mongol'skikh magtalov [The tradition of the existence of Mongolian magtals]. *Scholarly almanac "Traditsionnaya kul'tura"*. 2013, vol. 1, pp. 29–34. (In Russ.)

Gerasimov R. V. Sakral'noe znachenie buddiyskikh muzykal'nykh instrumentov (na primere khonkho, damaru, ganlina) [Sacral value of Buddhist musical instruments (on the example of honkho, damaru, ganlin)]. In *Iskusstvo glazami molodykh. Materialy Kh Mezhdunar. nauch. konf.* [Art through the eyes of the young. Materials of the X Intern. scientific conf.]. Krasnoyarsk, Dmitry Hvorostovsky Siberian State Institute of Arts, 2018, pp. 295–299. (In Russ.)

Kondrat'eva M. N., Novikova O. V. Ob itogakh muzykal'no-etnograficheskoy ekspeditsii v Eravinskiy rayon respubliki Buryatiya [On the results of the musical and ethnographic expedition to the Eravinsky district of the Republic of Buryatia]. In *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 12 nauch.-praktich. seminarov Sibirskogo region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of the 12th scientific-practical seminar of the Siberian regional university centre for folklore]. Omsk, Omsk State Pedagogical University, 2003, pp. 85–86. (In Russ.)

Lamaizm v Buryatii 18 – nachala 20 veka: Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy [Lamaism in Buryatia 18th – early 20th century: Structure and social role of the cult system]. G. R. Galdanova, K. M. Gerasimova, D. B. Dashiev, G. T. s. Mitupov (Comps.). V. V. Mantatov (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 1983, 235 p. (In Russ.)

Leonova N. V., Novikova O. V., Popova Yu. S., Sychenko G. B. Sibirskaya etnomuzykologicheskaya ekspeditsiya. Itogi raboty 2006 g. [Siberian ethnomusicological expedition. Results of 2006]. In *Sibirskiy muzyka'nyy al'manakh, 2006* [Siberian musical almanac, 2006]. Novosibirsk, 2009, pp. 207–217. (In Russ.)

Sabirov R. T. Buddisty-miryane: problemy klassifikatsii i podkhody k izucheniyu [Lay Buddhists: classification problems and approaches to study]. *Oriental Studies*. 2018, vol. 11, is. 4 (38), pp. 43–51. (In Russ.)

Sharakshinova E. K. Sovremennoe bytovanie buryatskikh magtalov i solo [Modern existence of Buryat magtals and solo]. In *Aktual'nye problemy buryatskogo yazyka, literatury, istorii: Tez. dokl. region. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of Buryat language, literature, history: Theses of reports of the regional scientific conference]. Irkutsk, 2000, pp. 59–62. (In Russ.)

Trofimova E. A. Simvolicheskoe i ritual'noe znachenie kolokol'chika i vadhra v tibetskom buddizme [Symbolic and ritual significance of the bell and vajra in Tibetan Buddhism]. In *Buddizm Vadhrayany v Rossii: Traditsii i novatsii. Kollektivnaya monografiya. Nauchnoe izdanie* [Vajrayana Buddhism in Russia: Traditions and Innovations. Collective monograph. Scientific edition]. A. M. Alekseev-Apraksin (Ed. in Ch.). V. M. Dronova. V. M. Dronova (Eds.). Moscow, Almazny Put, 2016, pp. 402–407. (In Russ.)

Tsybenov B. D. *Iz istorii buddizma khori-buryat (18 – nach. 20 v.): ucheb. posobie* [From the history of Khor-Buryat Buddhism (18th – early 20th centuries): textbook]. Ulan-Ude, ESSUTM, 2011, 136 p. (In Russ.)

Zhambalova S. G. Narodnyy buddizm i sangaril u buryat [Folk Buddhism and sangaril at the bur-yats]. *Humanitarian Vector. Philosophy, Cultural Studies*. 2014, vol. 2 (38), pp. 116–125. (In Russ.)

Zhambalova S. G. Novaya narodnaya religioznaya praktika buryat-buddistov – otvet na vyzovy so-vetskogo vremeni [The new folk religious practice of Buryat Buddhists is a response to the challenges of the Soviet era]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2015, vol. 1 (8), pp. 53–58. (In Russ.)

Zhambalova S. G. O narodnom buddizme v sovremennoy Buryatii [About folk Buddhism in modern Buryatia]. *Humanitarian Vector*. 2011, vol. 2 (26), pp. 87–93. (In Russ.)

Zhambalova S. G. *Profannyi i sakral'nyy miry ol'khonskikh buryat* [The profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 400 p. (In Russ.)

Zhambalova S. G., Suvorova A. S. *Pogrebal'naya obryadnost' buryat: traditsii, transformatsii, vrozozhdenie (19 – nachalo 21 v.)* [Burial rites of the Buryats: traditions, transformations, revival (19th – early 21st centuries)]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 276 p. (In Russ.)

Zhamsueva D. S. Funktsional'noe naznachenie nekotorykh obryadov buryat, posvyashchennykh vseobshchemu blagopoluchiyu i luchshemu pererozhdeniyu [Functional purpose of some rites of bur-yats dedicated to general well-being and better rebirth]. *Mongolian Studies*. 2022, vol. 14, iss. 4, pp. 721–731. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. Sovremennyy lamaizm (na materialakh Buryatskoy ASSR) [Modern Lamaism (based on materials from the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic)]. In Zhukovskaya N. L. *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let. 1969–2011: sb. st.* [About Buddhism and Buddhists. Articles of different years. 1969–2011: collection of articles]. Moscow, Orientaliya, 2013, pp. 280–309. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.01.2024

Сведения об авторах

Новикова Ольга Владимировна – Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки, доцент кафедры музыкального образования и просвещения, кандидат искусствоведения, доцент (Новосибирск, Россия)

E-mail: novikova_o_v@mail.ru.

ORCID 0000-0001-8436-8213

Дылгырова Аюна Санжижаповна – Восточно-Сибирский государственный институт культуры, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры, кандидат филологических наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: adilgirova@mail.ru.

ORCID 0009-0007-8200-2147

Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, кандидат филологических наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: gymps70@yandex.ru.

ORCID 0000-0002-4251-3379

Information about the Authors

Novikova Olga Vladimirovna – Candidate of Art Studies, Docent, Department of the Musical Education and Enlightenment, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: novikova_o_v@mail.ru.

ORCID 0000-0001-8436-8213

Dylgyrova Ayuna Sanzhizhapovna – Candidate of Philology, Docent, Department of Ethnology and Folk Art Culture, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: adilgirova@mail.ru.

ORCID 0009-0007-8200-2147

Gympilova Sesegma Dmitrievna – Candidate of Philology, Researcher, Department of Literary and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: gymps70@yandex.ru.

ORCID 0000-0002-4251-3379

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.332.2

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-105-116

Белорусские летние обряды и песни, записанные в Омском Прииртышье. Характеристика архивных материалов

С. А. Мясникова

*Институт филологии Сибирского отделения РАН
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена характеристике омских архивных материалов по летнему периоду переселенческого белорусского календаря. Основными источниками исследования выступили фольклорно-этнографические фонды г. Омска, личные архивы исследователей традиционной культуры и региональные публикации. Автором статьи были просмотрены и учтены все доступные на сегодняшний день записи, начиная с 1951 г. и заканчивая современными экспедиционными материалами 2010–2021 гг. В исследовании приводятся количественные показатели выявленных прииртышских фиксаций, включающих в себя сезонно-приуроченные летние обряды и песни (Троица, Иван Купала), окказиональные обряды, мифологические рассказы. Дается общая характеристика качества архивного материала, определяется степень его репрезентативности, указаны возможные направления дальнейшего комплексного анализа.

Ключевые слова

белорусские переселенцы, белорусские летние обряды и песни, Омское Прииртышье, фольклорно-этнографические архивы

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01845 «Летние обряды и песни белорусов-переселенцев Западной Сибири: комплексное сравнительно-сопоставительное исследование» (руководитель Т. В. Дайнеко), <https://rscf.ru/project/24-28-01845/>

Для цитирования

Мясникова С. А. Белорусские летние обряды и песни, записанные в Омском Прииртышье. Характеристика архивных материалов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 105–116. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-105-116

© С. А. Мясникова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Belarusian summer rituals and songs recorded in the Omsk Priirtyshye. Characterization of archival materials

S. A. Myasnikova

*Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation
Omsk State University of F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation*

Abstract

The article focuses on analyzing archival materials from Omsk that pertain to the summer period of the Belarusian resettlement calendar. The analysis covers various sources, including the folklore and ethnographic funds of Omsk, such as the Omsk State Pedagogical University Folklore Archive, the regional Fund of Folklore and Ethnographic Materials of the State Folk Art Center, the Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University, and personal archives of traditional culture researchers and regional publications. The author meticulously reviewed and considered all the available records, encompassing the period from 1951 to the most recent expedition materials of 2010–2021. The specific regions in the Omsk Priirtyshye, where recording and living traditions are found, have been determined. Additionally, the areas where Belarusian settlers came from (Chernigov, Vitebsk, Mogilev, Minsk, and Vilna provinces) have also been identified. The study presents numerical indicators of the documented Priirtysh fixations, including seasonally scheduled summer customs and songs (Trinity, Ivan Kupala, and Petrov Day), occasional rituals, mythological tales (featuring fortune-tellers and witches during Ivan Kupala, the legend of the fern flower, mermaids, beliefs about the cuckoo, and summer divination). The Omsk archival material is evaluated in terms of its content quality, representativeness, and potential for in-depth analysis using textual, musical-typological, dialectological, and areal criteria. Previously unreleased archival texts that illustrate the described tradition are being introduced into scholarly circulation. This article is an introduction to a series of extensive studies on the summer calendar of Belarus, which were documented in the Omsk Priirtyshye region.

Keywords

Belarusian settlers, Belarusian summer rites and songs, Omsk Priirtyshye, folklore-ethnographic archives

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation grant, project no 24-28-01845 “Summer rituals and songs of Belarusian settlers in Western Siberia: comprehensive comparative study” (head of the project T. V. Dayneko), <https://rscf.ru/project/24-28-01845/>

For citation

Myasnikova S. A. Belorusskie letnie obryady i pesni, zapisannye v Omskom Priirtysh'e. Kharakteristika arkhivnykh materialov [Belarusian summer rituals and songs recorded in the Omsk Priirtyshye. Characterization of archival materials]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 105–116. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-105-116

Введение

Летний период белорусского календаря представляет собой цикл различных архаичных обрядов, верований и ритуалов, имеющих общеславянскую мифологическую основу. Минскими учеными подробно изучен данный период земледельческого календаря [Купальскія і пяроўскія песні, 1985; Ліс, 1974, 1993; Жніўныя песні, 1974; «Ядраное жыта...», 2015; Традыцыйная мастацкая культура беларусаў, 2001–2013]. Тем интереснее рассмотреть степень сохранности и передачи традиции у белорусов-переселенцев, проживающих в условиях полиэтничного сибирского региона.

Цель настоящего исследования – учет и характеристика омских архивных материалов, связанных с летним периодом белорусского переселенческого фольклора, зафиксированного в Омском Прииртышье. Летний период включает в себя такие крупные праздники, как Троица (граница весенне-летнего периода) и Иван Купала (апогей летних празднеств), примыкает к ним Петров день с последующими полевыми работами, а также большой цикл жнивных обрядов и песен. Кроме того, в исследование включены зафиксированные образцы несказочной прозы, непосредственно связанные с летними праздниками, различные окказиональные обряды, а также весенне-летние необрядовые хороводные и «проходные» песни.

Характеристика архивных материалов

Белорусский летний календарно-обрядовый период, записанный на омской земле, никогда не был объектом специального исследования. Однако так или иначе к этому вопросу обращались в своих работах Т. Г. Леонова [2014], О. Г. Сидорская [2006], Т. Н. Золотова [2017].

Основными источниками настоящего исследования стали материалы фольклорно-этнографических фондов г. Омска: фольклорный архив Омского государственного педагогического университета (далее – ФА ОмГПУ), областной фонд фольклорно-этнографических материалов бюджетного учреждения культуры Омской области «Государственный центр народного творчества» (далее – ОФ ФЭМ ГЦНТ), записи из личных архивов исследователей традиционной культуры, а также публикации.

Фиксация сведений велась различными экспедиционными группами на протяжении последних 70 лет. Фольклорные экспедиции ОмГПУ в места компактного проживания белорусских переселенцев: 1953, 1968, 1969, 1971, 1973–1976, 1978, 1979, 1980–1985, 1987–1989, 1992–1996, 2004, 2013 гг. Основные руководители экспедиций: Т. Г. Леонова, Л. В. Новосёлова, Н. К. Козлова, В. А. Москвина, участники – студенты филологического факультета ОмГПУ.

Экспедиции отдела русской традиционной культуры «Сибирский культурный центр» ГЦНТ: 1995, 1997, 2004, 2006–2008 гг. Собиратели: Е. М. Чешегорова (Ефремова), И. В. Чешегоров, Н. В. Котенко (Янова), О. Г. Сидорская, В. Ю. Багринцева, И. Г. Чумаков, Е. В. Попова, А. В. Макаров, Д. Р. Парамонов.

Экспедиционные выезды исследователей традиционной культуры (личные архивы, опубликованные данные): Е. Я. Аркин – 1991 г., Т. Н. Золотова – 2010 г., Е. П. Малахова – 1988–2020 гг., И. К. Бековец – 2010–2020 гг., Н. В. Леонова – 2012 г., Т. В. Дайнеко – 2012, 2014 гг., С. А. Мясникова – 2013–2021 гг.

Небольшая часть архивного материала нашла отражение в публикациях, была описана в объектах этнокультурного достояния регионального каталога Омской области¹.

В архивных и опубликованных материалах по фольклору белорусов-переселенцев Омской области нами обнаружено 580 рукописных и 130 аудиозаписей по летнему календарному периоду. Львиную долю рукописных записей содержит ФА ОмГПУ (450 образцов). В настоящее время продолжается активная систематизация архивных фондов, оцифровка пленочного аудиоматериала, поэтому приведенные количественные характеристики носят примерный характер, в дальнейшем возможно внесение изменений в приведенные показатели. Известные на сегодняшний момент сведения можно определить в следующие разделы²:

Троицкие песни с комментариями (25 рукописных текстов, 4 аудио)

Место записи / бытования: с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); с. Малиновка Тюкалинского р-на (черниговские); д. Решетнёво Большереченского р-на (могилевские); д. Щелкановка, с. Рагозино Седельниковского р-на (витебские), с. Атирка, д. Новокнязевка Тарского р-на (переселенцы из Виленской губернии); с. Первомайское Тюкалинского р-на (черниговские).

Рассказы о Троице, поверья на Троицу (46 рукописных текстов)

Место записи / бытования: д. Валуевка Тюкалинского р-на (черниговские); с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); с. Михайловка (Васюшки), с. Васисс Тарского р-на (витебские); д. Николаевка Тюкалинского р-на (минские); с. Алексеевка, д. Старо-Алексеевка Горьковского р-на (черниговские); д. Бароновка, д. Михайловка, д. Спасск, д. Соловьёвка, с. Новойка Седельниковского р-на (витебские, могилевские); с. Шухово, с. Чередово, д. Айлинка, д. Тузаклы Знаменского р-на (минские, могилевские, витебские); д. Алексеевка Муромцевского

¹ Региональный каталог нематериального этнокультурного достояния Омской области: Электронный ресурс. URL: https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/?set_filter=Y&arrFilter_pf%5BGROUP%5D=110 (дата обращения: 10.12.2023).

² Для большей информативности приводим сведения о количестве записанного материала, месте записи / бытования традиции (если известно), месте выхода переселенцев (также если известно).

р-на (могилевские); с. Луговое, д. Воздвиженка, с. Утьма, д. Журавлёвка, д. Александровка, с. Чудесное Тевризского р-на (витебские, могилевские).

Рассказы о русальной неделе (11 рукописных текстов), **русальные песни** (2 рукописных текста, 1 аудио)

Место записи / бытования: д. Валувка Тюкалинского р-на (черниговские); с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); д. Рошино Горьковского р-на (черниговские), д. Черниговка Кормиловского р-на (черниговские).

Летние хороводы и «проходные» песни (14 рукописных текстов, 2 аудио)

Место записи / бытования: с. Новоуйка Седельниковского р-на (витебские); с. Новоягодное Знаменского р-на (витебские); с. Максимовка Тюкалинского р-на (брянские).

Купальские песни с комментариями (137 рукописных текстов, 38 аудио)

Место записи / бытования: д. Денисовка, д. Успенка, с. Кейзес, д. Хмельёвка, д. Соловьёвка, д. Богомель, д. Ильинка, д. Белая Горка, д. Спасск, д. Николаевка Седельниковского р-на (витебские, могилевские); с. Темирка, д. Крапивка, с. Баженово, д. Красный Яр, с. Атирка, с. Пологрудово, с. Усюльган, с. Васисс, с. Михайловка (Васюшки), с. Ложниково, с. Екатериновка, д. Новокнязевка, д. Князевка, д. Егоровка, с. Полецкое Тарского р-на (витебские, могилевские, виленские); д. Алексеевка, с. Поречье, р. п. Муромцево, д. Игоревка Муромцевского р-на (минские, могилевские, витебские), д. Александровка, д. Вороновка Колосовского р-на (могилевские, витебские, минские); д. Тайга, д. Ларионовка, д. Липовка, с. Новоягодное, д. Ларионовка, д. Крутинка Знаменского р-на (витебские, могилевские, полоцкие); с. Милутино, д. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); д. Николаевка Тюкалинского р-на (минские); д. Астыровка Горьковского р-на (черниговские); с. Красный Яр, с. Решетнёво, с. Шуево, с. Евгашино Большереченского р-на (витебские); с. Утьма, с. Чудесное, с. Прекрасное, п. Тевриз Тевризского р-на; с. Русановка Нововаршавского р-на (витебские).

Рассказы о празднике Ивана Купала (58 рукописных текстов, 6 аудио)

Место записи / бытования: с. Чудесное, с. Прекрасное Тевризского р-на, д. Валувка Тюкалинского р-на (черниговские), с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); д. Алексеевка Муромцевского р-на (могилевские); с. Атирка, с. Михайловка (Васюшки), с. Екатериновка, д. Парники Тарского р-на (витебские, могилевские, виленские); д. Богомель, д. Спасск, д. Соловьёвка, д. Владимировка, д. Белая Горка, д. Бароновка, д. Михайловка Седельниковского р-на (витебские, могилевские); д. Тайга, д. Ларионовка, с. Шухово, с. Чередово, с. Новоягодное Знаменского р-на (витебские, могилевские); с. Алексеевка Горьковского р-на (черниговские); с. Шуево, д. Почекуево, с. Евгашино Большереченского р-на; с. Утьма, д. Александровка, д. Фёдоровка, с. Ермиловка Тевризского р-на (витебские).

Былички и поверья, связанные с праздником Ивана Купала (о колдунах, ведьмах, лешем, цветке папоротника, лечебных травах) (45 рукописных текстов, 10 аудио)

Место записи / бытования: с. Екатериновка Тарского р-на; с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); с. Бароновка, д. Михайловка, д. Соловьёвка Седельниковского р-на (витебские, могилевские); д. Черниговка Кормиловского р-на (черниговские); д. Александровка, с. Журавлёвка, с. Луговое, д. Воздвиженка, с. Чудесное, с. Ермиловка Тевризского р-на (витебские); с. Новоягодное, д. Ларионовка, д. Пушкарёво Знаменского р-на (витебские).

Гадания на Троицу, Иван Купалу, Петров день (23 рукописных текстов, 1 аудио)

Место записи / бытования: д. Черниговка Кормиловского р-на (черниговские); д. Алексеевка Муромцевского р-на (могилевские); п. Тевриз, с. Екатериновка, д. Александровка, с. Журавлёвка, с. Чудесное, с. Утьма, д. Александровка, с. Ермиловка Тевризского р-на (витебские); с. Новоягодное, д. Ларионовка Знаменского р-на (витебские).

Рассказы о летних и «грозных» праздниках (Вознесение, Тихвинская, Ильин день), **запреты на работу во время праздников, летние приметы** (15, 4 и 3 рукописных текста соответственно)

Место записи / бытования: с. Михайловка (Васюшки), с. Васисс, с. Екатериновка Тарского р-на (витебские); д. Пушкарево, д. Айлинка, с. Шухово Знаменского р-на, (витебские, минские); с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); д. Николаевка Тюкалинского р-на (минские);

д. Алексеевка, д. Старо-Алексеевка Горьковского р-на (черниговские); д. Бароновка, д. Михайловка Седельниковского р-на (витебские, могилевские); с. Новоягодное, д. Ларионовка Знаменского р-на (витебские).

Петровские песни с комментариями (23 рукописных текста, 7 аудио)

Место записи / бытования: д. Баклянка, д. Ольгино, д. Димитровка, д. Николаевка, д. Соловьёвка Седельниковского р-на (витебские); д. Тайга, д. Ларионовка, д. Айлинка, д. Липовка, д. Крутинка Знаменского р-на (витебские, минские, полоцкие); с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские); д. Владимирова Тарского р-на; с. Чебаклы Большереченского р-на; с. Русановка Нововаршавского р-на (витебские); с. Поречье Муромцевского р-на (минские).

Рассказы о празднике Петра, приметы на петровки (6 рукописных текстов, 1 аудио)

Место записи / бытования: с. Андреевка Саргатского р-на (черниговские), с. Алексеевка Горьковского р-на (черниговские); с. Новоуйка Седельниковского р-на (витебские).

Поверья о кукушке (7 рукописных текстов, 3 аудио)

Место записи / бытования: д. Малиновка Тюкалинского р-на (черниговские); с. Ермиловка, д. Фёдоровка, д. Александровка Тевризского р-на (могилевские, витебские); с. Новоягодное, д. Айлинка Знаменского р-на (витебские).

Толочные песни (23 рукописных текстов, 5 аудио), **покосные песни (после петровок)** (2 аудио)

Место записи / бытования: д. Тимофеевка, д. Большие Тунзы, д. Тайга, с. Новоягодное Знаменского р-на (витебские); д. Красный Яр, д. Усюльган Тарского р-на (витебские, могилевские, смоленские); с. Алексеевка Горьковского р-на (черниговские); д. Соловьёвка, д. Успенка Седельниковского р-на (витебские).

Окказиональные обряды (вызывание дождя и пр.) (5 рукописных текстов)

Место записи / бытования: д. Вороновка Колосовского р-на (могилевские, витебские); с. Ермиловка, д. Александровка Тевризского р-на (могилевские, витебские); д. Игоревка Муромцевского р-на (витебские).

Живные песни с комментариями (100 рукописных текстов, 46 аудио)

Место записи / бытования: с. Седельниково, д. Денисовка, д. Белая Горка, д. Богомель, д. Михайловка, д. Бароновка, д. Павловка, д. Николаевка, д. Соловьёвка, д. Успенка, с. Рагозино, д. Щелкановка, д. Романовка Седельниковского р-на (витебские, могилевские); д. Тайга, д. Ларионовка, д. Таборы, с. Айлинка, д. Липовка, с. Чередово, д. Крутинка (Нововасильевка) Знаменского р-на (витебские, минские); п. Тевриз, с. Екатериновка (Каут), д. Журавлёвка, д. Усть-Туй, с. Ермиловка, с. Утьма, с. Воздвиженка, с. Кип Тевризского р-на (витебские, могилевские); д. Большие Тунзы, д. Тимофеевка, д. Красный Яр, д. Искашино, д. Старая Васильевка, с. Атирка, с. Пологрудово, с. Екатериновка, д. Владимирова, д. Боровая, д. Егоровка, с. Васисс, с. Ложниково, д. Баманбаевка, г. Тара, д. Борисовка, д. Крапивка, д. Вишневка, д. Михайловка (Васюшки), д. Новокнязевка Тарского р-на (витебские, виленские, гродненские, могилевские); д. Александровка, с. Кутырлы, д. Николаевка Колосовские р-на (ранее административно относились к Тюкалинскому району); р. п. Муромцево, с. Поречье Муромцевского р-на (минские, могилевские, витебские); с. Новологиново, д. Красный Яр Большереченского р-на (витебские); с. Русановка Нововаршавского р-на (витебские); п. Омский Омского р-на; д. Андреевка, с. Милутино Саргатского р-на (черниговские); с. Максимовка Тюкалинские р-на (черниговские, брянские); с. Яковлевка, д. Алексеевка, д. Старая Алексеевка Горьковского р-на (черниговские).

Из представленного обзора можно сделать предварительный вывод о жанровом разнообразии архивного прииртышского материала. Количество рукописных записей предполагает наличие текстовых вариантов, имеющиеся аудиофиксации позволят провести музыкально-стилистические и диалектологические исследования. Установление места выхода исполнителей выявило интересные закономерности в соотношении зафиксированных жанровых разновидностей с местом выхода исполнителя. Так, русальные песни и рассказы о русальной неделе записаны только от черниговских переселенцев, как и большая часть материала о Троице. Купальские песни, обряды, поверья, былички, гадания зафиксированы практически от всех групп белорусских переселенцев. Петровские, покосные песни – от черниговских и витебских. Оккази-

ональные обряды – от могилевских и витебских. В целом, большая часть имеющегося материала была записана от витебских переселенцев. Данная информация необходима для последующих сопоставлений материалов переселенческой и материнской традиции.

Нужно отметить довольно высокий уровень качества аудиоматериалов. Их немного, но все представленные образцы могут быть использованы при анализе напевов. Большая часть рукописных архивных материалов представлена цельными текстами. Фрагментарных записей в фондах представлено немного. Однако при использовании архивных записей нужно всегда учитывать качество рукописных материалов, особенно в части отображения диалектных особенностей. Нередко, особенно неопытными собирателями, тексты песен и этнографические описания обрядов фиксировались литературным языком, без учета языковой этнической специфики.

Примеры записей летних обрядов и песен омской белорусской традиции

Приведем в качестве демонстрации летней белорусской традиции, бытовавшей в Омском Прииртышье, несколько ранее неопубликованных архивных записей. Материалы ФА ОмГПУ приводятся в редакции собирателей.

Троицу три дня праздновали. Девушки венки завивали в лесу: сук березовый согнут и свяжут. У дома «май» ставили. Около двора размятут, березок понаставят у каждого двора. А когда они посохнут, порубят их и все. Пели песни, кто какие знает. На Троицу траву рвут, смородину, а после купаются, лечутся этой травой. Плели венки на Троицу и сушат их. А потом ребенка купают. Три раза сквозь венок принимают, он и тело набирает.

После Троицы – грязная неделя. На ей раньше русалки ходили в лесу, в болотах, в озимке. На грязной неделе их видали в околках. Они черные такие, а сами, как люди: платочки красненькие, кофточки беленькие, юбки черные и волосы распущенные. Мы раз в отаре видели. Если к ним попадешься, то их нужно переплясать. Борись только до часу. Если перепляшешь, то они тебе девку отдадут свою. А если не перепляшешь, то тогда все, защекочут. На грязной неделе песня есть, только я забыла: «На грязной недели русалки сидели...»

(ФА ОмГПУ, ЭК-С-1/73, № 33, 35, 38. Зап. Н. К. Козлова в 1973 г. в д. Валуевке Тюкалинского р-на Омской обл. от У. И. Фроловой, 1909 г.р., отец приехал из Черниговской губернии)

На Троицу пели:

Рано, рано кривэ колесо,

Кривэ колесо, куды котися?

Покачуся я через бор, у бор,

По ягодки, по смородинку.

Рано, рано по смородинку,

Щей по спелую, щей по зрелую

Рано, рано кривэ колесо,

Кривэ колесо, куды котися?

Покачуся я через бор, у бор.

Летела стрела дай по вдоль села,

Убила стрела парня-молодца.

Парня-молодца, щей поповича,

Рано, рано, щей поповича.

В субботу на Троицу девки идут в лес и заплетают на березках венки, то есть берут две березовые веточки и завязывают ленточкой. Заплетают и на себя, и на мать, и на отца, кто на кого хочет. Рано утром в воскресенье, еще до восхода солнца срезают венки и бросают венки в озеро. Утонет венок – смерть, плывет – долго жить будет. А утром, попозже, все несут большую березку, навешают много лент, подходят к озеру и бросают в него эту березку. Так заведено.

(ФА ОмГПУ, ЭК-4/75, № 54. Зап. Л. Шевченко, Г. Щербакова в 1975 г. в с. Андреевке Саргатского р-на Омской области от М. Н. Татаренко, 1912 г.р., родители из Черниговской губернии)

Есть такой день, когда все отсадишь в огороде, тогда бывает Троица. Или перед Иваном. Вот тогда гадают. Есть трава «припутник». Сорвать ее молча и положить под голову. Вот тогда уже правда увидишь жениха.

Перед Купалом ходят по полю девки, веты рвут и венки плетут. Повешают венок на дерево. Если будут жить, то не завянет, если не будет – завянет венок. Венки плели, бросили их в ряку и загадывали. Те, у кого венок потонет или в девках умрут, или замуж выйдут и умрут. Подойдут много, много девок и бросают. У одной венок отплывет немного, вторая бросает, и так дальше. Только не нравится мне эта ворожба.

На Ивана Купала обходили хлебное поле и его «посвящали». Вначале шли старые люди. Впереди несли крест, затем икону, а за этой иконой вторую несли. Так обходили поле два раза. На третий раз поле обходила молодежь. При этом набирали ведро или два воды из чистенького местечка, где никто не ходил. Затем оторвут по 3 колоска 3 раза, свяжут их пучком и стоят над водой крестятся и молитву читают. Затем обходят поле. Впереди несут крест. У каждого колоски в руке. Обмакивают колоски в воду и брызгают на поле – освящают. И деревню свою обхаживали. После этого долго стояла погода хорошая. Дождичек хороший пройдет, грибы пойдут, цветы. Хлеб расти станет.

(ФА ОмГПУ, ЭК-10/73. Зап. Н. К. Козлова, Е. Витман в 1973 г. в с. Екатериновке Тарского р-на Омской обл. от Е. Ф. Порхомчук, 1914 г.р., родители из Витебской губернии)

*И перед первым пятым днём
Разгулялся Иванов конь.
Разбил камне копытом.
А в камне ядра нет,
А в наших хлопцах правды нет.
И перед первым пятым днём
Разгулялся Иванов конь.
Разбил орех копытом.
Сколько в решете воды,
Столько в девочках правды.
Купало, Купало, где ты побывало?
Кузьмы у садочку
Чешет свою дочку,
Чешет, научает:
– Дочушка, рочушка,
Не стой с Кузьмой рядом.
Кузьма тебе сродит,
На ножку наступит,
За ручку потиснет.
Кузьма догадался,
Пошёл уж прибрался
В женское платье,
В девичье обличье.
Увзял Кузьма Рожу
За правую рученьку,
За правые плечики.
Повёл Кузьма Рожу
В новую хату,
Посадил на лавку.
Она сама села за стол
Письмо писати
И да тёщи-сваты.
Что не жди, Рожа, дочку,*

*Не жди у цветочки,
Не жди у платочки,
Не жди с белым сыром,
А жди с малым сыном.*

(ФА ОмГПУ, ЭК-21/53, № 110. Зап. Т.Г. Леонова в 1953 г. в д. Денисовке Седельниковского р-на Омской обл. от А. С. Храповецкой, 1888 г.р.)

Купальская. Варианты этой песни впоследствии были неоднократно записаны в различных населенных пунктах Омской области, в том числе, в д. Денисовке Е. Я. Аркиным в 1991 г. [Аркин, 1993, с. 16, 17], И. Г. Чумаковым, О. Г. Сидорской, Е. В. Поповой в 1993 г. [Сидорская, 2006, с. 186]. В записи 1953 г. приведен единый текст одной песни, в обеих более поздних публикациях данный текст представлен в виде двух песен – «Перед Петром пятым днем», «Купала, купала», к ним имеются аудиозаписи. Вариант 1953 г. более полный в содержательном плане.

*Чарвоная рожка,
Не стой пред дороги.
И ты желта, пригожа,
И ты желта, пригожа.
Ах, той где-то ломает,
Той, где-то ломает.
И бабы идут ломают,
И бабы идут ломают.
И дяды идут ломают,
И дяды идут ломают.
И девки идут ломают,
И девки идут ломают.
И парни идут ломают,
И парни идут ломают.
И бабам на помел³,
И бабам на помел.
А дедам на бороды,
А дедам на бороды.
А девкам на веночки,
А девкам на веночки.
А парням на брылечки,
А парням на брылечки.*

Перед Петровым днём пели купальные. Был праздник купальный, цветы собирали. С Петрова дня пели жнивные. Осенью, когда картошку копали, осеннюю поют.

(ФА ОмГПУ, ЭК-3/69, № 65. Зап. Л. Белкина, Л.В. Новосёлова в 1969 г. в д. Крапивке Тарского р-на Омской обл. от П. М. Филипповой, 1895 г.р., в 12 лет приехала из Белоруссии)

*Ай, у короля середь двора,
Боже мой!
Да тынок высок,
Боже мой!
Да Дунай глубок,
Боже мой!
И кто этот Дунай переплывет,
Боже мой!
И кто этот тынок перескачет,
Боже мой!
Королевичну за себя возьмет,*

³ То, чем выгребают из печи.

*Боже мой!
И Васечка скочил, не перескочил,
Боже мой!
И Дунай поплыл, не переплыл,
Боже мой!
И королевичну за себя не взял,
Боже мой!*

На второго говорят тоже. Но этот перескочил тынок и Дунай переплыл, и королевичну взял за себя. Купальская. Всю ночь ходим, песни поём, обливаемся водой, костры жгём.

(ФА ОмГУ, ЭК-1/76, № 123. Зап. Т. Г. Леонова в 1976 г. в д. Николаевке Тюкалинского р-на (ныне Колосовского) Омской обл. от Е. Г. Волох, 1910 г.р. и В. М. Карабановой, 1919 г.р., обе – минские)

*Боже мой, як на Ивана солнце играло,
Боже мой!
Боже мой, а там девка воду брала,
Боже мой!
Боже мой, воду брала, поставила,
Боже мой!
Боже мой, як пришло к ей три молодчика,
Боже мой!
Боже мой, стали яны жартовати,
Боже мой!
Боже мой, с судом воду водити,
Боже мой!
Боже мой, с судом воду выливати,
Боже мой!
Боже мой, стойте мальчики, не жартуйте,
Боже мой!
Боже мой, с судом воду не шкадуйте,
Боже мой!
Боже мой, у меня дома родна мамка,
Боже мой!
Боже мой, она меня дожидает,
Боже мой!
Боже мой, дожидает, проклиняет,
Боже мой!*

Поют в день Ивана Купала, пелась в Богомели [Седельниковский р-н]. На Аграфену Купальницу травы лекарственные собирали. А больше ничего не делали. А в ночь на Ивана Купалу колесо парни уткнули колом, по деревне катят зажжённое. Чародей выходит, ругает: «Не катите!», а они не слушают, катят. А ещё на Ивана Купалу обливаются, купаются, песни поют. Ещё ночью парни ловят лягушку, отрезают ей палец. Если утром найдут женщину с больным пальцем – она ведьма. Девки вечерки устраивают, в «разлуку» гуляют. Сейчас старух нет на вечерках, а раньше были. Девки гуляют, поют, а старухи сидят на лавке и смотрят.

(ФА ОмГПУ, ЭК-32/80, № 15, 16. Зап. Е. М. Третьякова, С. Г. Светлицкая, Л. С. Вычужанина в 1980 г. в с. Ложниково Тарского р-на Омской обл. от Е. И. Михаль, 1893 г.р.)

*Петрова ночка-невяличка,
Да не выпалася девочка.
Ягодки собирала и драмала,
Села перабирати и заснула.
Села перабирати и заснула,
Приехал миленький, не чула.*

*Покатил перстенек по мяже,
– Да устань, девочка, не ляжи.
Да устань, девочка, не ляжи,
Подыми пярстенек на мяжи.
Подыми пярстенек на мяжи,
Да на белу ручку взложи.
Да на белу ручку взложи,
Да своему отеньку не скажи.*

Вот перад Петром пост. И вот полють траву у поле и эту песню поють.

(ФА ОмГПУ, ЭК-2/74, № 89. Зап. Н. Бодунова, Н. Рева, Т. Якубенко в 1974 г. в с. Айлинка Знаменского р-на Омской обл. от А. Г. Калала, 1888 г.р., родилась в Минской губернии)

Вот, бывало, дождя нет, долга если нет дождя, сабяраются старухи и какое-нибудь меньшее поле выбярут, и ходють с иконами, и просят. И поглядишь, тут же собярутся и пойдет дождь. А нас, молодёжь, вечерам поздно отправляли на рэчку тягать плужок. Маленьким плужком опахивали речку, ну такие, только честные девушки, которые с парнями ещё не спали. А старухи ходили с иконой, кругом поле, три раза обойдут с иконами, молятся и просят святого Иллю. Илля дожди даёт всегда, святые Илля. Только у яго дождь просили. А ещё отправляли детей в колодец мак сыпать или в речку, тожа для дождя.

(Личный архив С. А. Мясниковой. Зап. С. А. Мясникова в 2016 г. в д. Игоревке Муромцевского р-на Омской обл. от Т. Л. Саенковой, 1942 г.р., родители – переселенцы из Могилевской губернии и Н. П. Лапиной, 1939 г.р., родители – переселенцы из Витебской губернии)

Выводы

Прииртышский архивный материал обладает огромными возможностями для аналитических исследований. В первую очередь это касается таких видов исследования, как ареальное, текстологическое, музыкально-типологическое, диалектологическое, сравнительно-сопоставительное (с материнской традицией).

Ареальные исследования позволяют определить основные очаги бытования традиции, отследить миграции фольклорных явлений, условия их бытования в полиэтничном регионе. Омские архивные записи дают достоверную и достаточно полную информацию о месте записи материала, по большей части – о местах выхода исполнителей и их предков, о месте бытования традиции (при расхождении с местом записи).

Выявление сюжетов и сюжетных ситуаций, а также составление систематического указателя поэтических формул будет иметь большое значение для понимания разнообразия записанных текстовых вариантов летних белорусских песен.

Нотирование имеющихся напевов не только представит в полном виде текстовые корпуса песен, но и даст возможность определить музыкальную стилистику, выявить основные типы напевов, бытовавших в Омском Прииртышье.

Большое исследовательское поле у диалектологов, поскольку в омских архивных фондах имеются аудиозаписи как от непосредственных выходцев из Белоруссии, так и от потомков переселенцев, тех, кто перенимал традиции уже вдали от родины. Кроме того, весьма интересным фактом для исследователей (как для диалектологов, так и для филологов, музыкантов) является место проживания исполнителей в полиэтничном регионе. Варианты были различны: 1) старожильческое село, смешанное по населению; 2) этнически однородное (белорусское) село, но с выходцами из разных губерний; 3) этнически однородное (белорусское) с переселенцами из одной местности (как правило, территориально изолированный населенный пункт). Условия бытования традиции имели огромное значение для ее сохранности (языка, жанровых разновидностей репертуара, формы и содержания обрядовых действий и проч.). Этому вопросу в своих исследованиях уделяла внимание Т. Г. Леонова [2014, с. 179–206].

Полноценный комплексный анализ переселенческого фольклора невозможен без сопоставления с исходным материнским материалом. И здесь взаимодействуют все исследуемые параметры: текст, музыка, ареальность, язык.

Данная статья является вводной к циклу исследований, посвященных летним обрядам и песням, записанным от омских белорусов. В ближайшей перспективе аналитическое рассмотрение всех составляющих летнего периода переселенческого белорусского календаря.

Список литературы

Золотова Т. Н. Традиционный праздничный календарь восточнославянского населения Зауралья и Западной Сибири: Науч.-популярное издание. М.: Институт наследия, 2017. 286 с.

Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора. Омск: Амфора, 2014. Ч. 2. 420 с.

Сидорская О. Г. Календарно-обрядовые песни восточнославянского населения Омского Прииртышья // Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. С. 88–191.

Жніўныя песні / Уступ. артыкул, укладанне, сістэматызацыя тэкстаў і каментарыі А. С. Ліса; уступ. артыкул, уклад. і сістэматызацыя напеваў В. І. Ялатава; рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1974. 816 с. (АН БССР, ІМЭФ. Беларуская народная творчасць).

Купальскія і пятроўскія песні / Уклад. А. С. Ліса, С. Т. Асташэвіч; уклад. муз. часткі Г. В. Таўлай; рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. 631 с., нот. іл. (АН БССР, ІМЭФ. Беларуская народная творчасць).

Ліс А. С. Жніўныя песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 238 с.

Ліс А. С. Купальскія песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1974. 208 с.

Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Мінск: Выш. шк., 2001–2013.

«Ядраное жыта гаспадара кліча...»: каляндарны год у абрадах і звычаях / Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак. Мінск: Беларуская навука, 2015. 358 с.

Список источников

Аркин Е. Я. Со венком я хожу. Народные песни Омской области. Омск: Кн. изд-во, 1993. 256 с. Календарно-обрядовый фольклор русских, белорусов и украинцев, записанный в экспедициях по Омской области (методическо-репертуарный сборник). Омск, 2021. 150 с.

Козлова Н. К. «Там лес и дол видений полны...» (Восточнославянские мифологические рассказы Омского Прииртышья о лешем, полевом, водяном и русалке). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 106 с.

Новосёлова Л. В. Итоги фольклорной экспедиции в Тарский и Седельниковский районы Омской области (Обзор и публикация материалов) // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1975. Вып. 2. С. 45–64.

Областной фонд фольклорно-этнографических материалов при Государственном центре народного творчества Омской области.

Фольклор Западной Сибири. Омск, 1974. Вып. 1. 117 с.

Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета.

References

Kupal'skiya i pyatroŭskiya pesni [Kupal and Petrovsky songs]. A. S. Lis, S. T. Astashevich (Comps.), G. V. Tavlai (arrangement of the musical part), A. S. Fyadosik (Ed.). Minsk, Navuka i tekhnika, 1985, 631 p., notes. ill. (Belaruskaya narodnaya tvorchasts' [Belarusian folk art]). (In Belarus.)

Leonova T. G. *Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora* [Problems of studying regional folklore]. Omsk, Amfora, 2014, pt. 2, 420 p. (In Russ.)

Lis A. S. *Kupal'skiya pesni* [Kupal songs]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1974. (In Belarus.)

Lis A. S. *Zhniŭnyya pesni* [Harvest songs]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1993. (In Belarus.)

Sidorskaya O. G. *Kalendarno-obryadovye pesni vostochnoslavjanskogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya* [Calendar and ritual songs of the East Slavic population of the Omsk Priirtyshye]. In *Russkiy narodnyy prazdnik: Nauch.-metod. posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya* [Rus-

sian folk feast: Scientific and methodical manual for workers of culture and education]. M. A. Zhi-gunova, N. A. Tomilov (Eds.). Omsk, Nauka, 2006, pp. 88–191. (In Russ.)

Tradycyynaya mastatskaya kul'tura belarusaŭ. U 6 t. [Traditional artistic culture of Belarusians. In 6 vols.]. Minsk, Vysh. Shk., 2001–2013. (In Belarus.)

“Yadranoe zhyta gaspadara klicha...”: kalyandarny god u abradakh i zvychayakh [“The crisp rye is calling the master...”: the calendar year in rites and customs]. T. V. Volodina, T. I. Kuhoronak. Minsk, Belaruskaya navuka, 2015. (In Belarus.)

Zhniŭnyya pesni [Harvest songs]. A. S. Lis (Introduction, arrangement, textual compilation, and commentary), V. I. Yalataŭ (introduction, arrangement and compilation of songs), A. S. Fyadosik (Ed.). Minsk, Navuka i tekhnika, 1974, 816 p. (Belaruskaya narodnaya tvorchasts' [Belarusian folk art]). (In Belarus.)

Zolotova T. N. *Traditsionnyy prazdnichnyy kalendar' vostochnoslavianskogo naseleniya Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri: Nauch.-populyarnoe izdanie* [Traditional festive calendar of the East Slavic population of Trans-Urals and Western Siberia: Scientific and popular edition]. Moscow, Institut naslediya, 2017, 286 p. (In Russ.)

List of sources

Arkin E. Ya. *So venkom ya khozhu. Narodnye pesni Omskoy oblasti* [I walk with a wreath. Folk songs of the Omsk region] Omsk, Kn. izd., 1993, 256 p. (In Russ.)

Fol'klorny arkhiŭ Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Folklore archive of Omsk State Pedagogical University]. (In Russ.)

Fol'klor Zapadnoy Sibiri [Folklore of Western Siberia]. Omsk, 1974. Vol. 1. 117 p. (In Russ.).

Kalendaro-obryadovyy fol'klor russkikh, belorusov i ukrainsev, zapisanny v ekspeditsiyakh po Omskoy oblasti (metodicheskoye-repertuarnyy sbornik) [Calendar and ritual folklore of Russians, Belarusians and Ukrainians, recorded during expeditions in the Omsk region (methodical and repertoire collection)]. Omsk, 2021, 150 p. (In Russ.)

Kozlova N. K. *“Tam les i dol videniy polny...”* (*Vostochnoslavianskie mifologicheskie rasskazy Omskogo Priirtysh'ya o leshem, polevom, vodyanom i rusalke*) [“There forest and dol of visions are full of...” (East Slavic mythological stories of Omsk Priirtyshye about the lesh, pole, waterman and mermaid)]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist, 2014, 106 p. (In Russ.)

Novoselova L. V. *Itogi fol'klornoy ekspeditsii v Tarskiy i Sedel'nikovskiy rayony Omskoy oblasti (Obzor i publikatsiya materialov)* [Results of the folklore expedition to the Tarsky and Sedelnikovsky districts of the Omsk region (Review and publication of materials)]. In *Fol'klor i literatura Sibiri* [Folklore and literature of Siberia]. Omsk, 1975, issl. 2, pp. 45–64. (In Russ.)

Oblastnoy fond fol'klorno-etnograficheskikh materialov pri Gosudarstvennom tsentre narodnogo tvorchestva Omskoy oblasti [Regional fund of folklore and ethnographic materials at the State Folk Center of the Omsk Region]. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

19.12.2023

Сведения об авторе

Мясникова Софья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры музыкального искусства Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

E-mail: zanya_inbox@mail.ru

ORCID 0000-0002-6690-1608

Information about the Author

Sofia A. Myasnikova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Musical Art, Omsk State University of F. M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation)

E-mail: zanya_inbox@mail.ru

ORCID 0000-0002-6690-1608

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.8

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-117-137

Тувинская «Песня караванщиков»: от монгольских истоков до наших дней

У. О. Донорова

*Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается история тувинской народной песни «Бээжин». В годы Тувинской народной республики (1921–1944) она была заимствована из монгольского первоисточника – песни-пьесы «Сумуяа нойон». После долгих лет забвения, она возродилась в качестве тувинской народной песни «Бээжин» в 1980-е годы. В современной культуре вызывают широкий интерес ее развитие в фольклорной среде и трансформация в авторском песенном творчестве Заслуженного артиста РФ, народно-го хоомейжи Тувы Кайгал-оола Ховалыга. Автор приводит ценные архивные материалы из Фонда рукописей и редких документов Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург), Научного архива Тувинского института гуманитарных и социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, в том числе, несколько образцов в авторском переводе с тувинского на русский.

Ключевые слова

музыкальная культура тувинцев, тувинская народная песня, песня-пьеса, «Бээжин», «Бежин-лама», «Сумуяа ноян», «Сумья-ноён», «Песня караванщиков», музыкальная драма, куплетная форма, монгольское культурное влияние в Туве

Для цитирования

Донорова У. О. Тувинская «Песня караванщиков»: от монгольских истоков до наших дней // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 117–137. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-117-137

Tuvan “Song of the Caravan Leaders”: from Mongolian origins to the present day

U. O. Donorova

*Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tyva, Kysyl, Russian Federation*

Abstract

The article explores the origins and evolution of the Tuvan folk song “Beezhin.” During the years of the Tuvan People’s Republic (1921–1944), the song under study was borrowed from the Mongolian original, the song-play “Sumuyaa noyon.” Since the 1980s until now, the song “Beezhin” has been serving as a folk song in Tuva. Of great interest in modern culture are the ways of adaptation, development in the folklore environment and transformation of this song in the author’s songwriting of the Honored Artist of the Russian Federa-

© У. О. Донорова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

tion, People's khoomeizhi Tuva Kaigal-ool Khovalyg. This research was conducted on the basis of valuable archival materials from the Collection of Manuscripts and Rare Documents of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), the Scientific Archive of the Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, including some samples of the text presented in the author's translation from Tuvan into Russian.

Keywords

musical culture of the Tuvans, Tuvan folk song, song-play, "Beezhin," "Bezhin Lama," "Song of the Karavans," "Sumuyaa noyan," "Sumya-noyon," musical drama, the formation of musical theater in Tuva, Mongolian cultural influence in Tuva/Tuva People's Republic

For citation

Donorova U. O. Tuvinskaya "Pesnya karavanshchikov": ot mongol'skikh istokov do nashikh dney [Representation of the history of the song "Beezhin" in the system of modern culture of Tuva]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 117–137. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-117-137

Введение

Целью данной статьи является реконструкция истории тувинской народной песни «Бээжин»¹, заимствованной тувинцами из Монголии и получившей развитие от народно-театрального и песенно-фольклорного бытования до авторской версии в творчестве Кайгал-оола Ховалыга. Материалом для исследования послужили архивные источники – рукописные документы на старомонгольском и тувинском языках и аудиозаписи исполнения песни-пьесы из Отдела восточных рукописей и редких документов Института восточных рукописей РАН и Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее – НА ТИГПИ). Кроме того, к анализу привлекаются современные образцы данной песни в авторском варианте Кайгал-оола Ховалыга.

В начале 1930-х годов монгольская песня-диалог *харилцаа дуу* «Сумья ноён»² была привезена в Туву тувинскими студентами, обучавшимися в партийной школе при Центральном Комитете Монгольской народно-революционной партии. В Туве песня была переведена на родной язык и получила развитие в нескольких версиях. В НА ТИГПИ имеется текст на тувинском языке, который озаглавлен как «Перевод монгольской пьесы-песни «Сумуя» («Сымыя-ноян»). В наши дни эта песня стала народной для тувинцев и часто называется «Бээжин», по имени другого персонажа пьесы – китайского купца. С другой стороны, песня-песа может рассматриваться как первая в истории Тувы музыкальная драма [Сагды, 1973, 35–37; Найдакова, 1999, 27–28].

Монгольский первоисточник

Судить о монгольском первоисточнике можно по фрагменту песни-пьесы «Сумья ноён» – редкому архивному документу ИВР РАН на старомонгольском языке (см. Приложение 1). Текст и перевод двух парных песенных строф данного текста на русский язык приводит советский и российский учёный-монголовед И. В. Кульганек [Кульганек, 2001, с. 78–79]:

¹ Наиболее распространенное в настоящее время название песни «Бээжин» (*Бээжин* – топоним 'Пекин'; слово китайского происхождения, заимствованное в тувинский язык через монгольский [Татаринцев, 2000, с. 337]) происходит от имени одного из персонажей пьесы – китайского купца и ламы. Кроме того, в концертных программах тувинских ансамблей она называется «*Чиң сөөртүкчүлериниң ырызы*» 'Песня караванщиков'. При появлении пьесы в Туве использовалось монгольское название «Самьяа ноён», которое происходит от имени второго персонажа пьесы, *нойона* 'правителя'.

² Здесь и далее даются варианты написания имени и статуса главного персонажа песни в соответствии с первоисточниками. В переводе на русский язык используется распространенное написание *нойон* (от монг. *ноён*; ср. тув. *ноян*).

*С северо-западной стороны облако –
Опять дождь пойдет.
Задержалось веко правого глаза –
Молоденький Самья придет.*

*С северо-востока облако –
Проливной дождь пойдет.
Зазвенело в левом ухе –
Милый сердцу Самья вспомнился.*

К. Н. Яцковская пишет, что распространение *харилцаа дуу* ‘песен-диалогов’ в Монголии относится ко второй половине XIX века [Яцковская, 1991, с. 687]. Особенно популярными оказались диалогические лиро-эпические и балладные песни о «благородных разбойниках», а также песни-пьесы социально-бытового плана, среди которых отмечен «Князь Самья». Э. Оюун рассматривает монгольские народные песни-диалоги как форму национальной драмы, отмечая песни-пьесы с остродраматическим сюжетом, завязанном на конфликте социального или психологического плана, в котором фигурируют несколько действующих лиц [Очерки, 1971, с. 107]. «Ноён Сумья» определяется исследователем как комедийная песня-диалог, также зафиксированы героическая и трагико-лирическая драмы.

Диалоговая песня-пьеса «Сумья ноён» ставилась в театре на основе активного переосмысления традиций народного творчества, в исполнительском стиле сказителей-музыкантов *хурчи* (исполнитель на морин-хуре). Своеобразные формы народных представлений, порожденные «театром одного актера», инсценирование песен-диалогов подготовили почву для важного события в культурной жизни страны – открытия в 1931 году в Улан-Баторе Государственного монгольского драматического театра [Смирнов, 1971, с. 61].

Музыковед Б. Ф. Смирнов пишет: «один из первых спектаклей драматического кружка, “Сумья ноён”, представляет собой образец так называемой куплетной драмы. Первоначально это была песня-пьеса, которую исполнял один рапсод, предоставляя слушателям дорисовывать воображением события, происходящие в пьесе. Перенесенная на сцену, она уже исполнялась четырьмя исполнителями – действующими лицами, которые пели свои куплеты на один мотив, широко известный в народе. Это был как бы прообраз будущей оперы, так как при всей своей примитивности, это был музыкальный спектакль в полном смысле этого слова» [Смирнов, 1971, с. 120]. Нотировки двух мелодий опубликованы Смирновым под названием «Сумья Ноён. Князь Сумья» (№ 56, 56а) ³. Он указывает, что песня распространилась из районов Внутренней Монголии и характеризуется большим количеством строф, инсценированных на сценах клубной художественной самодеятельности в качестве небольшого спектакля, обличающего представителей феодальной Монголии [Смирнов, 1971, с. 152–154; с. 348].

Представление о музыкальной стороне монгольского варианта народной песни-сценки «Сумья / Самья ноён» можно получить также по архивной радиозаписи, размещенной в сети Интернет ⁴. Все куплеты построены на одной мелодической формуле. Монгольский вариант мелодии песни «Бежин лама (Самия)» обнаружен также в НА ТИГПИ в деле «Монгольские песни с нотами» из архива тувинского писателя О. К. Саган-оола (см. Пример № 1). Автор и время создания нотной расшифровки, а также подтекстовка под нотами не приводятся. Можно говорить о родстве данной мелодии второму варианту напева, опубликованного Б. Ф. Смирновым.

³ Оба варианта зафиксированы в 1940-е гг. в Улан-Батаре: первый – от традиционного исполнителя, скотовода Чультум-Сурэна (Чултэмсурэна) 1906 г. р., второй – от профессионального певца, артиста Государственного Монгольского музыкально-драматического театра Датьева (Дагва) 1900 г. р. Б. Ф. Смирнов указывает, что в 1930-е гг. первый вариант мелодии публиковался в сборниках монгольских песен.

⁴ См. https://youtube.com/watch?v=KqWBIPPS_rE&si=otbdTIFlytmyg2ot.

Пример № 1. Монгольский вариант мелодии песни «Бежин лама (Самия)»⁵

Фольклорное бытование песни в Туве

С 1924 по 1929 годы порядка тридцати девушек и парней из Тувы получили возможность бесплатно обучиться в Монголии. ЦК Монгольской народно-революционной партии подготовил три выпуска партийных кадров ТНР, каждый курс которого проходил обучение по два года. «В 20-е годы нередко Монголия считалась старшей сестрой Тувы, а монгольская культура близкой и родственной...» – пишет доктор культурологии А. К. Кужугет, ссылаясь на работу ученого П. Маслова: «... Молодежь ездит в Улан-Батор учиться в партийной школе, что для тувинских ревсомольцев считалось до сих пор честью, которой удостаивались лишь немногие избранные...» [Кужугет, 2004, с. 193]. Среди выпускников Улан-Баторской партийной школы – М. Сундуй (из Бай-Тайги) и Эрелчин (из Барун-Хемчика), которые после возвращения на родину стали работать в Чадане Дзун-Хемчинского кожууна. Они привезли на родину мелодию и содержание пьесы, с которой они познакомились в Улан-Баторе.

Во второй половине 1932 года в русской школе № 2 с. Чадан впервые в Туве была поставлена пьеса «Сумуя» («Сымыяа-ноян»). Тувинская постановка была построена на диалогах персонажей по принципу монгольского варианта. В музыкальном плане она представляла собой куплетную драму, основанную на одной мелодии. Текст пьесы с монгольского языка на тувинский перевел М. Сундуй⁶. После первой постановки музыкальная драма была одобрена для пропаганды нового общества, обличения лам и феодалов, рекомендована для национального репертуара драмкружков.

Представим краткое содержание монгольской одноактной пьесы, раскрывающей интриги любовного треугольника со счастливым концом. Состоятельный китайский купец Бээжин-Хуурак, в чине ламы, вел успешную торговлю в Улан-Баторе. Здесь он встретил красивую женщину легкого поведения по имени Чуяар. Бээжин-Хуурак часто останавливался у нее, дарил дорогие подарки: красный шелк для *тона* (халата), сапожки с китайским орнаментом, золотое кольцо. Однажды, как только он уехал за товаром в Пекин, Чуяар пригласила домой другого богатого мужчину, китайского князя Самыяа-нойона. Когда Бээжин-Хуурак возвратился с караваном из Пекина, он застал возлюбленную с другим. После словесной перебранки оба мужчины уходят от неверной. В конце концов, не выдержав разлуки, Чуяар упрямивает Бээжин-Хуурака вернуться к ней.

В НА ТИГПИ хранятся текст на тувинском языке и нотировка песни «Самыяа-ноянның ырызы» (*тыва аялгасы*) 'Песня Самыяа-нойона (тувинская мелодия)', записанные в 1969 г.

⁵ НА ТИГПИ, Рукописный фонд, опись 1, дело 1490 (далее соответственно: Р. ф., оп., д.). В описи архивного документа содержится семь «Монгольских песен с нотами», кроме того, 15 песен обозначены как «Ноты на монгольском языке».

Нотные примеры даны на основе архивных документов и для удобства сравнения транспонированы в одну тональность: пример № 2 – на B2↓, пример № 3 – на B2↑.

⁶ Имя М. Сундуя как переводчика пьесы с монгольского на тувинский язык отмечено в архивном документе НА ТИГПИ, Р. ф., оп. 1, д. 380.

К. Ч. Тамдыном⁷. Идея восстановления текста пьесы принадлежит драматургу К. Ч. Сагды. Для записи текста был приглашен Комбу-Лама из Чаа-Холя – исполнитель роли Сумуяа-нойона в первых постановках пьесы в Туве. В работе также принимали участие Ч. С. Сат и Д. Д. Кара-Сал [Сагды, 1973, с. 36–37]. Был зафиксирован текст, включающий 26 песенных строф. В одно-актной пьесе-песне три персонажа поют на одну мелодию (см. Пример № 2)⁸.

Монгольская мелодия подверглась неизбежной адаптации к тувинскому песенному стиху, при сохранении общего мелодического рельефа потребовались некоторые дробления ритма. Тувинский вариант сюжета «Сумуяа-ноян» немного отличается от содержания монгольской драмы «Сумья ноён» (Приложение 2).

Пример № 2. Тувинская мелодия песни «Самыяа-ноянның ырызды». Нотировка К. Ч. Тамдына 1969 г.⁹

Осмысливая значение заимствованной песни-сценки, можно экстраполировать мнение музыковеда Н. Г. Шахназаровой, которая, описывая жанр музыкальной драмы республик Средней Азии и Казахстана, предлагает рассматривать его в функциональной двусмысленности: 1) как самостоятельный жанр, доказавший свою жизнеспособность и популярность в период становления профессиональной музыкальной культуры; 2) как переходный жанр, облегчающий процесс адаптации слушателей к восприятию полноценного оперного спектакля [Мелик-Шахназарова, 1988, с. 36]. Заимствованный жанр монгольской *харилцаа-дуу* получил в Туве сценическое воплощение на тувинском языке, которое можно рассматривать как предтечу музыкальной драмы.

Наиболее широкое распространение в Туве получил все же жанр сольной народной диалогической песни. Благодаря двум вышеуказанным архивным материалам, можем предполагать, что после сценической формы бытования песни-пьесы «Сымыяа-ноян» в г. Чадане, мелодия песни довольно быстро распространилась по республике. Архивные источники ТИГПИ дают представление о фольклорном бытовании народной песни «Бээжин». Так, в 1982 году в Овюрском районе от Б. С. Монгуша (1900 г.р.) зафиксированы 14 строф песни, исполняющихся от лица трёх персонажей на один напев – версию мелодии, основанную на тех же интонациях, но другую по структуре (двустрочная строфа вопросо-ответного характера АА₁). Мотив повторяется с незначительными изменениями на протяжении всего исполнения (см. Пример №3). При расшифровке часто встречаются неразборчивые слова и словосочетания (см. Приложение 3). Слоги соответствуют каждой ноте тувинского текста песни.

⁷ К. Ч. Тамдын – уроженец Дзун-Хемчикского района, владел монгольским и тибетским языками, в 1920-е гг. обучался в Устуу-Хурээ в Чадане, обряд посвящения прошел в Улангоме – центре аймака Увс Монголии. Скорее всего, он видел первые постановки пьесы в Чадане.

⁸ Нотировка приводится без изменений, кроме пятого и последнего тактов, где уточнен размер.

⁹ НА ТИГПИ, Р. ф, оп. 1, д. 380.

Пример № 3. Мелодия песни, записанная в 1982 г. от Б. С. Монгуша из Овюрского района¹⁰.
Нотировка У. О. Доноровой.

В 1986 г. в Бай-Тайгинском районе В. Ю. Сузукей от Д. Х. Ортаата (1916 г.р.) произведена запись песни под названием «Бээжин-Хуурак биле Сымыяа-кыдат дугайында ыры» 'Песня о Бээжин-Хуураке и китайце Сымыяа', включающей шесть строф¹¹. Исполнитель добавил одного персонажа – безымянную сестру блудницы-Шуужар (тув. вариант имени Чуяар / Джуяар), которая останется с ней после ухода мужчин в конце пьесы, как бы провозглашая победу над ними. К сожалению, о мелодии лишь упоминается, как об очень красивой.

Современная история песни

В конце 1980-х годов песня получила известность в новых авторских версиях с названием «Чиң сөөртүкчүлериңиң ырызы» 'Песня караванщиков' благодаря деятельности этнографического ансамбля «Тыва». Основой для авторского творчества послужила запись З. К. Кыргыс от Казака Сандака и Кыргыса Аракчаа [Кыргыс, 2002, с. 38-40]. Вариант включает 11 строф. В нем отсутствует диалоговая форма, вся песня исполняется от лица Бээжина. Интересно, что первоначальный текст диалога Бээжина и Чуяар, в котором выражались претензии о подарках, в последних строфах опубликованного варианта передаются через сомнения Бээжина о полученных подарках возлюбленной от других мужчин, из-за которых она может забыть караванщика.

Мелодия песни, опубликованная в монографии «Тувинское горловое пение», по-видимому, принадлежит артисту первого состава ансамбля «Тыва», ныне ведущему солисту и руководителю фольк-группы «Хун-Хурту», хоомейжи Кайгал-оолу Ховалыгу. По его воспоминаниям, исполняемая информантами в аудиозаписи мелодия никак не ложилась на слух, и он спел её на свой лад. Этот вариант записал на магнитофон участник ансамбля Сергей Ондар. Получилась неспешная, рисующая путь каравана, длинная песня, сочетающая признаки протяжной песни узун ырлар (спокойный темп, распевность) и скорой песни кыска ырлар (периодичность мелодической структуры, сюжетно развитый текст).

Пример № 4. Мелодия песни «Бээжин» в интерпретации Кайгал-оола Ховалыга. Из альбома «Best Live 1» группы «Хун-Хурту», трек №8 «Song Of The Caravan Drivers». Нотировка У. О. Доноровой.

В дальнейшем вариант песни «Бээжин» Кайгал-оола Ховалыга приобрел и новые варианты [Монгуш, 2010, с. 120; 151–153; 178–179; Монгуш, 2012; Донорова, 2021]. В отличие от вари-

¹⁰ НА ТИГПИ, Р. ф., оп. 1, пленка (далее – пл.) 398.

¹¹ НА ТИГПИ, Ф. ф., пл. 516.

анта песни в исполнении ансамбля «Тыва», где музыкальная композиция основана на простой периодичности, в музыкальном прочтении группы «Хун-Хурту» обнаруживается логичная трехчастность: инструментальное вступление – I часть из двух строф (солирует Кайгал-оол Ховалыг в обычной певческой манере) – инструментальный проигрыш – II часть из двух строф (солирует Кайгал-оол с использованием *каргыраа*, *хоомей*) – инструментальный проигрыш – III часть из трех строф (построфно исполняют Радик Тюлюш, Алексей Сарыглар и Кайгал-оол в манере *каргыраа*) – инструментальный проигрыш – Coda (новый вариант мелодии с текстом про ненавистного китайца в исполнении Кайгал-оола и картины уходящего вдаль каравана).

Пример 5. Вариант песни из совместного проекта группы «Хун-Хурту» с болгарским хором «Angelite».

Наряду с варьированием текста (строфы переставлены, фразовые окончания «*шуу-ай*» заменены на нетипичные для тувинского фольклора «*айа-хоо*»), заметные изменения коснулись и мелодии: начальная фраза каждый раз расширена вдвое за счет добавления нового такта, фразовые окончания «*айа-хоо*» продлены на одну четверть (см. Пример 5). Таким образом, авторский подход Кайгал-оола заключается в постоянном стремлении обновлять материал. Такие приемы, как свободная ритмика (в том числе и переменные размеры), ангемитонные ладовые модели, вариантно-вариационное развитие, характерная тематика и принципы поэтического текста, прибавление к открытым конечным слогам окончаний *-й* указывают на то, что интерпретация Кайгал-оола связана «одной пуповиной» с традицией устного народного творчества тувинцев. Именно так он поступил с народной песней «Бээжин», которую свободно переиначил на свой лад и продолжает неустанно варьировать.

Заключение

Итак, народная песня «Бээжин» претерпела в своем становлении и развитии несколько этапов. Важно отметить, что авторская песня, основанная на фольклорной музыке, становится поистине «народной» и наоборот, фольклорная музыка, выносимая на сцену, становится авторской. Однако весь исторический период фольклорная музыка существовала в разных ипостасях – как бытование культурных традиций и как авторская интерпретация на сцене, поэтому сегодня, во время всевозможных трансформаций культуры, особенно важен профессиональный подход к вопросу интерпретации музыкального фольклора для его дальнейшей трансляции [Сушкова, Коноваленко, 2016, с. 199].

Бытующий у тувинцев вариант песни «Бээжин» – результат культурного заимствования из монгольской культуры, который приобрел в Туве вторую жизнь в качестве народной песни. Значение песни «Бээжин» в тувинской культуре велико. Она является национальным достоянием, хранится в памяти народа и бытует в самых разных вариантах, часто включается в репертуар современных тувинских фолк-групп и фольклорно-этнофольклорных ансамблей.

Список литературы

- Донорова У. О. Непокколебимый сын горы Дугай / под ред. Е. К. Карелиной. СПб.: Изд. дом «Сциентиа», 2021. 193 с. https://doi.org/10.32415/scientia_978-5-6045762-3-6
 Кужугет А. К. Культура и искусство ТНР // УЗ ТИГИ. Кызыл, 2004. Вып. XX. С.192–213.
 Кульганек И. В. Мир монгольской народной песни. СПб., 2001. 217 с.

Кыргыс З. К. Тувинское горловое пение: этномузыковедческое исследование / отв. ред. И. В. Мациевский. Новосибирск: Наука, 2002. 236 с.

Мелик-Шахназарова Н. Г. Национальная традиция и композиторское творчество. Эволюция взаимодействия (опыт музыкального искусства республик Закавказья и Средней Азии): автореф. ... д-ра иск. М., 1988. 47 с.

Монгуш У. О. История песни «Бээжин» в музыкальной культуре тувинцев / Культура Тувы: прошлое и настоящее: Сб. мат. науч.-практ. конф. Кызыл, 2012. Вып. 3. С. 47–54.

Монгуш У. О. Своевольный Ховалыг и группа «Хун-Хурту». Кызыл, 2010. 188 с.

Найдакова В. Ц. Тувинский театр: Учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 1999. 160 с.

Очерки истории культуры МНР / под ред. Ц.-А. Дугар-Нимаева, Е. М. Залкинда, Д. Д. Лубсанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 509 с.

Сагды К. Ч. История возникновения тувинского театра. Кызыл: Тув. кн. изд., 1973. 140 с.

Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Сов. композитор, 1971. 365 с.

Сушкова Л. Н., Коноваленко С. П. Принципы интерпретации музыкального фольклора в учреждениях высшего профессионального музыкального образования // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 5–1. С. 196–200. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35884> (дата обращения: 26.12.2023).

Яцковская К. Н. Монгольская литература [второй половины XIX в.] // История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1991. Т. 7. 687 с.

Список архивных источников

ОРИД ИВР РАН, д. С-279, № 709.

НА ТИГПИ, Р. ф., оп. 1, д. 380.

НА ТИГПИ, Р. ф., оп. 1, д. 322 «Воспоминание Монгуша Монгеевича Самбу об учебе в партшколе при ЦК МНРП и о работе в Дзун-Хемчинском хошкome ТНРП, нап. 26.07.1966 г.».

НА ТИГПИ, Ф. ф., пл. 398.

НА ТИГПИ, Ф. ф., пл. 516.

НА ТИГПИ, Р. ф., оп. 1, д. 1490.

References

Donorova U. O. *Nepokolebimyy syn gory Dugay* [Unshakable son of Mount Dugay]. E. K. Karelina (Ed.). St. Petersburg, Stsientia, 2021, 193 p. (In Russ.). https://doi.org/10.32415/scientia_978-5-6045762-3-6 (In Russ.)

Kul'ganek I. V. *Mir mongol'skoy narodnoy pesni* [The world of Mongolian folk song]. St. Petersburg, 2001, 217 p. (In Russ.)

Kuzhuget A. K. *Kul'tura i iskusstvo TNR* [Culture and art of the TPR]. In *Uchenye zapiski Tuvinskogo Instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Notes of the Tuva Institute of Humanitarian Research]. Kyzyl, 2004, iss. XX, pp. 192–213. (In Russ.)

Kyrgys Z. K. *Tuvinskoe gorlovoe penie* [Tuvan throat singing]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 236 p. (In Russ.)

Melik-Shakhnazarova N. G. *Natsional'naya traditsiya i kompozitorskoe tvorchestvo. Evolyutsiya vzaimodeystviya (opyt muzykal'nogo iskusstva respublik Zakavkaz'ya i Sredney Azii)* [National tradition and composer creativity. The evolution of interaction (the experience of the musical art of the republics of Transcaucasia and Central Asia)]. Abstract of Doct. of Art. sci. diss. Moscow, 1988, 47 p. (In Russ.)

Mongush U. O. Istoriya pesni “Beezhin” v muzykal'noy kul'ture tuvintsev [History of the song “Beezhin” in the musical culture of Tuvans]. In *Sb. mat. nauch.-prakt. konf. “Kul'tura Tuvy: proshloe*

i nastoyashchee” [Coll. of proc. of sci. and prakt. conf. “Culture of Tuva: past and present”]. Kyzyl, 2012, iss. 3, pp. 47–54. (In Russ.)

Mongush U. O. *Svoevol’nyy Khovalyg i gruppa “Khun–Khurtu”* [Self-willed Khovalyg and the Hun–Khurtu group]. Kyzyl, 2010, 188 p. (In Tuvan, in Russ.)

Naydakova V. Ts. *Tuvinskiy teatr. Uchebnoe posobie* [Tuvan theater. Study guide]. Ulan-Ude, Izd.–poligraf. kompleks VSGAKI, 1999, 160 p. (In Russ.)

Ocherki istorii kul’tury MNR [Essays on the history of culture of the Mongolian People’s Republic]. Ts.-A. Dugar-Nimaev, E. M. Zalkind, D. D. Lubsanov (Eds.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1971, 509 p. (In Russ.)

Sagdy K. Ch. *Istoriya vozniknoveniya tuvinskogo teatra* [The history of the emergence of the Tuvan theater]. Kyzyl, Tuv.kn. izd., 1973, 140 p. (In Russ.)

Smirnov B. F. *Mongol’skaya narodnaya muzyka* [Mongolian folk music]. Moscow, Sov. kompozitor, 1971, 365 p. (In Russ.)

Sushkova L. N., Konovalenko S. P. Printsipy interpretatsii muzykal’nogo fol’klora v uchrezhdeniyakh vysshego professional’nogo muzykal’nogo obrazovaniya [Principles of interpretation of musical folklore in institutions of higher professional musical education]. *Modern high technologies*. 2016, no. 5–1, pp. 196–200. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35884> (accessed 26.12.2023). (In Russ.)

Yatskovskaya K. N. Mongol’skaya literatura vtoroy poloviny 19 v. [Mongolian literature of the second half of the 19th century]. In *Istoriya vseмирnoy literatury: v 8 tomakh* [History of world literature: in 8 vols.]. IWL RAS. Moscow, Nauka, 1991, vol. 7, 687 p. (In Russ.)

List of archival sources

ORiD Institute of Oriental Manuscripts RAS, D. No. S–279, inv. 709.

Scientific Archive of the Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, R.F. No. 1, op. 1, D. No. 380.

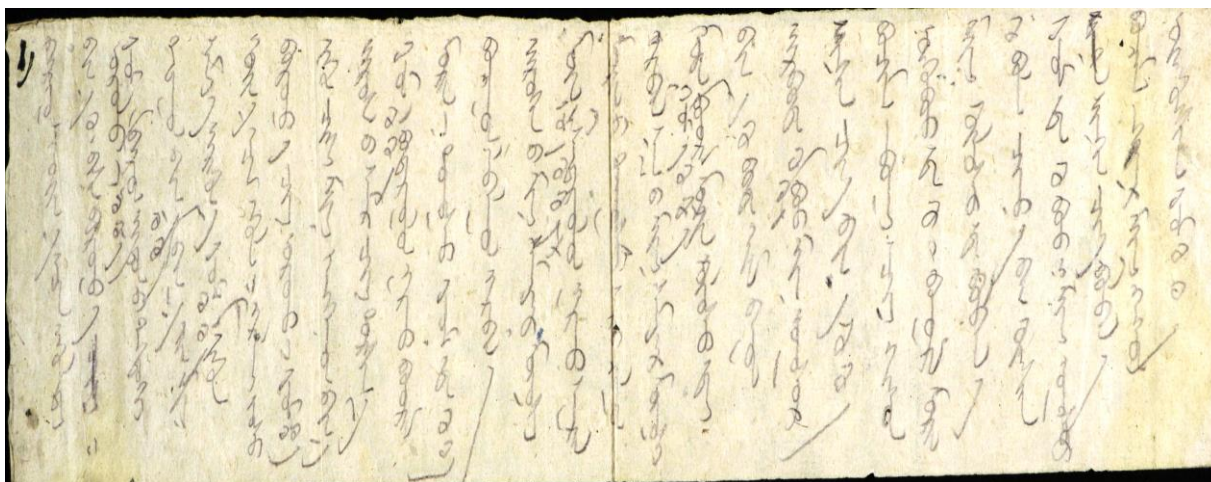
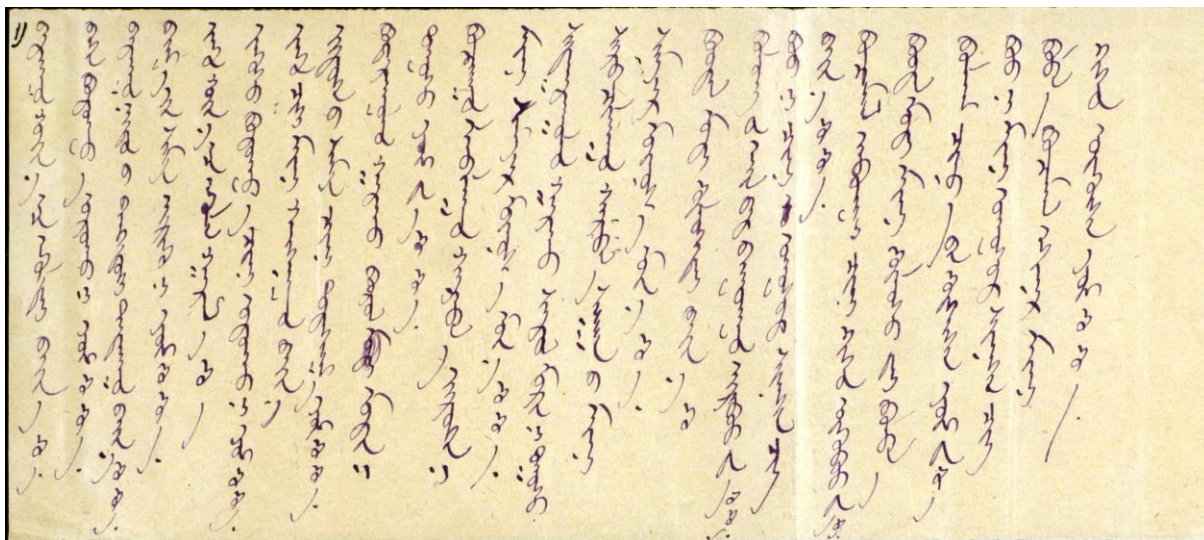
Scientific Archive of the Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, R.f. No. 1., op. 1, D. No. 322 “Vospominanie Mongusha Mongeevicha Sambu ob uchebe v partshkole pri TsK MNRP i o rabote v Dzun–Khemchinskom khoshkome TNRP, nap. 26.07.1966 g.” [“Memories of Mongush Mongeevich Sambu about his studies at the party school under the Central Committee of the MPRP and about his work in the Dzun–Khemchinsky khoshkom of the TPRP, written on 26.07.1966”]

Scientific Archive of the Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, Fono f. No. 3, Pl. No. 398.

Scientific Archive of the Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, Fono f. No. 3, Pl. No. 516.

Фрагмент песни-пьесы «Сумья ноён» на старомонгольском языке¹²

Перевод со старомонгольского языка на современный монгольский и русский В. Б. Салчака

Баруун хойноос үүлтэй байна хөө
Бас бороо орох нь юм хөө хөө
Баруун нүдний (бандуси?) татаад байна хөө
хөө
Багын Самьяа ирэх нь юм хөө хөө

Зүүн хойноос үүлээ гарлаа хөө
Зүс бороо чинь орох нь юм хөө хөө
Зүүн чих минь хангинаад байна хөө
Зүрхний Самьяа чинь дурсаа юм хөө

Виднеются облака на северо-западной стороне
(Это) опять дождь пойдет.
Задергалось [...] правого глаза в судороге –
(Значит) молоденький Самьяа придет.

Вышло облако из северо-востока–
(Это) к продолжительному дождю.
Мое правое ухо звенит
Близкий сердцу моему Самьяа вспомнился.

¹² ОРиД ИВР РАН, д. С-279, № 709.

Бутараад гарах буурал морь морины тоос юм
даа хөө хөө!

Буцаад лавлаад харвал зүрхний минь *Самьяр*
Мөнөөс юмаа хөө хөө!

(*Шадарлуулан?*) гарах саруул морь нь тоос!

Саравчлаад харвал санааны минь *Самьяр*
Мөнөөс юмаа хөө!

Буурал морь хөлөгтөй байна хөө!

Болорын айлаар буугаад ирэв үү дээ хөө хөө?

Буу нь чинь оосор шинэсэн чиг байна хөө хөө!

Буцмал авгай чинь хясан үхэв үү дээ хөө?

Буурал морь минь хөлстөй болвол
(*Булхам?*) чоноо хөөсөн юм даа хөө!

Буу нь минь оосор шинэсэн чиг болов оо!

Буцмал эхнэр минь хясан үхсэн юм хөө хөө!

Клубится пыль от чалого коня!

Если внимательно приглядеться, то это близ-
кий сердцу моему *Самьяр Моноос*!

Приглядываюсь вдаль, клубится пыль от сиво-
го коня!

Это *Самьяр Моноос*, о нём соскучилась я!

Есть на ком скакать, это чалый конь!

Заезжал ли ты в юрту к *Болороо*?

Ремень твоего ружья, кажется, обновлён!

Убегающая домой жена твоя мучительно
умерла ли?

Чалый мой конь если вспотел,

То за (каким-то) волком гонялся!

Ремень ружья моего, кажется, обновлён!

Часто убегающая домой жена моя мучительно
умерла!

Приложение 2

Appendix 2

**Текст песни-пьесы «Сумуя» на тувинском языке,
восстановленный в 1969 г. К. Ч. Тамдыном¹³**

Перевод на русский язык У. О. Доноровой

*Бээжин-Хуурак 50 тевелерлиг
Бээжинден кел чоруур. Уругга чараиш
көстүр дээш, сидиш-биле чунуп алыр
үези. Бээжин-Хуурактың орукка кел
чорааш ырлаары.*

Лама:

Бээжинден үнгенден бээр

Бежен хонуп чоруп ор мен, шуу.

Бежен теве (чүгү) бараанымны

Белде каггаш, чоруп ор мен, шуу.

Мээң сарыым Чуяарны

Сактывыла кээримге, шуу.

Бежен теве (чүгү) бараан сугда,

Чүнүң херээ тургулаарыл, шуу.

Аалымдан үнгенден бээр

*Бээжин-Хуурак с пятьюдесятью верблюдами, воз-
вращаясь из Пекина домой, чтобы показаться бод-
рым и красивым своей девушке, по пути умылся своей
мочой. В пути он неустанно поет.*

Лама:

Как я выехал из Пекина,

В пути провел пятьдесят ночей и дней, шуу.

Свой товар, загруженный на пятидесяти верблюдах,

Оставив у подножия горы, еду домой, шуу.

Возлюбленную мою Чуяар,

Как только я вспомню, шуу.

Товар, загруженный на пятидесяти верблюдах,

Ненужным кажется мне, шуу.

Как я выехал из аала моего,

¹³ НА ТИГПИ, Р. ф., оп. 1, д. 380.

Алдан хонуп чоруп ор мен, шуу.
Алдан тева бараанымны
Черде кагаш, чоруп ор мен, шуу.

Анай-кара Чуяарымны
Сактывыла кээримге, шуу.
Алдан тева бараан сугда,
Ында чүнүң херээ-ле боор, шуу.

*Уругнуң аалынга келген. Баглаашта
аът турган. Өгдө ноян кижии кадайы-
биле кады чытканын көрүп каар.*

Лама:

Баглаажыңның доорзунда
Манган ала чаваа турар, шуу.
Барыын чүктүң байларындан
Маңнап келген чакпыыл боор бе, шуу?

Баарыңда манзы кырында
Паштыг кара кыдат чыдар, шуу.
Барыын чүктүң байларының
Паштанчызы чалча чоор бе, шуу?

Чуяар:

Баглаажыңның доорзунда
Манган ала чаваа дээрин, шуу.
Бай-ла болгаш ызыгуурлуг
Ноян кижии хөлгези-дир, шуу.

Баарымда манзы кырында
Паштыг кара кыдат дээрин, шуу.
Бай-ла болгаш ызыгуурлуг
Ноян кижии төлү чүве, шуу.

Лама:

Ханаңайның доразында
Кара-доруг чаваа турар, шуу.
Кайы чүктен маңнап келген
Кандыг байның чакпылы боор, шуу?

Хажыңайда манзы кырында
Хааш кара кыдат чыдар, шуу.

В пути провел шестьдесят ночей и дней, шуу.
Свой товар, загруженный на шестидесяти верблюдах,
Оставив в пути, еду домой, шуу.

Единственную мою Чуяар,
Как только я вспомню, шуу.
Товар, загруженный на шестидесяти верблюдах,
Нипочем кажется мне, шуу.

*Бээжин-Хуурак подъехал к юрте Чуяар, видит привя-
занного к коновязи коня. Он застал в юрте свою лю-
бимую, лежащую с другим мужчиной.*

Лама:

На основании коновязи привязан
Бело-пегий стригунок, шуу.
От западных богатеев
Может, безхозный убежал, шуу?

Перед тобою на доске
Лежит черный китаец-сифилитик, шуу.
Может, западных богатеев
(Он) кухарка-прислужник, шуу?

Чуяар:

Привязанный внизу коновязи
Не просто бело-пегий стригунок, шуу.
Родовитого и богатого
Это конь нойона, шуу.

Передо мною, на доске
Как говоришь, черный китаец-сифилитик, шуу.
Родовитого и богатого,
Сын нойона, шуу.

Лама:

Вдоль стенки юрты твоей
Стоит жеребенок черной масти, шуу.
С какой стороны прибежал,
Бродячий какого бая (он), шуу.

Под боком твоим на ложе
Гнусавый черный китаец лежит, шуу.

Кайы чүктен чедип келген
Кандыг байның шагаачызыл, шуу.

Чуяар:

Ханаңайның доорзунда
Кара-доруг чаваа дээрин, шуу.
Хаан болгаш ызыгуурлуг
Ноян кижиге хөлгези-дир, шуу.

Хажыымайда манзы кырында
Хааш кара кыдат дээрин, шуу.
Кара чаңгыс бодумайга
Карам боор дээш келген эжим, шуу.

Лама берген чүвезин негей бээр.

Лама:

Эдиимейни эккел, уруг,
Эдик ышкаш эдик деп бе, шуу?
Эжен хаандан чагыдып алган
Эрээн-шокар эдик чүве, шуу.

Эдеришкениң Самыяа-ноян
Эрзек эшти, сени канчаар, шуу.
Эдиимейниң хевээртизин
Эгидип-ле бээр сен бе, шуу.

Чуяар:

Эдиинейни бээриниң
Үезинде Лама-ла сен, шуу.
Эжим тургаш, карам тургаш,
Харам чокка берген-не сен, шуу.

Эдиинейни алыр-ла деп
Бодазыңза [...], шуу.
Эжиимейниң аксынайга
Тейлеп тургаш ал даан, Лама, шуу.

Лама:

Билзиимейни эккел, уруг,
Билзик ышкаш билзик деп бе, шуу?
Бээжинден чагып алган

С какой стороны прибыл сюда,
И какого бая прислужник (он), шуу.

Чуяар:

Вдоль стены юрты моей
Как говоришь, черный жеребенок, шуу.
Родовитого, с ханскими корнями
Скакун нойона, шуу.

Под боком на ложе
Как говоришь, черный гнусавый китаец, шуу.
(Он) для меня одинокой
Друг, пришедший, чтобы стать возлюбленным шуу.

Лама требует вернуть подарки.

Лама:

Верни мне мою обувь, девка,
Ты думаешь, что это простая обувь идики?
От самого Эжена-Хана заказанные
Эти красиво расшитые идики, шуу.

Запутавшему с тобою Самыяа-нойону,
Нужна ли ты, развратная блудница?
Те идики, подаренные мною,
Лучше ты в целости верни, шуу.

Чуяар:

Когда ты дарил мне идики
В те времена, Лама, шуу,
Был мне другом и милым
Отдал ты без корысти, шуу.

Если захотел вернуть (свои) идики,
Если замыслил [...] шуу.
Тогда у порога юрты моей
Возьми, молясь и поклоняясь, Лама, шуу.

Лама:

Верни кольцо мое, девка,
Ты думаешь, что это простое колечко?
Оно заказано из Пекина,

Миндириялыг алдын чүве, шуу.

Освященное Миндирия золото, шуу.

Берикениң Самыяа-ноян
Эрзек эшти, сени чоорул, шуу?
Билзиимейниң хевээртизин
Эгидип-ле берем, уруг, шуу.

Связанному с тобою Самыяа-нойону
Нужна ли ты, распутная блудница?
Мое колечко, в целости
Ты верни, девка, шуу.

Чуяар:

Билзиимейни бээриңниң
Үезинде Лама-ла сен, шуу.
Карам тургаш, эжим тургаш,
Харам чокка берген-не сен, шуу.

Чуяар:

Когда ты дарил мне колечко
В те времена, Лама, шуу.
Ты же был мне другом и милым,
От души бескорыстно же подарил, шуу.

Билзиимейниң соонайдан
Иштиң аарып турзунайза, шуу.
Мээң-биле чарылдым дээш,
Бежен тейлээш, ал даан, Лама, шуу.

За свое дарёное колечко
Теперь ноешь ты всем нутром, шуу.
Прежде чем расстаться со мной,
Пятьдесят раз поклонись и возьми, Лама, шуу.

Лама:

Торгумайны эккел, уруг,
Торгу ышкаш торгу деп бе, шуу?
Тос-ла чүзүн барааннардан
Шилип тургаш алган торгум, шуу.

Лама:

Ты верни мне шелк, девка,
Ты думаешь, он простой шелк, шуу?
Из девяти разнообразных тканей
Я этот шелк выбирал, шуу.

Доңнашканың Самыяа-ноян
Дора-ла өлчүк сени канчаар, шуу?
Торгумайның хевээртизин
Дораан меңээ эгит, уруг, шуу.

Связанному с тобой Самыяа-нойону
Нужна ли ты такая голодранка, шуу?
Ты лучше мне шелк (мой) в целости
Верни мой побыстрей, девка, шуу.

Чуяар:

Торгунайның [...]
Үезинде Лама-ла сен, шуу.
Доруун шымбай кижиле бооп,
Харам чокка берген-не сен, шуу.

Чуяар:

Когда ты дарил мне шёлк твой
В те времена ты, Лама, шуу.
Притворяясь щедрым человеком,
Дарил без задней мысли бескорыстно, шуу.

Торгунайның соонайдан
Иштиң аарып турзунайза, шуу.
Доңга бажың бузулгуже
Тейлеп тургаш, ал даан, Лама, шуу.

А теперь вслед подаренному шелку
Ноешь ты всем нутром, шуу.
Голову, подобную кувшину, до осколков
Вымаливай, тогда получишь, Лама, шуу.

Лама:

Авыр болгаш шинчиңейни

Лама:

В лицо и образ (твой)

Көрүвүлө турарымга, шуу.
Амбын болгаш нояннарның
Кадыны дег, шинчи бар-дыр, шуу.

Алыксак, чиксек сеткилицни
Алгаш-ла көөрүмге, шуу.
Алдан-даа, беш-даа эрге барза,
Ханмас хире уруг-дур сен, шуу.

Чуяар:
Алдын сарыг оваадайдан,
Көрүвүлө турарымга, шуу.
Аймак болгаш хүрээлернин
Башкызы дег, Лама-дыр сен, шуу.

Аажы болгаш чаңыңайны алгаш
Көрүп-ле турарымга, шуу.
Аалдарның аразында
Аскыр ыт дег Лама-дыр сен, шуу.

Лама:
Овур болгаш шинчиңейни
Көрүвүлө турарымга, шуу.
Ноян болгаш хааннарның кадыны дег
Уруг-дур сен, шуу

Ойлук-ла чок чорууңайны
Алгаш-ла көөрүмге, шуу.
Он-даа, беш-даа эрге барза,
Ханмас хире эрзек-тир сен, шуу.

Чуяар:
Кызыл торгу тонуңайны
Көрүвүлө турарымга, шуу.
Кыйгы болгаш аймактарның
Башкызы дег Лама-дыр сен, шуу.

Кылың болгаш чаңыңайны
Көрүвүлө көөрүмге, шуу.
Кызыр инек хыймазында
Кырган буга ышкаш-тыр сен, шуу.

Когда пристально смотрю, шуу.
Амбына и нойонов
Внешне ты подобна женушке, шуу.

В твою жадную, поганую душу,
Когда заглядываю, шуу.
Хоть шестьдесят, хоть пять мужчин,
Поимев, не насытишься, девка, шуу.

Чуяар:
На золотисто-желтую шапку твою,
Когда смотрю неустанно, шуу.
Аймаков и монастырей
Учителем кажешься мне, Лама, шуу.

Твой нрав и повадки твои,
Когда наблюдаю неустанно, шуу.
То мне кажешься, всех аалов
Бродячим кобелем, Лама, шуу.

Лама:
Когда на твой образ и вид,
Пристально смотрю, шуу.
Нойонов и ханов женам
Подобна ты, девка, шуу.

Твое беспутство и разврат
Когда вижу неустанно, шуу.
Десяти или пяти мужчин
Поимев, не насытишься, шуу.

Чуяар:
На твой красный шелковый халат
Когда смотрю пристально, шуу.
Для всех племён и аймаков
Ты кажешься учителем, Лама, шуу.

Твой гнев и нрав крутой,
Наблюдаю многократно, шуу.
На заднице нетелившейся коровы повисшим
Ты кажешься старым быком, шуу.

Лама:

Халбыыш баштыг кара хөржү,
Какпак сынныг кара хөржү, шуу.
Кара чаңгыс анай-даа чок,
Хаван ядыы кара хөржү, шуу.

*Самыя-ноян дыңнап чыткаш, уругнуң
чанындан тура халыыр. Бээжин-
Хууракка чоокиулап келгеш, ол ырлап
эгелээр.*

Самыя-ноян:

Ажыг шалбаа кыдынайда
Азырганчыг чылан оглу, шуу.
Азарларда улу-биле демисежип
Кайыын шыдаар, шуу.

Аймаа садыг чоруун кылган
Азарганчыг шалдаң лама, шуу.
Амбын-ноян мээң-биле
Демисежип шыдавас сен, шуу.

Терек ыяш доорзунда
Терлешкин дег чылан оглу, шуу.
Дээрлерде улу-биле демисежип
Кайыын шыдаар, шуу.

Делгүүр садыг чоруун кылган
Тенек шалдаң сен-даа хөөкүй, шуу.
Дээр уктуг мээң-биле
Демисежип шыдавас сен, шуу.

*Самыя-ноян ырлаарга, Бээжин-Хуурак
сести бергеш, чоруурун бодай бээр.*

Лама:

Алдынныг-ла чүве дидир –
Самыя-ноян сен-не-дир сен, шуу.
Алдын-биле аргалааштың,
Амыраамдан чарып алдың, шуу.

Алдын-мөңгүн төне берген

Лама:

С головой, подобной лопате, черная лгунья,
С вогнутым станом, черная врунья, шуу,
Ни одного козленка не имеющая,
Отвратительно нищая, черная лгунья, шуу.

*Самыя-нойон лежит, слушает все происходящее.
Встает из ложи Чуяар, приближается к Бээжин-
Хуураку и начинает петь.*

Самыя-нойон:

По краю застывшей вонючей лужи
Малюсенький змееныш, шуу.
С драконом на поднебесной
Разве может бороться, шуу.

Из рода торговцев нищий
Голенький лама, не сможешь, шуу,
Амбын-нойоном со мной
Бороться не сможешь ты, шуу.

Ползучий у корней деревьев, тополей,
Червяку подобный змееныш, шуу.
На небесах бороться с драконом
Разве сможет, шуу.

Помышляющий перекупом и торговлей
И ты, глупенький, голенький бедняк, шуу,
С небесно-родовитым со мной
Не сможешь тягаться, шуу.

*Как спел Самыя-нойон, Бээжин-Хуурак насторожил-
ся, думает уходить.*

Лама:

Говорят, что он алтынный (с золотом),
Так это ты же, Самыя-нойон, шуу.
Затуманив глаза милой золотом,
Ты разлучил меня с милой (моей), шуу.

Истратившему свое золото и серебро,

Бээжин-Хуурак мен-даа чүү боор, шуу. Арьябола маанайым санап, номчуп Чортуп орайн, шуу.	Бээжин-Хуураку, мне-то что, шуу. Прочитая сутру Арьябола, перебирая четки (свои), Медленным шагом уйду, шуу.
Чоостуг-ла чүве дидир – Самыяа-ноян сен-не-дир сен, шуу. Чоос-биле мегелээштиң, Чогумумдан чарып алдың, шуу.	Говорят, что он с монетами, Ах, это ты же, Самыяа, шуу. Монетами приманив, обманывая Ты разлучил меня с милой, шуу.
Чоос, мөңгүн төне берген Бээжин-Хуурак менде чүү боор, шуу. Човалаңның маанайын номчуп Чоруп чораай-ла мен, шуу.	Оставшемуся без денег, Мне, Бээжин-Хуураку нипочем, шуу. Читая сутру страданий (своих), Буду бродить по своему пути, шуу.
<i>Уругнуң ийи ашаа каггаш, чорупкан- нар. Чуяар сактып ырлап эгелээр</i>	<i>Мужчины вдвоем уходят. Чуяар печально поет.</i>
<i>Чуяар:</i> Мурнуу эдээ өрттенир деп, Муңгаранчыг чүве-ле-дир, шуу. Мурнуу чүктүң бурганнарының Килеңи-даа четкен чоор бе, шуу.	<i>Чуяар:</i> Когда горит передний подол, Ой, как страшно, ой, как печально, шуу. Боги южной стороны, может быть, Наслали свой гнев на меня, шуу.
Мурнунайда тыптып келген Булгааш баштыг Бээжин-Хуурак, шуу. Бужурганчыг хөрээмейни Булгандырып кааплатты, шуу.	Появившийся спереди, Круглоголовый Бээжин-Хуурак, шуу. Всю мою душу, раздражая, Вымотал, замутил, шуу.
Соңгу эдээ өрттенир деп, Чоралыг-ла чүве-ле-дир, шуу. Соңгу чүктүң хамнарының Каргыжы-даа четкени ол бе, шуу?	Когда горит задний подол, Ой, как горько, ой, как печально, шуу. Северной стороны шаманы, может быть Наслали зловещий, грозный гнев, шуу.
Соонайда тыптып келген Чокпак салдыг Самыяа-ноян, шуу, Чоруп чораан бодумайга Човалаңныг болу берди, шуу.	Появившийся сзади, С густой бородой Самыяа-нойон, шуу, Мне, тихо, смиренно живущей Причинил горе и печаль, шуу.

Чуяар ийи ашаан келген болза деп, келигзиндирип ырлай бээр. Бээжин-Хуурак дедир чедип кээрге, дискек кырынга сөгөдөп олургаш хүлээп алгаш, өөнче чедип алгаш кире бээр.

Чуяар:

Башкы, соңгу тайгалардан
Бараан булут тыртып турар, шуу.
Базып турган кара черге
Хар-ла чаашкын чаар дээн бе, шуу.

Баарымның шыңган эди
База катап тыртып турар, шуу.
Баштак-кара Бээжин-Хуурак
Моорлап орап чүве боор бе, шуу.

Соңгу, башкы тайгалардан
Шораан булут тыртып турар, шуу.
Сонуурганчыг бо-ла черге
Солун чаашкын чаар дээн бе, шуу.

Солагай чарык караам алды
База катап тыртып турар, шуу.
Чокпак салдыг Самыяа-нойон
Моорлап орап чүве боор бе, шуу.

Лама биле Чуяар каттыжып алгаш, өөнче кире бээр.

Чуяар:

Көрүвүлө турарымга,
Көстүвүлө чедип келдин, шуу.
Күдүк базып, олура дүшкеш,
Амагалаң айыткаайын, шуу.

Хүрең-шокар хөлгө сүрүү
Хүр-ле бе, менди бе? - дээш, шуу.
Хүрең торгу тонуңайдан,
Чедип алгаш, кире бердим, шуу.

Шии төнгөн.

Чуяар зазывает двух своих мужчин песней. Бээжин-Хуурак возвращается. Он сел на колени, встает и берет за руки Чуяар. Ведет к юрте и оба заходят.

Чуяар:

С передних и северных тасжных хребтов
Поднимаются тучи, собираясь, шуу.
На эту черную землю, по которой я хожу,
Может, дождь пойдёт со снегом, шуу.

Мышцы печени моей
Повторно натянулись, шуу.
Милый шутник мой, Бээжин-Хуурак
Приближается что ли ко мне, шуу.

С северных и передних хребтов
Поднимаются тучи, собираясь, шуу.
В это заинтересовавшее мною место
Может быть, хлынут дивные дожди, шуу.

Под левым глазом моим
Вновь что-то дергается, шуу.
Пышнобородый Самыяа-нойон
Пожаловать собирается что-ли, шуу.

Лама и Чуяар, соединившись вместе, входят в юрту.

Чуяар:

Смотрю-смотрю неустанно
Показалось, что ты идешь, шуу.
Став на колени перед тобой,
 Попрошу, надевая недоуздок, шуу.

Коричнево-пестрый твой табун
В целости, сохранности? – спросив, шуу.
Взяв за халат из коричневого щёлка
Я вошла, взявши за руку (твою), шуу.

Конец пьесы.

Билдинмес сөстөрү:

Шагаачы – айбычы кижы.

Тейлээри – бурганга, ноянга, ламага.

Миндирия – чеди эртинениң бирээзи (чер шынарлыг).

Авыр – омур-хевир.

Кыйгы – аймак улус ады.

Азарлар – дээрде ораннар.

Терлешкин – шыйлашкын ышкаш амытан ады.

Делгиир садыг – Базаа садыы.

Арыбола – чүдүлге сөзү, бурган ады.

Непонятные слова:

Шагаачы – посыльный, слуга.

Тейлээри – *рел.* молиться, креститься (божествам или знатым людям с чином нойона / ламе).

Миндирия – *рел.* один из семи драгоценностей буддийского учения (с элементом земли).

Авыр – образ.

Кыйгы – название родового племени.

Азарлар – *рел.* миры в небесах.

Терлешкин – название змееподобной твари.

Делгиир садыг – место продажи и покупки (наподобие базара).

Арыбола – *рел.* одно из божеств в буддийском учении.

Константин Тамдың сактып бижээн, декабрь 13, 1969 ч.

Приложение 3
Appendix 3

**Текст пьесы, записанной в 1982 г. от Б. С. Монгуша из Овюрского района
на VI Республиканском слете сказителей и певцов¹⁴**

Перевод на русский язык У. О. Доноровой

[Бээжин:]

Баглаажыңның доорзунда

Маңган ак-ла чаваа турар, шуу.

Барыын чүктүң байларындан

Маңнап келген чакпыыл боор бе, шуу?

Баарыңда манза кырында

Паштыг кара кыдат оран, шуу.

Барыын чүктүң байларының

Паштанчызы чүве боор бе, шуу?

Хаалганың кастыынайда

Калчан кара чаваа турар, шуу.

Кайы чүктен маңнап келген

Кандыг байың чакпылы боор, шуу.

Хажыынайда манза кырында

Хааш кара кыдат оран, шуу.

Кайы чүктүң байларының

[Бээжин:]

На основании коновязи привязан

Белоснежный стригунок, *шуу.*

От западных богатеев

Может, безхозный убежал, *шуу?*

Перед тобою на доске

Сидит черный китаец-сифилитик, *шуу.*

Может, западных богатеев

(Он) стряпуха-прислужник, *шуу?*

У косяка (наличников) двери

Стригунок плешивый стоит, *шуу.*

С какой стороны прибежал (он)

Какого богатея бесхозный конь, *шуу.*

Сбоку на плахе

Сидит черный гнусавый китаец, *шуу.*

Какой стороны богатеев

¹⁴ НА ТИГПИ, Ф. ф., оп. 1, пл. 398.

Шагаачызы чүве боор оң, шуу.

[Самуя нойон:]

Сарыг торгу [...]

Санажып-ла көөрүмге, шуу.

Шажын болгаш хүрээлернин

Башкызы дег лама-дыр сен, шуу.

Самыын садар байдалындан

Санажып-ла көөрүмге, шуу

Сарлык инек бугазы дег

Сарыг шалдаң лама-дыр сен, шуу.

Ак-ла торгу олбуунайдан

Алгажы-ла, көөрүмге, шуу.

Аймак болгаш кожууннарнын

Башкызы дег лама-дыр сен, шуу

Ашак чепсек байдалындан

Алгажы-ла хынаарымга, шуу.

Аалдарнын аразында

Аскыр ыт дег лама-дыр сен, шуу.

Делгүүр-садыг чоруу болган

Тенек, шалдаң семдер [...], шуу.

Дээрлерде улу-биле

Демисежип шыдаар сен бе, шуу.

Аймаа сады чоруу болган

Азарганчыг чылан оглу, шуу.

Азарлардан улу-биле

Демисежип кайыын шыдаар, шуу.

Октаргайнын агаарындан

Огаан караа (?) кылбадың бе, шуу.

Оран-чурттуң ала чайгаар

Чазаа чаашкын чаар ол бе, шуу

Огунайдан ынак чораан

Уруг-биле, сээң-биле, шуу

Орун-дөжек кырынайга

Ойнап чыдар [...] -дир мен, шуу.

Курбустунун агаарынын

Хову караа (?) кылбадың бе, шуу

Кургаг чыткан кара черге

Хар-ла чаашкын чаар ол бе, шуу.

Хоолуга деңге төрөөн

(Он) доносчик, наверное, шуу.

[Самуя нойон:]

Желтый шёлковый [... нрзб]

Увидел я, произведя подсчет, шуу.

Вероисповедания и храмов

Учителем кажешься ты, лама.

В положении развратности

Увидел я, наблюдая, шуу.

Словно бык-производитель яка-коровы

Голый и нищий лама ты, шуу.

Белоснежно-шёлкового коврика [твоего]

Взяв, сию и смотрю, шуу.

Аймаков и кожуунов

Учителем кажешься ты, лама, шуу.

Орудие мужское в ситуации

Взяв, проверила, шуу.

Между стоянками бродячим

Кажешься кобелем [ты] лама, шуу.

Являющийся посыльным магазина

Баловник, нищий, обросший [... нрзб], шуу.

С небесным драконом

Сможешь ли побороться, шуу.

Посыльный магазина аймака

Ничтожный змеёныш, шуу.

С небожителем драконом

Как сможешь побороться, шуу.

Из воздуха вселенной

Сделал ты [... нрзб], шуу.

Стихийно [образовавшийся] мира

Вождь [его] дождь пойдёт что ли, шуу.

Возлюбленной до границ

С девушкой, с тобою, шуу.

На кровати-постели

Играючи лежачим [... нрзб] являюсь, шуу.

Из небесного воздуха

Сотворивший ты [... нрзб], шуу.

На сухую, чёрную землю

Пойдёт ли дождь вперемежку со снегом, шуу.

Вместе рожденная в степи Хоолу

Уруг-биле, сээң-биле, шуу
Кудус-дөжек кырынайга
Куспактажып дүже-дир мен, шуу.

С девушкой, с тобою, шуу,
На матрасе-постели
Упаду в обнимку, шуу.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
07.09.2023*

Сведения об авторе

Ульяна Очур-ооловна Донорова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)
E-mail: ochur-ool@mail.ru
ORCID 0000-0001-7968-4713

Information about the Author

Uliana O. Donorova – Candidate of Philology, Researcher, Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva (Kyzyl, Russian Federation)
E-mail: ochur-ool@mail.ru
ORCID 0000-0001-7968-4713

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1 + 303.425.5

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-138-152

Аляскинский русский язык: история экспедиций в бывшую заморскую колонию России

М. К. Раскладкина¹, М. Б. Бергельсон², А. А. Кибрик³

¹ Инженерно-технологический центр «СканЭкс», Москва, Россия

² НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

³ Институт языкознания РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

В статье описывается история изучения аляскинского русского языка (АРЯ), образовавшегося в ходе русской колонизации Аляски в результате контактов промышленников и торговцев из разных регионов России с аборигенным населением. Этот идиом существовал в ряде мест Аляски в активном использовании вплоть до середины XX в. В настоящее время языковые компетенции сохранились у нескольких людей весьма преклонного возраста. С 1997 г. авторы организовали шесть экспедиций в места исторического существования АРЯ. В результате междисциплинарных исследований создан словарь нинильчикского варианта АРЯ, описаны его фонетическая система и основные грамматические особенности, собран корпус аудио- и видеозаписей, корпус социолингвистических интервью для изучения различных языковых практик.

Ключевые слова

Аляска, Русская Америка, креолы, аляскинский русский язык

Для цитирования

Раскладкина М. К., Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. Аляскинский русский язык: история экспедиций в бывшую заморскую колонию России // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 138–152. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-138-152

Alaskan Russian: the history of field trips to the former overseas colony of Russia

М. К. Raskladkina¹, М. В. Bergelson², А. А. Kibrik³

¹ ScanEx ltd, Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

³ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article describes the history of studying Alaskan Russian (AR), a language that emerged from interactions between Russian furtraders and the aboriginal population during the Russian colonization of Alaska. In the late 18th century, AR became the native language of mixed-race persons who were officially referred

© М. К. Раскладкина, М. Б. Бергельсон, А. А. Кибрик, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

to as “creoles” in the 19th century. AR was actively used in Alaska until the mid-20th century. Currently, several advanced-age individuals retain linguistic competence in AR. Since 1997, the authors have organized six field trips to the places of the historical existence of AR. The article follows the chronology of these trips, explaining their goals and findings. Interdisciplinary studies allowed the authors to compile a dictionary of the Ninilchik variety of AR, describe its phonetic and grammatical features, and collect corpora of audio and video recordings and sociolinguistic interviews to explore various linguistic practices. These corpora include over 90 hours of recordings from over 30 consultants from 12 locations in Alaska. Over 100 additional interviews were found in the repositories of other projects on the oral history of Alaska. Furthermore, several archival documents were discovered revealing the written mode of AR, previously only known as a spoken language. The anthropological research conducted in the Kodiak archipelago started the systematic historical study of the Russian language in Alaska, including its role, place, significance, practices, and functioning in the life of Russian fur-traders and their descendants throughout the colonization of Alaska until the present time, taking into account its interactions with native languages and English.

Keywords

Alaska, Russian America, creoles, Alaskan Russian

For citation

Raskladkina M. K., Bergel'son M. B., Kibrik A. A. Alyaskinskiy russkiy yazyk: istoriya ekspeditsiy v byvshuyu zamorskuyu koloniyu Rossii [Alaskan Russian: the history of field trips to the former overseas colony of Russia]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 138–152. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-138-152

Введение

Исследовательская группа «Лингвистические и социокультурные исследования на Аляске» продолжительное время занимается описанием и документированием аляскинского русского языка (АРЯ), прослеживая более чем двухсотлетнюю историю его формирования, существования и угасания.

Аляскинский русский – это язык, возникший в результате контактов потомков русских промышленников и торговцев и коренного населения Аляски (алеутов, эскимосов, атабасков). Во второй половине XVIII в. аляскинский русский стал родным языком для детей, рождавшихся в смешанных семьях. В XIX в. люди, происходившие из таких семей, получили название «креолы». Начиная с 1818 г. этот термин стал появляться в документах, а в 1844 г. был закреплен в Уставе Российско-американской компании (РАК), управлявшей Аляской и Алеутскими островами до 1867 г. Данный термин указывал на особый статус с присущими ему обязанностями и привилегиями, став фактически обозначением не столько этнической, сколько сословной группы [Окунь, 2019, с. 311]. Креолы Аляски оказались на границе культур – сначала родной аборигенной и русской, затем, столкнувшись с американской, они не только неоднократно оказывались перед сложным выбором идентичности, языка, приспосабливались к меняющимся условиям жизни, но и пользовались открывающимися возможностями социального роста [Гринев, 2011, с. 74–89]. Многие из них были билингвальны, владели грамотой вследствие образовательной политики РАК, делавшей на них ставку как на кадровую и культурную основу освоения новых территорий [Smith-Peter, 2013].

После уступки Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. русский язык использовался еще полвека в коммуникации новой власти с новыми подданными, в разной степени интенсивности в зависимости от активности многоязычных коммуникативных практик на различных территориях бывшей Русской Америки [Huggins, 1981; Luehrmann, 2008]. В XX в. он был постепенно вытеснен английским. В настоящее время остаточные знания АРЯ сохранились лишь у нескольких людей преклонного возраста.

Авторы организовали шесть экспедиций на Аляску в места исторического существования русского языка, каждая из которых отличалась поставленными задачами и приносила интересные результаты.

1997 г. – нинильчикский русский: как все начиналось

Первые исследования русского языка Аляски были проведены аспирантом Калифорнийского университета в Беркли Конором Дейли в 1985 г. Он побывал в селении Нинильчик на Кенайском полуострове, где с середины XIX в. компактно и в течение долгого времени достаточно изолированно проживали потомки бывших сотрудников РАК, не захотевших по истечении срока контракта с Компанией возвращаться на родину [Arndt, 1996]. К. Дейли описал некоторые социалингвистические и грамматические характеристики языка, который был родным для местных жителей 40–60-летнего возраста. К сожалению, начатая работа не была продолжена, однако собранные материалы и неопубликованные рукописи оказали в дальнейшем существенную помощь лингвистам [Daly, 1985; Daly 1986].

В 1997 г. М. Б. Бергельсон (МГУ им. М. В. Ломоносова) и А. А. Кибрик (Институт языкознания РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова) осуществили свою первую экспедицию на Кенайский полуостров и в ходе пилотного исследования определили эту специфическую разновидность русского языка, сформировавшуюся в изоляции и сохранявшуюся около 150 лет в бесписьменной форме, как «нинильчикский русский язык» [Кибрик, 1998]. Экспедиция состоялась по приглашению и при поддержке местных жителей – потомков русских в пятом-шестом поколениях. Многие из них уже не владели языком отцов, но стремились сохранить его как уникальное культурное наследие. Поэтому лингвистам пришлось разработать практическую орфографию на основе латиницы, чтобы выполнить запрос сообщества – создать словарь нинильчикского русского языка. В ходе экспедиции описана фонетическая система и собраны лексические материалы, образцы текстов этого русского идиома, отличающие его от других региональных вариантов и диалектов [Кибрик, 1998; Bergelson, Kibrik, 2010]. На тот момент русским языком в Нинильчике могли владеть, по приблизительным подсчетам, около 30–40 человек, родившихся в 20–30-е гг. XX в. Так начался «словарный проект», продолжающийся и по сей день.

Фото 1. Нинильчик, 1997 г. Харитон (Гарри) Лиман (1922–1999 гг.), Мира Бергельсон, Андрей Кибрик, Леонтий (Луи) Квасникофф (1928–2012 гг.), Арни Осколкофф (1937 г.р.). Фото Бобби Осколкофф.

Фото 2. «Старый» Нинильчик. Картина местного художника-самородка Ника Купера, одного из последних носителей аляскинского русского ¹.

¹ Фотографии 2–18 сделаны авторами статьи во время полевых исследований АРЯ.

Экспедиции 2012–2014 гг. – расцвет «словарного проекта»

Вторая экспедиция к берегам русского языка на Аляске состоялась лишь через 15 лет после первой. Однако время не было потеряно: был составлен первый вариант словаря, насчитывающий более двух тысяч лексем. Параллельно работу по документации нинильчикского русского языка начал американский лингвист Уэйн Лиман, происходящий по отцу из русской семьи Квасниковых – первопоселенцев Нинильчика [Leman, 2016]. Сам Уэйн не владеет русским языком, он является специалистом по алгонкинскому языку шайенн, тем не менее он собрал и передал нам большой лингвистический материал.

В 2012 г. состоялась совместная российско-американская экспедиция, поддержанная грантом РГНФ. К исследовательской группе присоединилась Марина Раскладкина, научным интересом которой являлось антропологическое описание языка, исследование исторических условий его «жизни» как неотъемлемой части уникальной культуры, сложившейся в среде потомков русских промышленников и местных жителей, культуры, находящейся в центре социальных взаимодействий и эти взаимодействия определяющей.

Фото 3. Нинильчик, 2012 г. Исследователи выступают в комьюнити с рассказом о результатах своей лингвистической работы.

Фото 4. Хомер, 2012 г. Павел Осколкофф (1942–2015 гг.) (слева) и Андрей Кибрик.

Фото 5. Нинильчик, 2012 г. Вид на «старый» Нинильчик и залив Кука. На первом плане «пучка» (дикий сельдерей) – одно из самых главных нинильчикских слов.

Фото 6. Кенай, 2012 г. Мира Бергельсон и Уэйн Лиман беседуют с Бетти Лиман Портер (1930–2022 гг.) (слева). Бетти – родная сестра отца Уэйна.

Полевая работа 2012 и 2014 гг. в поселениях Кенайского полуострова, в которых проживали выходцы из Нинильчика (Кенай, Хомер, Касилоф), и, конечно, в самом Нинильчике, позволила проверить и дополнить многие словарные статьи, описать ряд грамматических особенностей и собрать корпус аудио- и видеозаписей [Бергельсон et al., 2013]. Это помогло подготовить и выпустить словарь нинильчикского русского языка [Bergelson et al., 2017], который распространялся в первую очередь среди информантов и их потомков как выполнение социального заказа комьюнити, а также был передан в музеи, библиотеки и пр. Позже, в рамках проекта РНФ (руководитель О. В. Ханина) «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе», была опубликована электронная версия словаря ².

Фото 7. Нинильчик, 2014 г. Лингвистическая работа в полевых условиях. Слева направо: Джо Лиман (1920–2020 гг.), Сельма Осколкофф Лиман (1937 г.р.), Мира Бергельсон.

Фото 8. Нинильчик, 2014 г. Церковь Преображения Господня (построена в 1900–1901 гг.) и православное кладбище.

Экспедиция 2017 г. – расширение ареала исследований

Экспедиция 2017 г. отличалась от предыдущих постановкой дополнительных задач. Помимо сбора звукового материала, создания новых словарных статей, уточнения лексических и грамматических единиц мы старались получить от носителей лингвокультурные комментарии к словарным и фразовым единицам. Также фиксировались языковые изменения в грамматике, в речевой компетенции носителей, произошедшие со времени первых записей нинильчикского варианта (1980-е гг.). Велся целенаправленный сбор дискурса, в результате которого нам впервые удалось получить рассказы респондентов о детстве, школе, жизни в семье, праздновании церковных праздников [Бергельсон et al., 2018, с. 29–41].

Идея «выхода» исследований за пределы Нинильчика сложилась на основании анализа источников о потенциальном историческом распространении и функционировании языка (например, [Luehrmann 2008]) и полевых исследований лингвиста Е. В. Головки, проводившего в 2008 г. интервью с потомками аляскинских креолов на Кадьякском архипелаге [Головки, 2011]. Предметом исследования становится АРЯ в его региональных вариантах. Также формулируется перспектива исследования различий между АРЯ и «континентальным русским» ³.

Для реализации этой идеи мы совершили поездку в селение Нанвалек, находящееся на южной оконечности Кенайского полуострова, где проживают представители эскимосской этнической группы алютиков с примесью русской крови. Сюда в середине XX в., расширив креольскую

² Mira Bergelson, Andrej A. Kibrik, Wayne Leman, Marina Raskladkina. Ninilchik Russian Dictionary (web-version, 2019) [URL: <https://iling-ran.ru/circumpolar/library/ninilchikdictionary/lexicon/index.htm>].

³ Термин «континентальный русский язык» введен М. Б. Бергельсон и А. А. Кибриком для обозначения совокупности диалектов и разновидностей русского языка Евразии, включая «стандартный» русский язык в его письменной и устной формах [Bergelson et al., 2015].

«прослойку», переселилась семья Джона Квасникова из Нинильчика. В настоящее время в селении процветает православная община, в церкви поют на церковнославянском, а внуки Джона Квасникова (по отцу) и многолетнего духовного лидера общины Николаса Мунина (по матери), сёстры Катерина, Прасковья, Анна (крестильные имена) – все бывшие учительницы местной школы, припоминают несколько детских стишков «Чижик-Пыжик» и «Ладушки» и как старшие обменивались русским приветствием – *kak d'ilá star'ik*. Нами были получены новые социолингвистические и языковые данные о распространении русского языка и культуры в отдаленных поселениях эскимосов Кенайского полуострова.

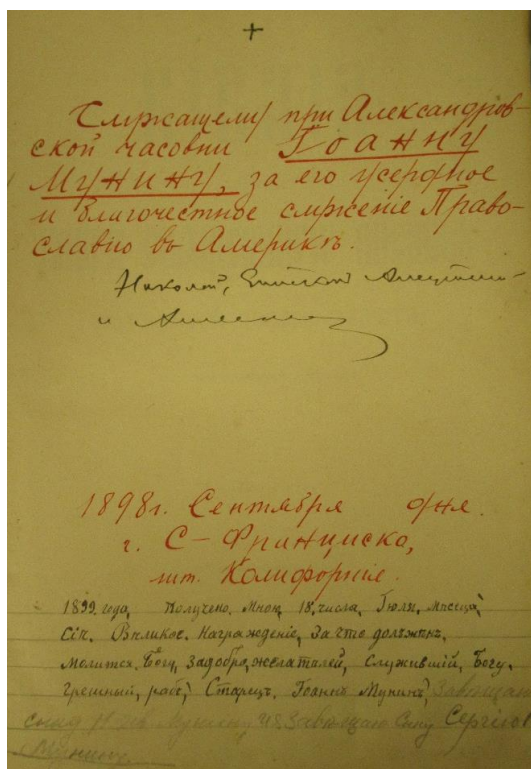

Фото 9. Нанвалек. Надпись на титульном листе Библии, подаренной служителю церкви в Нанвалеке (тогда Александровск) Иоанну Мунину епископом Алеутским и Аляскинским Алексием в 1898 г. На нем оставили запись сам И. Мунин («...завещаю сыну Н. Ив. Мунину») и после него сын Николай, бывший ридером местной церкви («И я завещаю сыну Сергию Н. Мунину»). Три поколения аляскинских креолов владели русским языком и были грамотны.

Фото 11. Касилоф, 2017 г. Джордж Джакински (1927–2018 гг.) (слева) и Мира Бергельсон.

Фото 10. Нанвалек, 2017 г. Слева – Андрей Кибрик, Мира Бергельсон. Справа – «три сестры» Квасникофф: Катерина (Katherine Brewster), Прасковья (Pauline Demas), Анна (Sally Anne Ash). На первом плане на столе – экземпляр словаря нинильчикского русского языка, привезенный в подарок

Фото 12. Нинильчик, 2017 г. Сельма Лиман (1927 г.р.) и Мира Бергельсон обсуждают слово «мамаи» (съедобные моллюски – любимая пища жителей Нинильчика).

**Экспедиция 2019 г. – исследование исторических мест существования
аляскинского русского и появление новых задач**

По сравнению с предыдущими экспедициями, направленными в основном на сбор лингвистического материала для его дальнейшего анализа, цели полевого исследования 2019 г. были содержательно расширены и углублены.

Во-первых, удалось расширить географические рамки исследования – «выйти» с Кенайского полуострова на другие территории потенциального существования АРЯ, проанализировать новые данные о его распространении, функционировании и степени сохранности. Мы побывали в населенных пунктах Кадыякского архипелага, встретились с последними носителями варианта АРЯ, отличного от нинильчикского, – носителем кадыякского городского диалекта Василием (Биллом) Хартманом и носителем афогнакского диалекта Алексом (Сонни) Чиченовым. Ранее, в 2008 г., с ними работал Е. В. Головкин, так что у нас была возможность сравнить ценнейшие сведения о жизни русского языка в первой столице Русской Америки. К сожалению, оба консультанта скончались буквально в течение года после нашей с ними встречи, так что эта поездка стала судьбоносной.

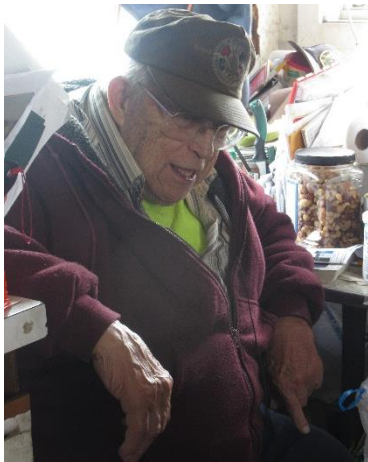

Фото 13. Кадыяк, 2019 г. Василий (Билл) Хартман (1930–2020 гг.) – последний носитель кадыякского городского диалекта АРЯ.

Фото 14. Кадыяк, 2019 г. Алексей (Сонни) Чиченофф (1937–2020 гг.) – последний носитель афогнакского диалекта АРЯ.

Обнаруженные источники и результаты бесед с местными жителями подтвердили следы исторического присутствия русского языка на островах Прибылова и в средне-верхнем течении реки Кукоквим [Bergelson et al., 2020]. Надо констатировать, что это лишь источники и культурная память, но не сам язык.

Во-вторых, в связи со смещением исследовательского фокуса с собственно сбора и верификации лингвистического материала к исследованию условий формирования и функционирования языка, сред и контекстов его существования, формат проведения полевой работы изменился. Помимо лингвистических сессий с носителями языка, проводились антропологические интервью с их потомками, позволившие изучить семейную языковую историю, ее влияние на индивидуальные языковые приоритеты личности и отразить на более высоком уровне процессы креолизации русского языка и культуры.

В-третьих, в архивах Аляски нами были обнаружены исторические документы, впервые позволившие рассматривать письменный модус существования АРЯ; ранее язык был известен исследователям только в устном варианте.

Фото 15. Остров Святого Павла, 2019 г. Вид с утеса на православное кладбище, город и океан.

Фото 16. Фэрбэнкс, 2019 г. Марина Раскладкина работает в архиве Библиотеки Расмусона (Университет Аляски в Фэрбенксе) с русскоязычными рукописными документами Аляскинской коммерческой компании, сотрудниками которой после продажи Аляски, в конце XIX – первой половине XX вв., являлись бывшие сотрудники РАК.

В-четвертых, была поставлена серия вопросов: является ли сохранившийся ныне АРЯ последним из «осколков» той языковой системы, которая служила *lingua franca* для Русской Америки? Был ли этот язык (диалектный континуум) общим для всех креолов Аляски, языком, фактически определившим само существование этой социокультурной группы? Может ли он быть описан как диалект русского языка? Ответы на эти, на первый взгляд, сугубо лингвистические вопросы тесно увязаны с анализом исторических процессов – в первую очередь, с созданием Русской Америки выходцами с континента, с идеей, что освоение Аляски было естественным продолжением российской колонизации Сибири и тихоокеанского пространства начиная с XVI в. [Болховитинов, 2003; Акимов, 2010], а также с практикой присутствия на Аляске жителей из восточной и северо-восточной Сибири [Федорова, 2015, с. 119–123]. Надо сказать, что русские, работавшие в РАК, происходили из всех регионов России [Там же], поэтому в АРЯ можно найти элементы самых разнообразных диалектов и говоров.

В связи с этим была проверена гипотеза связи АРЯ с «сибирским» русским. Летом 2019 г., перед очередной экспедицией, было предпринято пилотное исследование речи так называемых «ямщицких старожилов» (якутяне, сахалыры). Исторические данные говорят о том, что именно крестьяне-ямщики, изначально выходцы из Тобольска и других сибирских регионов, оставили свой след в истории Русской Америки, положили начало некоторым креольским династиям, носителям русского языка и русской культуры на Аляске [Sims et al., 2017].

Сравнение двух наборов лингвистических данных показало, что диалект ямщицких старожилов (преимущественно проживающих в Покровском районе Якутии) существенно отличается от того варианта русского языка, на котором говорят на Аляске, и не является основой его формирования [Bergelson et al., 2020], несмотря на некоторые типологические параллели.

Экспедиция 2021 г. – сбор материалов для изучения письменного варианта АРЯ

Экспедиция 2021 г. чудом состоялась в «межковидное затишье». Полевая работа с лучшим информантом – 90-летней Сельмой Леман из Нинильчика (потомком семей первопоселенцев – Осколковых и Квасниковых) подарила несколько часов спонтанных нарративов на различные темы – о детстве, о родителях, соседях, семье. Но главное – была продолжена начатая в 2019 г.

работа по сбору образцов письменного варианта аляскинского русского языка, созданных на Аляске в период между 1850 и 1950 гг.

В Архиве библиотеки Университета Аляски в Фэрбенксе хранятся многочисленные документы по истории Аляски, в том числе материалы Аляскинской коммерческой компании (Alaska Commercial Company), пришедшей на смену РАК и взявшей на службу бывших сотрудников РАК из числа креолов⁴. Первые 30–40 лет после 1867 г. деловая переписка русских служащих компании с начальством и между собой велась на русском языке. Это были именно те материалы, которые мы искали, – письменные тексты (письма, инвентарные списки, дневники приказчиков) на предположительно аляскинском русском языке, которые потенциально могли пролить свет на особенности этого идиома, уже не восстанавливаемые из данных, полученных полевыми лингвистами в конце XX – начале XXI вв.

Там же, в Фэрбенксе, а также в архиве Православной семинарии имени Св. Германа на Кадьяке мы изучали тексты, созданные православными священниками-миссионерами и их помощниками из числа креолов во второй половине XIX – начале XX вв. Вдохновленные христианством и русской цивилизацией, владевшие начатками русской грамоты и базовыми сведениями по православию, креолы-активисты брали на себя много функций, связанных с распространением и поддержанием православных обычаев и ритуалов на огромной территории (см., например, [Znamenski, 2002]).

По долгу службы священники должны были проделывать длительные путешествия на байдарках по рекам в сопровождении переводчиков из числа коренных жителей или креолов, знавших один или более местных языков помимо русского, и вести дневник, описывавший их миссионерскую и пастырскую деятельность. Эти дневники содержат чрезвычайно интересные и важные антропологические, этнографические и топонимические данные, но также могут содержать указания и на то, что их автор был носителем АРЯ (нередко священник сам происходил из креольской семьи) и фиксировать тем самым черты этого идиома [Бергельсон et al., 2023].

Фото 17. Нинильчик, 2021. Марина Раскладкина с лучшим языковым консультантом – Сельмой Осколкофф Лиман.

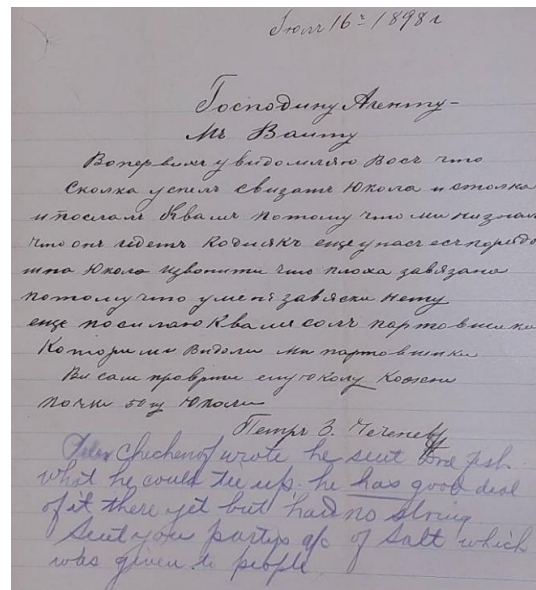

Фото 18. Письмо сотрудника Аляскинской коммерческой компании П. Чеченева (Кадьяк) агенту Вайту. 1898 г.

⁴ Guide to the Alaska Commercial Company Records, 1868-1913. Collection number: USUAF3 / University of Alaska Fairbanks, Alaska Polar Regions Collection.

Выводы и перспективы

Работа нашей группы по исследованию АРЯ в его различных региональных вариантах продолжается. За шесть экспедиций собрано более 90 часов аудио- и видеозаписей от более чем трех десятков респондентов, проживающих в 12 населенных пунктах Аляски. Более ста интервью обнаружено в анналах различных проектов исследования устной истории Аляски, прямо или косвенно раскрывающих влияние языка на жизнь сообщества. Из американских архивов привезено около семи сотен копий рукописных документов. С собранными аудио- и видеоматериалами и архивными источниками в рамках учебных практик и проектной деятельности работают бакалавры и магистры МГУ им. М. В. Ломоносова и НИУ ВШЭ: осваивают методики транскрибирования, создания корпуса данных, социолингвистического анализа, обновляют интерактивный словарь АРЯ. В эту деятельность за пять лет было вовлечено не менее сотни студентов. Под руководством авторов подготовлено несколько курсовых и выпускных студенческих работ, в которых исследуются различные аспекты языка [Корбан, 2021; Юсупова, 2021; Соловкова, 2023]. Также Марина Раскладкина защитила магистерскую диссертацию, посвященную антропологическому описанию русского языка в поселениях Кадыякского архипелага [Раскладкина, 2023].

В наших непосредственных планах – описание истории русского языка на Аляске, исследование динамики его роли, места, значимости, практик и контекстов функционирования в жизни русских промышленников и их потомков с начала колонизации Аляски и до настоящего времени, в тесном контакте с языками коренных народов и английским языком.

Наша большая благодарность за возможность исследовать сохранившиеся следы русского языкового и культурного наследия на Аляске:

– последним ныне здравствующим носителям АРЯ: Selma Oskolkoff Leman (1931 г.р.), Sophie Cooper Prosser (1923 г.р.), Nick Cooper (1935 г.р.) из Нинильчика;

– языковым консультантам:

с *Кенайского полуострова* (Нинильчик, Касилов, Кенай, Хомер, Нанвалек): Louie Kvasnikoff, Betty Leman Porter, Paul Oskolkoff, Harry Leman, Nick Leman, Joe Leman, George Jackinsky, Edward Jackinsky, Walter Jackinsky, Cecil Demidoff, Mae Demidoff, Doris Steik Kelly, Alice Oskolkoff Bouwens, Arnie Oskolkoff, Larry Oskolkoff Jr., Nancy Oskolkoff Ahlrich, Fr. Simon Oskolkoff, Edna Matson Steik, Leo Steik, Mike Steik, John Moonin;

с *Кадыякского архипелага* (Кадыяк, Узинки): Alexei (Sonny) Chichenoff, Vassily (Bill) Hartman, Hazel Ardinger, Rosabel (Raisa) Baldwin, Tatiana Ellanak Chichenoff, Lilly Ellanak Pestrikoff;

с *островов Прибылова* (Сент-Пол): Agafon Krukoff, Rena & Alex Kudrin, Grigorii Fratis.

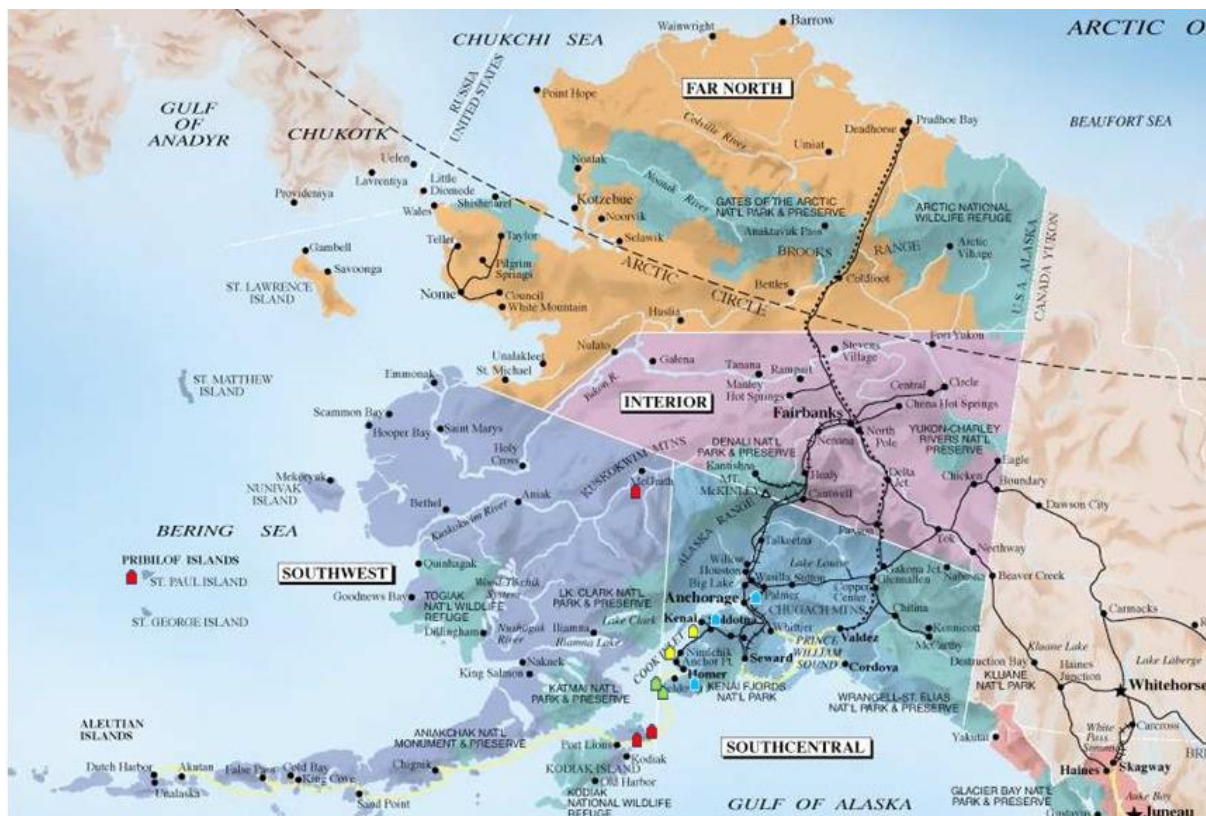
– языковым активистам, потомкам аляскинских креолов, в полной мере ощущающим неотменимость русской истории в истории штата Аляска и принимающим ее как часть собственной личности: Wayne Leman (лингвист), Loren Leman (бывший вице-губернатор штата Аляска), Bobby Oskolkoff, McKibben Jackinsky, Joann Jackinsky, Cynthia Baganov (все – с Кенайского полуострова), Aquilina Lestenkova (с островов Прибылова), Sperry Ash, Sally Kvasnikoff Ash, Pauline Kvasnikoff Demas, Kathy Kvasnikoff Brewster (все – из Нанвалека).

Рис. 1

Аляскинский русский: исследованные места современного или исторического распространения (по материалам экспедиций 1997–2021 гг.)⁵

Fig. 1

Alaskan Russian: explored places of modern and historical distribution (based on the materials of the fieldwork in 1997-2021)

- Экспедиция 2021 г.: Нинильчик (Кенайский п-в)
- Экспедиция 2019 г.: Нинильчик (Кенайский п-в), Сент-Пол (о-ва Прибылова), Кадьяк (о-в Кадьяк), Узинки (о-в Еловый, Кадьякский архипелаг), Верхний Кускоквим (Центральная Аляска), Анкоридж
- Экспедиция 2017 г.: Нинильчик, Касилов, Кенай, Нанвалек, Порт Грэхем (Кенайский п-в)
- Экспедиции 2012-2014 гг.: Нинильчик, Касилов, Кенай, Хомер (Кенайский п-в), Анкоридж
- Экспедиция 1997 г.: Нинильчик, Кенай, (Кенайский п-в)

⁵ Основа карты: <http://www.moreforlesstours.com/>

Список литературы

- Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 372 с.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. Аляскинский русский как письменный // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2023. С. 32–48.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 29–41.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А., Раскладкина М. К. Русское языковое наследие Аляски: в поисках родного языка // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М.: Изд-во РГНФ, 2013. № 70. С. 158–168.
- Болховитинов Н. Н. Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски: сходство и различие // Acta Slavica Iaponica. 2003. № 20. С. 109–125.
- Головкин Е. В. Русский язык на Аляске (По материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб: Наука, 2011. С. 73–81.
- Гринев А. В. Специфика вертикальной социальной мобильности креольского населения Русской Америки // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 74–89.
- Кибрик А. А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик // Язык. Африка. Фульбе. СПб.; М.: Европ. дом, 1998. С. 36–52.
- Корбан О. Сохранение / утрата языковой и этнокультурной идентичности потомками русских поселенцев на Аляске: язык в контексте семейной истории: Магистерская диссертация. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 73 с.
- Окунь С. Б. Российско-американская компания. М.: Концептуал, 2019. 392 с.
- Раскладкина М. К. Русский язык на Кадьякском архипелаге, Аляска в XVIII–XXI вв.: антропологическое описание: Магистерская диссертация. Томск, 2023.
- Соловкова Е. Особенности употребления падежей в русском языке деревни Нинилчик (Аляска): Курсовая работа. М.: МГУ, 2023.
- Федорова С. Г. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М.: ЛомоносовЪ, 2015. 264 с.
- Юсупова А. Б. Особенности аляскинского русского на материале исторических документов из архивов Аляски: Курсовая работа. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Arndt K. L. «Released to Reside Forever in the Colonies»: Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska // Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska: Proceedings of a Symposium / Compiled and Edited by N.Y. Davis and W.E. Davis. Cook Inlet Historical Society, 1996. 16 p.
- Bergelson M., Kibrik A. The Ninilchik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska // Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, Yliopistopaino Helsinki, 2010. P. 299–313.
- Bergelson M., Kibrik A., Raskladkina M. The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion // Quaestio Rossica. Vol. 8 (2020). № 3. P. 916–936.
- Bergelson M., Kibrik A., Leman W., Raskladkina M. Dictionary of Ninilchik Russian. Anchorage, Minuteman Press, 2017. 148 p.
- Bergelson M. B., Kibrik A. A. Alaskan Russian: a special result of language contact. Paper presented to conference «Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect» (MPI-EVA Conference. Leipzig, May 3, 2015).
- Daly C. «Evonaj mat» ves noch television karaulil: His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian / Unpublished paper, 1986. 31 p. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

Daly C. Russian Language Death in an Alaskan village / Unpublished paper, 1985. 15 p. // Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

Huggins E. Kodiak and Afognak life, 1868–1870 / Edited, with and introduction by Richard A. Pierce. The Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada, 1981. 165 p.

Leman W. Agrafena's Children: the Old Families of Ninilchik. Lulu press, 1993 (1st ed), 1997, 2014, 2016.

Luehrmann S. Alutiiq villages under Russian and U. S. rule. Fairbanks, AK, 2008. 204 p.

Sims B., Zitnik D. Our Fur-fathers of Southwest Alaska. Middletown: Create Space Independent Publ. Platform, 2017. 326 p.

Smith-Peter S. «A Class of People Admitted to the Better Ranks»: The First Generation of Creoles in Russian America, 1810s–1820s // *Ethnohistory*. 2013 (Summer). Vol. 60. P. 363–384.

Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Narratives of Travels to the Dena'ina and Ahtna 1850s–1930s / Translated and edited by Andrei A. Znamenski. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2002. 346 p.

References

Akimov Yu. G. *Severnaya Amerika i Sibir' v kontse 16 – seredine 18 v.: ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia in the late 16th – mid-18th centuries: an essay on the comparative history of colonization]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2010, 372 p. (In Russ.)

Arndt K. L. “Released to Reside Forever in the Colonies”: Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska. In *Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska: Proceedings of a Symposium*. N. Y. Davis and W. E. Davis (Comps. and Eds.). Cook Inlet Historical Society, 1996, 16 p.

Bergelson M. B., Kibrik, A. A. *Alaskan Russian: a special result of language contact*. Paper presented to conference “Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect” (MPI-EVA Conference), Leipzig, May 3, 2015.

Bergelson M. B., Kibrik A. A. Alyaskinskiy russkiy kak pis'mennyy [Alaskan Russian as written]. In *Slovo i chelovek: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Word and man: on the occasion of centenary of the birth of academician Nikita Ilyich Tolstoy]. S. M. Tolstaya (Ed.). Moscow, Indrik, 2023, pp. 32–48. (In Russ.)

Bergelson M., Kibrik A., Leman W., Raskladkina M. *Dictionary of Ninilchik Russian*. Anchorage, Minuteman Press, 2017, 148 p.

Bergelson M. B., Kibrik A. A., Raskladkina M. K. Russkoe yazykovoe nasledie Alyaski: v poiskakh rodnogo yazyka [Russian linguistic heritage of Alaska: in search of a native language]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2013, vol. 1 (70), pp. 158–168. (In Russ.)

Bergelson M. B., Kibrik A. A. Russkii yazyk na beregakh zaliva Kuka: samoidentifikatsiya kul'tury v usloviyakh izolyatsii [The Russian language of the Cook Inlet: self-identification of culture in isolation]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018, vol. 54, pp. 29–41. DOI 10.17223/19986645/54/2. (In Russ.)

Bergelson M., Kibrik A., Raskladkina M. The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion. *Quaestio Rossica*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 916–936.

Bergelson M., Kibrik A. The Ninilchik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska. In: *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds.). Helsinki, Yliopistopaino Helsinki, 2010, pp. 299–313.

Bolkhovitinov N. N. Kontinental'naya kolonizatsiya Sibiri i morskaya kolonizatsiya Alyaski: skhodstvo i razlichie [The continental colonization of Siberia and the maritime colonization of Alaska: similarities and differences]. *Acta Slavica Iaponica*. 2003, vol. 20, pp. 109–125. (In Russ.)

Daly C. *Evonaj mat' ves' noč television karaulil – His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian*. Ms. Paper presented at California Slavic

Colloquium, UC Berkeley, 1986, 31 p. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks)

Daly C. *Russian Language Death in an Alaskan village*. Unpublished manuscript, read to UCB Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985, 15 p. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

Fedorova S. G. *Russkaya Amerika: ot pervykh poseleniy do prodazhi Alyaski. Konets 18 veka – 1867 god* [Russian America: from the first settlements to the sale of Alaska. The end of the 18th century – 1867]. Moscow, Lomonosov, 2015, 264 p. (In Russ.)

Golovko E. V. Russkiy yazyk na Alyaske (Po materialam ekspeditsiy 2008 i 2009 gg.) [Russian language in Alaska (Russian language in Alaska (Based on the materials of field work in 2008 and 2009)]. In *Trudy ob''edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. 2010* [Proceedings of the United Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage. 2010]. St. Petersburg, Nauka, 2011, pp.73–81. (In Russ.)

Grinev A. V. Spetsifika vertikal'noy sotsial'noy mobil'nosti kreol'skogo naseleniya Russkoy Ameriki [The specifics of vertical social mobility of the Creole population of Russian America]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2011, vol. 2, pp. 74–89. (In Russ.)

Huggins E. *Kodiak and Afognak life, 1868–1870*. Richard A. Pierce (Ed., introduction). The Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada, 1981, 165 p.

Kibrik A. A. Nekotorye foneticheskie i grammaticheskie osobennosti russkogo dialekta derevni Ninilchik [Some phonetic and grammatical features of the Russian dialect of the village of Ninilchik]. In *Yazyk. Afrika. Ful'be* [Language. Africa. Fulbe]. St. Petersburg, Moscow, Evrop. dom, 1998, pp. 36–52. (In Russ.)

Korban O. *Sokhranenie/utrata yazykovoy i etnokul'turnoy identichnosti potomkami russkikh poselentsev na Alyaske: yazyk v kontekste semeynoy istorii* [Preservation/loss of linguistic and ethnocultural identity by descendants of Russian settlers in Alaska: language in the context of family history]. Master's thesis. Moscow, NRU HSE, 2021, 73 p. (In Russ.)

Leman W. *Agrafena's Children: the Old Families of Ninilchik*. Lulu press, 1993 (1st ed.), 1997, 2014, 2016.

Luehrmann S. *Alutiiq villages under Russian and U. S. rule*. Fairbanks, AK, 2008, 204 p.

Okun' S. B. *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya* [Russian-American company]. Moscow, Kontseptual, 2019, 392 p. (In Russ.)

Raskladkina M. K. *Russkiy yazyk na Kad'yakskom arhipelage, Alyaska v 18–21 vv.: antropologicheskoe opisaniye* [Russian language in the Kodiak Archipelago, Alaska in the 18th – 21st centuries: an anthropological description]. Master's thesis. Tomsk, 2023, 161 p. (In Russ.)

Sims B., Zitnik D. *Our Fur-fathers of Southwest Alaska*. Middletown, Create Space Independent publ. Platform, 2017, 326 p.

Smith-Peter S. “A Class of People Admitted to the Better Ranks”: The First Generation of Creoles in Russian America, 1810s–1820s. *Ethnohistory*. 2013 (Summer), vol. 60, pp. 363–384.

Solovkova E. *Osobennosti upotrebleniya padezhey v russkom yazyke derevni Ninil'chik (Alyaska)* [Peculiarities of the use of cases in the Russian language of the village of Ninilchik (Alaska)]. Coursework. Moscow, Lomonosov MSU, 2023. (In Russ.)

Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Narratives of Travels to the Dena'ina and Ahtna 1850s–1930s. Andrei A. Znamenski (Ed). Fairbanks, AK, University of Alaska Press, 2002, 346 pp.

Yusupova A. B. *Osobennosti alyaskinskogo russkogo na materiale istoricheskikh dokumentov iz arkhivov Alyaski* [Features of the Alaskan Russian based on the historical documents from the archives of Alaska]. Coursework. Moscow, NRU HSE, 2021. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.11.2023

Сведения об авторах

Раскладкина Марина Константиновна – кандидат политических наук, ИТЦ «СканЭкс» (Москва, Россия)

e-mail: marina.raskladkina@gmail.com

ORCID 0000-0003-4898-1488

Бергельсон Мира Борисовна – д-р филол. наук, профессор НИУ ВШЭ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

e-mail: mbergelson@hse.ru

ORCID 0000-0002-7617-9356

Кибрик Андрей Александрович – доктор филологических наук, директор Института языкознания Российской академии наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

e-mail: aakibrik@gmail.com

ORCID 0000-0002-3541-7637

Information about the Authors

Marina K. Raskladkina – Candidate of Political Science, Scanex ltd (Moscow, Russia)

e-mail: marina.raskladkina@gmail.com

ORCID 0000-0003-4898-1488

Mira B. Bergelson – Doctor of Philology, Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

e-mail: mbergelson@hse.ru

ORCID 0000-0002-7617-9356

Andrej A. Kibrik – Doctor of Philology, Director of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

e-mail: aakibrik@gmail.com

ORCID 0000-0002-3541-7637

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-153-160

**Рецензия на диссертацию А. Ю. Урманчиевой
«Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири
(на материале самодийских языков)», представленную
на соискание ученой степени доктора филологических наук**

Н. А. Тучкова

«Музей Природы и Человека», Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Рецензируемая диссертация А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, была успешно защищена 21 июня 2023 г. в Диссертационном совете по филологии и лингвистике при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (<https://www.hse.ru/sci/diss/825477618>). По результатам защиты было принято решение присудить А. Ю. Урманчиевой ученую степень доктора филологических наук с отличием. Диссертация посвящена реконструкции истории языков самодийской группы в период, начинающийся после распада прасамодийского языка и кончающийся расселением носителей самодийских языков, известным по историческим документам (XVI–XVIII вв.).

Ключевые слова

уральские языки Сибири, обско-угорские языки, самодийские языки, языковые контакты, история формирования лингвистических ареалов на территории Сибири, лексикостатистика, лингвистическая реконструкция, нарративные стратегии

Для цитирования

Тучкова Н. А. Рецензия на диссертацию А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 153–160. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-153-160

© Н. А. Тучкова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Review of the dissertation
“Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia
(a case study of the Samoyedic languages),”
submitted by A. Y. Urmanchieva for the degree of Doctor of Philology

N. A. Tuchkova

“Museum of Nature and Man”, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract

The dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (a case study of Samoyedic languages)” written by A. Y. Urmanchieva focuses on tracing the Samoyedic group language history. The period under study starts after the collapse of the Proto-Samoyedic language and ends with the resettlement of the native speakers of Samoyedic languages as recorded in historical documents (16th–18th centuries). The work substantiates the preservation of the links between the Proto-Samoyedic and the Proto-Ob-Ugric languages after their collapse, with separate contacts between the Mansi and South Samoyedic languages. The author confirms the original boundary between the Mansi and Khanty languages, from west to east, and shows that Proto-Mansi was widespread in more southern territories, while Proto-Khanty was prevalent to the north (and not to the east) of the lower Ob basin. Additionally, the author confirms that Matorsky belongs to the Northern Samoyed subgroup. The analysis of separate parallels allowed the author to establish the early contacts between Nganasan, Selkup, and Kamassian and later between Nganasan and common Enets languages. Given these findings, the following successive linguistic landscapes of Western Siberia have been reconstructed. Initially, the migration of the forebears of Samoyedic language speakers moved towards the Ob basin from their original homeland, with a settlement pattern along the Ob tributaries determined by taiga fishing culture. Later, the expansion of the Khants towards the east along the middle Ob River disrupted the previously established pattern, leading to a break in the linguistic continuity of the Samoyed area.

Keywords

Uralic languages of Siberia, Ob-Ugric languages, Samoyed languages, language contacts, history of the formation of linguistic areas in Siberia, lexicostatistics, linguistic reconstruction, narrative strategies

For citation

Tuchkova N. A. Retsenziya na dissertatsiyu A. Yu. Urmanchievoy “Rekonstruktsiya lingvisticheskogo landshafta Zapadnoy Sibiri (na materiale samodiyskikh yazykov),” predstavlenuyu na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk [Review of the dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (a case study of the Samoyedic languages),” submitted by A. Y. Urmanchieva for the degree of Doctor of Philology]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 153–160. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-153-160

Диссертационное исследование А. Ю. Урманчиевой посвящено сложнейшей проблеме – реконструкции этапов этнической истории (точнее, истории языковых сообществ – самодийских, обско-угорских, енисейских; их расселению, контактам, перемещениям), протекавшей на территории Западной Сибири в хронологических пределах последних двух тысячелетий.

Данное диссертационное исследование, построенное с опорой, прежде всего, на лингвистические материалы, по сути своей является этноисторическим / этногенетическим исследованием, так как выводы, полученные автором, позволяют делать исторические обобщения и реконструировать этапы формирования и развития различных лингвистических сообществ, которые для автора (по умолчанию) являются и этническими. Именно поэтому выводы Анны Юрьевны интересны и важны не только для лингвистов, но также для представителей иных научных дисциплин – археологов, этнографов и этнологов (антропологов), для специалистов по физической антропологии и этногенетике (популяционной генетике).

Хотелось бы подчеркнуть огромную трудность стоявшей перед автором задачи – создать непротиворечивую как с точки зрения лингвистических данных, так и, по-возможности, с точки зрения данных других наук, динамичную картину во времени и пространстве. Картина выстраивалась автором, начиная от некоего «изначального» размещения языковых групп, через цепь последующих их перемещений, к состоянию, зафиксированному исследователями XIX–XX вв. Создать такое движущееся сквозь поток истории полотно крайне сложно, поскольку взгляды

лингвистов, с одной стороны, и археологов, этнологов, этногенетиков по проблеме этнической истории редко совпадают, причем это относится не только к этнической истории народов Западной Сибири.

Таким образом, актуальность поднимаемых в диссертации вопросов с научной точки зрения не вызывает сомнения, и эта актуальность базируется, прежде всего, на высокой востребованности таких работ обобщающего характера с выходом на вопросы этногенеза, анализом межэтнических контактов и этноистории, особенно если эти выводы обеспечены верифицированной источниковой базой и надежными, признанными в научном мире, методами.

Лаконично, но при этом ёмко сформулирована цель исследования – «реконструкция в динамике лингвистической карты Западной Сибири» (с. 16); задачи, необходимые для достижения цели, напротив, сформулированы развёрнуто и объёмно (9 задач), они выстроены в хорошо продуманном порядке и позволяют автору вести своё исследовательское повествование по строго выбранному курсу (с. 16–18).

Автор провела огромную работу по анализу и обобщению многочисленных лингвистических данных. Источниковая база работы обширна и представлена, прежде всего, работами по лексической реконструкции самодийских языков [Janhunen, 1977; Хелимский, 1986, 2000], а также работами, содержащими языковые материалы как по самодийским языкам [Helimski, 1997; Alatalo 2004; Donner, Joki, 1944; Казакевич, Будянская, 2010; Быконя и др., 2005; Костеркина, Момде, Жданова, 2001; Сорокина, Болина, 2009], так и по другим языкам, важным для темы исследования, в частности, по обско-угорским [Терёшкин, 1961] (см. с. 18).

Историографический обзор по важным аспектам темы исследования (самодийской прародины и методов ее поиска, классификации самодийских языков, выявлении контактных зон) предваряет само исследование. Он изложен в самом начале введения и предшествует фактически всем другим квалификационным позициям этого раздела, тем самым буквально «с первых строк» максимально погружает читателя в проблематику работы. Кроме того, историографические вставки есть внутри глав и разделов. Следует отметить, что автор предприняла попытку, с одной стороны, очень скрупулёзного анализа результатов трудов предшественников более чем за 200 лет исследований самодийской проблематики, с другой стороны, подвергла ревизии некоторые положения и предположения предшественников, чтобы, отталкиваясь от их результатов и выводов, сформулировать и выстроить свои выводы.

Важно отметить и методологическую составляющую проведенного Анной Юрьевной исследования, которая опирается на теоретические положения работ известных лингвистов, прежде всего, Е. А. Хелимского, П. Хайду, В. В. Напольских.

Основные методы, используемые автором в работе для проведения собственного исследования, можно обозначить как методы сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, а также методы ареальной и контактной лингвистики. В частности, весьма активно и результативно в плане получения выводов и создания собственной классификации самодийских языков был использован метод лексикостатистического анализа (дополненный методом анализа эксклюзивных лексических параллелей) с целью измерения относительного расстояния между языками самодийской группы. Кроме того, Анной Юрьевной была разработана собственная комплексная методика, позволяющая реконструировать историю языковой семьи / языковой группы в период после существования праязыка.

Следует подчеркнуть, что полученные автором выводы обладают высокой степенью теоретической значимости, прежде всего, это выводы о сепаратных контактах мансийского и южно-самодийских языков, об историческом взаимном расположении обско-угорских языков на лингвистической карте, о дивергентных и конвергентных процессах внутри самодийской языковой общности.

Первая глава диссертации «Обско-угорско-самодийские контакты» посвящена анализу самодийско-обско-угорских параллелей. В итоге автору на основе лингвистического материала удалось подкрепить уже высказываемый ранее Е. А. Хелимским [1982] вывод о том, что после обособления прасамодийского языка не прерывались его связи с праобскоугорским. Характер связей между языками определяется автором как «ареально-генетический».

Кроме того, были собраны и представлены данные, позволяющие уточнить некоторые особые отношения между отдельными языками в этих языковых сообществах. Так, был сделан вывод, крайне важный для реконструкции этногенетических процессов в Среднем Приобье, что после распада обско-угорского и самодийского праязыка сохранялись сепаратные контакты мансийского и южносамодийских языков (в меньшей степени – камасинского, в большей – селькупского) (с. 51). Этот вывод Анны Юрьевны звучит, с одной стороны, как некоторое открытие, с другой стороны, открытие в какой-то мере ожидаемое, так как этнографов / этнологов (прежде всего, селькуповедов) давно будоражит тот факт, что есть некоторые явные параллели в культуре и некоторые пересечения по фамильному составу между этими народами. Ср., например, фамилии *Сайнаковы / Сайнаховы, Гоголевы*, широко известные как среди манси на р. Северной Сосьве, так и у селькупов. Например, Гоголевы есть среди чумылькупов (для юрт Тюхтеревых на р. Оби близ Нарыма они были основные коренные жители в XIX в. – первой половине XX в.); Сайнаковы отмечены среди «крайне» южных селькупов; были и юрты Сайнаковы в низовьях реки Шегарки. Конечно, также бросается в глаза совпадение корня *шёш-* в фамилии манси *Шёшиных* и этнонима *шёшкупы / шёшкумы*, до настоящего времени известного на Оби, носители которого оцениваются специалистами как особая этнолингвистическая подгруппа в составе селькупских локальных групп.

Однако Анна Юрьевна представила как пример сепаратных связей не просто локальный этнонимический материал; в качестве одной из важных лексических параллелей ею был задействован основной селькупский этноним: «...общеселькупское *śōśā kum / śīśśā kum* ‘1. человек (в противопоставлении нечистой силе); 2. селькуп’» и сделан важнейший вывод: этот этноним этимологизируется автором диссертации из мансийского *sossä χum* (северный диалект), *šāšj khum* (пелымский диалект), *sāśē khqm* (кондинский диалект) ‘коренной житель, местный человек, уроженец этой земли’ (с. 261). К такому выводу и «изъятию» у селькупов их основного этнонима (со всеми диалектными вариациями) в пользу мансийского языка (и, значит, мансийского этноса!) селькуповеды (лингвисты и этнологи), думаю, не готовы. Этот вывод диссертантки явно вызовет широкое обсуждение и дискуссию, что, возможно, позволит либо принять факт такого заимствования, либо опровергнуть его.

По итогам первой главы Анна Юрьевна формулирует предположение, что изначально «верхнеобской лингвистический ареал» составляли ... «мансийский, селькупский и камасинский; на восточной его периферии селькупы контактировали с кетами. Хантыйский язык был распространен севернее мансийского и занимал, возможно, северную периферию данного ареала. При этом ближе всего к мансийскому располагался предок современного восточного хантыйского» (с. 65). Такое взаимное расположение языков (и, соответственно, их носителей – этнических групп) в целом не вызывает возражения, выглядит обоснованным и согласуется с построениями историков (несмотря на новшество – предложенное автором сближение мансийского ареала расселения с селькупским).

Во второй главе диссертации «Ареальные и генетические связи внутри самодийской языковой группы» А. Ю. Урманчиева решает важную исследовательскую задачу – анализирует контакты внутри самодийской языковой общности, справедливо полагая, что реконструкция этих языковых контактов даст возможность «строить гипотезы о взаимном географическом расположении самодийских языков в различные исторические периоды и о путях миграции самодийских народов» (с. 65).

Данная задача напрямую связана с проблемой классификации языков самодийской группы. Именно решению этой проблемы – выстраиванию внутренней классификации самодийских языков – посвящена большая часть 2-й главы. Для создания авторского варианта такой классификации Анной Юрьевной в полной мере был задействован метод лексикостатистического анализа, дополненный далее исследованием «проблемных узлов» методом эксклюзивных параллелей, определяющих общие генетические либо ареальные инновации. Автор продемонстрировала в данном разделе глубокую осведомленность как в теоретических аспектах, связанных с разработкой и функционированием данных методов, так и в вопросе их практического применения.

В результате была сформирована и представлена авторская схема генетической классификации самодийских языков, причем схема выстраивалась в динамическом состоянии – на три позиции, т. е. на три разных хронологических периода, отражающих разные состояния самодийских языков (с. 226–228). Таким образом, что чрезвычайно важно, данная схема позволяет увидеть постепенное и непрерывное развитие этнической истории за длительный период времени в пределах исследуемой территории.

Обобщающие итоги по предлагаемой автором данного диссертационного исследования реконструкции размещения языковых групп в течение нескольких столетий представлены в отдельном разделе 2.5. «Реконструкция в динамике лингвистической карты Западной Сибири», являющемся важнейшим разделом всей работы, так как именно в нём сконцентрированы основные выводы, оформленные, прежде всего, в виде трёх карт-схем, на которых размещены ареалы расселений, контакты и перемещения (т. е. указаны направления миграций) самодийских и обско-угорских языков (по умолчанию языковые группы у автора совпадают с этническими).

Третья глава диссертационного исследования посвящена сравнительному анализу нарративных стратегий, характерных для некоторых исследуемых языков. Было выявлено, что в определенном ареале сформировалась типологически редкая система дискурсивных стратегий, использующихся в фольклорных и персональных нарративах трёх разных языков, что отражает контакты между северным селькупским и нганасанским, с одной стороны, и северным и тымским селькупским и ваховским хантыйским, с другой. Более того, рассмотрение нганасанского материала показало, что «нарративные стратегии тазовского селькупского практически полностью изоморфны нганасанским нарративным стратегиям» (с. 259). Это, на взгляд автора, подтверждает тот факт, что относительно недавно нганасанский и северный селькупский еще соседствовали на лингвистической карте Западной Сибири.

В Заключении диссертационного исследования очень чётко и конструктивно подводятся основные итоги, формулируются еще раз важные выводы, полученные в ходе исследовательского процесса. Часть из них вызывает чувство принятия и солидарности с ними, но некоторые выводы и положения диссертационной работы А. Ю. Урманчиевой заставляют вступить в диалог с автором и высказать определенные сомнения или замечания.

1. Вызывает несогласие вывод, полученный А. Ю. Урманчиевой, о названии «селькупского рода с реки Парабель» *maş qul* как мансийского заимствования: это название является «хорошим формальным соответствием манс. **māñśi* > N *mañśi* [māñśi], LM *māñś* ~ *moañś*, LU P *mañś*, K *māñś* ~ *mañś*, T *māñśi* ~ *māñśi* ‘манси’, что может указывать на мансийское происхождение данного селькупского рода» (с. 51, 261). Сам термин взят из публикации Г. Н. Прокофьева [Прокофьев 1935: 12], но он, увы, не верифицируется (нет ясности относительно источника получения этого термина Г. Н. Прокофьевым): нет такого родового названия среди реконструируемых Е. Д. Прокофьевой названий селькупских родовых групп, нет такого названия и среди тех родов, которые упомянул Г. Ф. Миллер в XVIII в.; не упоминается он и в записях иных лингвистов, этнографов, историков, краеведов XIX – XX вв.

2. Еще один важный вывод А. Ю. Урманчиевой – заимствование в селькупский язык из мансийского основного номенклатурного термина ‘человек’, который в селькупском и мансийском языках представлен как «эксклюзивная параллель селькупского *kum* ‘человек’ и мансийского *хит* с тем же значением (не представленного ни в других самодийских языках, ни в хантыйском)» (с. 40–41). Вывод выглядит, скорее, как предложение к дискуссии. Причем сама общность этих слов сомнения не вызывает, однако направление заимствования (из мансийского в селькупский) не выглядит убедительным.

3. Вызывает вопросы и несогласие также сам подход к этнонимам как к словам, которые легко заимствуются. Следует подчеркнуть, что такой подход свойственен не только конкретно А. Ю. Урманчиевой, но и многим другим лингвистам. Напротив, любой этнолог / социальный антрополог знает, что этнонимы – это не просто слова, что-то называющие, но это слова, которые объединяют одних людей друг с другом (со «своими»), а это значит: вызывают чувство сплочения, заставляют солидаризироваться с группой под определенным названием, и, напро-

тив, помогают отграничивать себя и свою группу от других, т. е. «чужих». За этнонимами стоит феномен этнической идентичности – важнейший, если не главный, авторегулятор этнических процессов. Принятие иного этнонима (т. е. «заимствование» этносом чужого этнонима) всегда означает финальную стадию какого-то глубокого внутриэтнического трансформационного процесса, ведущего к окончательной смене этнической идентичности. Не получится, например, принять мансийский этноним и оставаться носителем селькупской идентичности.

4. Обычно, если этническая группа принимает чужой этноним, то за этим стоят определенные политические или экономические события (военно-политический захват, экономическое подчинение / господство, проникновение представителей иного этноса в состав руководящей элиты и т. д.). И только потом уже следуют такие события, как принятие «чужого» этнонима. Причем навязать чужой этноним нельзя: даже в порабощённом состоянии люди не теряют / не отказываются от своей родной этнонимии, а это значит – от своей идентичности; более того, за свою идентичность люди готовы погибать. Обычно принятие чужого этнонима в качестве своего говорит о том, что чужие стали референтной группой для основной части этноса (группой, носящей престижные ценности), и дальше начинается ориентация и выстраивание других аспектов культуры под культурные ценности носителей этого престижно-ценностного ядра (начиная от манеры речи до одежды и религиозных идей). Ничего подобного между селькупским этносом и мансийским отмечено исследователями не было. Более того, сама память о возможном политическом, культурном или языковом единстве отсутствует.

5. Вызывает несогласие сам факт, что у селькупов в результате проведенного исследования были «отняты» все основные этнонимы (и даже сам номенклатурный термин – «человек») и обозначены как заимствования. Остаётся удивляться в таком случае, как этот этнос (далеко не монолитный изначально, фактически этническая группировка, состоящая из нескольких подгрупп) сохранилась в истории и просуществовала до настоящего времени, имея высокую диалектную и локальную раздробленность, широкую территорию расселения и постоянный дрейф по району Среднего Приобья в определенных разноректорных направлениях (центральная диалектная группа – с запада на восток, южная диалектная группа – с востока на запад (с Кети на Обь), северная диалектная группа – с юго-запада на северо-восток).

6. Скорее можно предположить вкрапление отдельных семейных групп манси в состав разных селькупских локальных групп. И такое внедрение могло быть не только в далёком прошлом, но и продолжалось до недавнего времени (о Сайнаковых, Гоголевых и Шёшкиных у манси и селькупов см. выше).

7. Хочется отметить также, что сама манера образовывать / конструировать этнонимы у манси отличается от селькупской. Группы манси формируют эндоэтнонимы (самоназвания) следующим образом: *сакв-ма-хум* ‘ляпинской земли люди’ или *полум-ма-хум* ‘пелымской земли люди’; это отличается от селькупской конструкции. Ср. сельк. *чумыль-куп*, *шёш-кум*, *сюссе-кум* (т. е. без добавочных формантов «такой-то земли» человек).

8. Очень важный момент: на созданных автором данной диссертации к разделу 2.5 картах нет датирующей информации, отражающей расселение разных языковых групп, проживавших в Приобье в период последних двух тысячелетий. Раз уж материал позволил Анне Юрьевне создать такие карты, остаётся сделать следующий шаг – их надо было бы как-то продатировать. Если бы появились конкретные датировки, ценность карт выросла бы многократно, так как они стали бы важнейшим путеводным ориентиром для этноисторических и особенно археологических исследований. На них можно было бы опираться при сверке материала других научных дисциплин, имеющих выход к этногенетической проблематике.

9. Для получения некоторых важных выводов автором диссертации был широко задействован енисейский (кетский) материал, однако на представляемых к защите картах отсутствует размещение енисейских групп, и, тем самым, енисейцы оказываются опять выпавшими / «потерянными» во времени и пространстве, несмотря на свою важную роль в этнической истории, протекавшей на территории Приобья и Енисея.

10. Слабо обоснованным выглядит аргумент о том, что проход самодийцев на север случился по Оби, а не через бассейн Енисея потому, что самодийцам преграждали путь территории, занятые группами енисейцев.

11. Введение обозначения «верхнеобской лингвистический ареал» для территории, находящейся где-то в нижней части Среднего Приобья, вносит путаницу в восприятие материала. Корректней было бы пользоваться географическими привязками, например, район Среднего Приобья между устьями обских притоков – Ваха, Тыма и Васюгана и т. п.

Однако, несмотря на все дискуссионные моменты, в целом, диссертация А. Ю. Урманчиевой заслуживает положительной оценки как исследование, основанное на обширном лингвистическом материале; использованная автором собственная методика реконструкции истории языковой семьи в период после существования праязыка доказала свою результативность.

Указанные в отзыве сомнения и замечания не умаляют заслуг А. Ю. Урманчиевой, проделавшей огромную работу в процессе подготовки диссертации. Она представила к защите самостоятельный оригинальный труд, основанный, прежде всего, на огромном корпусе лингвистических данных; провела сложную аналитическую работу. Текст диссертации свидетельствует о хорошей профессиональной подготовке соискателя, умении ставить и решать сложные исследовательские задачи. Основные обобщения и выводы, сделанные соискателем, обоснованы, достоверны и органично вытекают из собранных и интерпретированных автором данных. В диссертации содержится решение крупной исследовательской проблемы, имеющей важное значение для понимания этнолингвистических процессов в Западной Сибири.

Список литературы

Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2005. 347 с.

Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.

Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Фил. изд-ва «Просвещение», 2001. 413 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская грамматика). Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.

Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь. СПб: Наука, 2009. 487 с.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 204 с.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука, 1982. 164 с.

Хелимский Е. А. Архивные материалы XVIII века по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986. С. 79–213.

Хелимский Е. А. Прасамодийские *ə и *ä: прауральские источники и нганасанские рефлексy // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 196–201.

Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004. 465 p.

Joki A. J., Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1944. 216 p.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977. 185 p.

References

- Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jar-mo Alatalo* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004, 465 p.
- Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk, TSPU, 2005, 347 p. (In Russ.)
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977, 185 p.
- Joki A. J., Donner K. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1944, 216 p.
- Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect)]. Ekaterinburg, Basko, 2010, 368 p. (In Russ.)
- Khelimskiy E. A. Arkhivnye materialy 18 veka po eniseyskim yazykam [Archival materials of the 18th century on the Yenisei languages]. In *Paleoaziatskie yazyki* [Paleo-Asiatic languages]. Leningrad, Nauka, 1986, pp. 79–213. (In Russ.)
- Khelimskiy E. A. *Drevneyshie vengersko-samodiyskie yazykovye paralleli (Lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya)* [The oldest Hungarian-Samoan linguistic parallels (Linguistic and ethnogenetic interpretation)]. Moscow, Nauka, 1982, 164 p. (In Russ.)
- Khelimskiy E. A. Prasamodiyskie *ǵ i *ǵ̃: praural'skie istochniki i nganasanskii refleksi [Prasamodian *ǵ and *ǵ̃: Proto-Uralic sources and Nganasan reflexes]. In: E. A. Khelimskiy. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparativistics, uralistics. Lectures and articles]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 196–201. (In Russ.)
- Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu. *Slovar' nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary]. St. Petersburg, Branch of the "Prosveshchenie" Publ. H., 2001, 413 p. (In Russ.)
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya grammatika)* [Selkup (Ostyako-Samoyedic grammar)]. Leningrad, Izd. Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 131 p. (In Russ.)
- Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskiy slovar'* [Enets dictionary]. St. Petersburg, Nauka, 2009, 487 p. (In Russ.)
- Tereshkin N. I. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka. Ch. 1: Vakhovskiy dialect* [Essays on the dialects of the Khanty language. Part 1: The Vakhovsky dialect]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, 204 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.09.2023

Сведения об авторе

Тучкова Наталья Анатольевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела истории и этнографии БУ «Музей Природы и Человека» (Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: natatutskova@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4448-0355

Information about the Author

Natalia A. Tuchkova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Department of History and Ethnography, Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk, Russia)
E-mail: natatutskova@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4448-0355

УДК 092:811.512.22
DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-161-165

**Памяти Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой
(01.01.1950 – 02.10.2023)**

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования

Уртегешев Н. С. Памяти Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой (01.01.1950 – 02.10.2023) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 161–165. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-161-165

**To the memory of Firdaus Gil'mitdinovna Khisamitdinova
(January 1, 1950 – October 2, 2023)**

N. S. Urteshehev

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

For citation

*Urteshehev N. S. Pamyati Firdaus Gil'mitdinovny Khisamitdinovoy (01.01.1950 – 02.10.2023) [To the memory of Firdaus Gil'mitdinovna Khisamitdinova (January 1, 1940 – October 2, 2023)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 161–165. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-161-165*

2 октября 2023 г. на 74-м году жизни после тяжелой болезни ушла из жизни глубокоуважаемая Фирдаус Гильмитдиновна, выдающийся российский ученый-филолог, тюрколог, специалист в области башкирского языка, доктор филологических наук, профессор, член Российского комитета тюркологов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Башкортостан, общественный и государственный деятель. Долгие годы Фирдаус Гильмитдиновна была членом редакционной коллегии журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири».

© Н. С. Уртегешев, 2024

ISSN 2712-9608
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Фирдаус Гильмитдиновна родилась 1 января 1950 г. в деревне Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР и всю свою жизнь посвятила служению башкирскому народу и сохранению родного языка, культуры и истории. До последнего поддерживала коллег-тюркологов из других регионов Российской Федерации, активно участвовала в различных международных проектах.

До того, как к ней пришла известность мирового уровня, она начинала свою трудовую жизнь учителем русского языка и литературы в школах Белорецкого и Аургазинского районов Башкирии. Затем окончила аспирантуру в Институте языкознания АН СССР, успешно защитив в 1980 г. кандидатскую диссертацию «Консонантные сочетания башкирского языка типа “сонорный + глухой смычный” в историческом освещении», а в 1993 г. докторскую диссертацию «Формирование ойкономической системы башкирского языка». С 1978 по 1985 гг. занимала

должность сначала младшего, а затем старшего научного сотрудника в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра. Не ограничиваясь только научной деятельностью, она продолжала преподавательскую работу. В 1985 г. Фирдаус Гильмитдиновна начинает работать в Башкирском государственном педагогическом институте, где создает факультет башкирской филологии, кафедру башкирской филологии, башкирского языка, башкирской литературы и культуры, башкирско-английское, башкирско-турецкое и башкирско-немецкое отделения, вводит в преподавание ряд новых специальностей, занимает должности заведующего кафедрой башкирского языка, декана факультета башкирской филологии. С 1995 по 1998 гг. Фирдаус Гильмитдиновна являлась министром народного образования Республики Башкортостан, принимала самое деятельное участие в разработке проектов концепции и программы развития образования Республики Башкортостан, ряда других республиканских программ, которые успешно претворились

в жизнь. Благодаря Фирдаус Гильмитдиновне многие новшества нашли воплощение в образовании Республики Башкортостан. Возвращение в Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН в 1998 г. в должности заместителя директора ознаменовано написанием серии новых научных работ, связанных с изучением башкирского языка, а также активной научно-организаторской работой, особенно с 2005 по 2016 гг., когда Фирдаус Гильмитдиновна возглавляет институт. Она уделяет большое внимание научному описанию башкирского языка, кадрам института, повышению их квалификации, привлекает ученых из разных научных учреждений России для изучения башкирского языка и культуры. Ей было важно не упустить время, не ждать, пока появятся свои специалисты по тому или иному направлению – слишком многое может быть утрачено безвозвратно. Фирдаус Гильмитдиновна находила средства на стажировки сотрудников в ведущих научных организациях, в том числе в Институте филологии СО РАН, в Институте языкознания РАН. Организовывала экспедиции по сбору материала, приглашала носителей башкирского языка для записи речи аппаратными методами (магнитно-резонансное томографирование) в новосибирский Академгородок, потому что на территории Башкирии возможности это сделать не было. В результате было выпущено четыре Атласа артикуляционных настроек звуков башкирского языка, что стало, безусловно, большим вкладом в башкирскую лингвистику и мировую тюркологию. Без ее усилий, без видения наперед этого ничего бы не было.

Она являлась автором более 500 научных работ, опубликованных как в отечественной, так и в зарубежной печати, в том числе 26 монографий и приравненных к ним академических словарей. Кроме того, она автор большого количества школьных учебников, методических и учеб-

ных пособий для школьников, учителей, а также для студентов и аспирантов высших учебных заведений.

Фирдаус Гильмитдиновна была человеком необычайных дарований, высочайшей эрудиции, уникальных познаний в самых разнообразных сферах – исторической фонетике, ономастике, диалектологии, этнолингвистике, лексикографии, мифологии и др.

Она была интеллигентным человеком с тонким чувством юмора, всегда пользовалось уважением дорогих ее сердцу башкир, а также российских и зарубежных ученых. Ее имя было на слуху как в родных пенатах, так и далеко за пределами отечества. Она всегда была полна сил, а жизненной энергии у нее было столько, что казалось: ее хватит как минимум на сто лет. Молодежь, которая годится ей во внуки, не справлялась с теми объемами работ, которые были под силу Фирдаус Гильмитдиновне. После завершения рабочего дня она занималась еще и документами или общественной деятельностью.

Она смотрела на много шагов вперед, на много лет вперед, видела потенциал в людях, видела возможности проектов, видела будущее башкирского языка, прикладывая все возможные усилия для сохранения и развития башкирского языка, башкирской культуры, сохранения башкир как народа.

Фирдаус Гильмитдиновна очень бережно относилась к людям, с которыми сотрудничала: меня называла братом или шорским братом – это было приятно, потому что человек такого уровня относился ко мне как к равному, без высокомерия, считая своим близким, родным, что вызывало ответные чувства. Мы разговаривали с ней не только о лингвистике, о судьбе народов, культуре, преподавании, но и просто о жизни, хотя я понимал, что она очень занятой человек, у нее много дел и без меня, но при этом мы могли беседовать часами. Когда у меня случилось горе, она не осталась в стороне и без промедления откликнулась, помогла. Я это помню, за это сердечно благодарен ей и сотрудникам Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Память об Фирдаус Гильмитдиновне, выдающемся исследователе-лингвисте, замечательном и открытом человеке, надежном друге и наставнике навсегда останется в наших сердцах.

Светлая память Вам, Фирдаус апа!

Приложение
Appendix

Список научных трудов Ф. Г. Хисамитдиновой

Монографии

Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа: БашГПИ, 1989. 96 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.: Монография. Уфа: Башкнигоиздат, 1991. 254 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская мифология (на башкирском языке). Уфа: Гилем, 2002. 126 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка (соавт. Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 104 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка (соавт. Уртегешев Н. С.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 108 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка (соавт. Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 116 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка (соавт. Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2021. 298 с.

Словари

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. I: (Буква А) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. II: (Буква Б) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 568 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. III: (Буквы В–И) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 864 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. IV: (Буквы Й–К) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 944 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. V: (Буква К) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2013. 888 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. VI: (Буквы Л–Ө) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2014. 944 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Географические названия Башкортостана: Словарь. Уфа: РИО БГПИ, 1992. 96 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2001. 320 с. (соавт. Сиразитдинов З. А.).

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2005. 256 с. (соавт. Шакуров Р. З., Сиразитдинов З. А., Юлдашбаев Ю. Х.).

Хисамитдинова Ф. Г. Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 310 с. (соавт. Сиразитдинов З. А., Суфьянова Н. Ф.).

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3-х кн. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3-х кн. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 152 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3-х кн. Кн. 3. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 128 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирско-русский словарь лексики обычного права. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2021. 148 с. (соавт. Валиева М. Р., Ишкильдина Л. К., Каримова Г. Р., Каримова Р. Н., Муратова Р. Т., Нафиков Ш. В., Сулейманова Р. А., Ягафарова Г. Н.).

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь ранних русских заимствований башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2021. 254 с. (соавт. Мухтаров Н. Г.).

Публикации о Ф. Г. Хисамитдиновой

Аралбаева Л. В Уфе ушла из жизни российский ученый-лингвист, общественный деятель Фирдаус Хисамитдинова / Башинформ. 03.10.2023. URL: <https://www.bashinform.ru/news/culture/2023-10-03/v-u-fe-ushla-iz-zhizni-rossiyskiy-lingvist-obschestvennyy-deyatel-firdaus-hisamitdinova-3462805> (дата обращения 11.11.2023).

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова // Проблемы востоковедения. 2020. № 1 (87). С. 97.

Дыбо А. В., Муратова Р. Т. Ф. Г. Хисамитдинова – видный ученый-тюрколог и талантливый организатор науки // Урало-алтайские исследования. 2015. № 1. С. 78–83.

Ишкильдина Л. К. Доктору филологических наук, профессору Ф. Г. Хисамитдиновой – 65 лет // Известия Уфимского научного центра РАН. 2015. № 2. С. 97–98.

Сиразитдинов З. А., Каримова Р. Н. Вклад Ф. Г. Хисамитдиновой в науку и образование Башкортостана // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8. № 1. С. 102–105.

Сиразитдинов З. А., Каримова Р. Н. Неутомимая труженица науки (к юбилею доктора филологических наук Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой) / Материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф. Г. Хисамитдиновой «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», Уфа, 19–21 ноября 2015 года. Уфа, 2015. С. 237–239.

Сиразитдинов З. А., Каримова Р. Н. Вклад Ф. Г. Хисамитдиновой в науку и образование Башкортостана // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Языкознание. 2015. Т. 8. № 1. С. 102–105.

Сиразитдинов З. А., Каримова Р. Н. Известный тюрколог и талантливый организатор науки (к 70-летию Ф. Г. Хисамитдиновой) // Российская тюркология. 2020. № 1–2 (26–27). С. 136–142.

Сулейманова Р. А. Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова // Российская тюркология. 2015. № 2 (13). С. 90–92.

Фархшатов М. Н., Нафиков Ш. В., Салихов А. Г. Фирдаус Хисамитдинова. Слагаемые фото-портрета. Уфа, 2014. С. 188.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна // Проблемы востоковедения. 2023. № 4 (102). С. 99.

Шарова Е. Фирдаус Хисамитдинова: Я росла, вдыхая воздух истории / Новости Уфы и Республики Башкортостан «Agidel». Интервью от 09.11.07. URL: <https://d-dynastia.ru/smi/6-firdaus-hisamitdinova-ya-ros-la-vdykhaya-vozd-ux-istorii-gazeta-respublika-bashkortostan-220-2007g.html> (дата обращения 11.11.2023).

Юсупов А. Ш. Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 344–347.

Юсупова А., Шаймердинова Н. Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна // Turkic Studies Journal. 2020. Т. 2. № 1. С. 82–87.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.11.2023*

Сведения об авторе

Николай Сергеевич Уртегешев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: urteshev@mail.ru
ORCID 0000-0001-8616-4652

Information about the Author

Nikolay S. Urteshev – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: urteshev@mail.ru
ORCID 0000-0001-8616-4652

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 1 (Вып. 49)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Кер-палык»

Раздел «Лингвистика»:
редактор *Е. В. Тюттешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:
редактор и оператор электронной верстки *К. В. Жданова*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

